

НА ХОЛМАХ ГРУЗИИ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

№ 43

Тбилиси
2026

СЛОВО РЕДАКТОРА

Перед вами очередной номер нашего альманаха. Каждый раз, работая над следующей книжкой, думаешь: чем можно удивить, чем порадовать читателя? Как бы ни отличались высоким уровнем мастерства постоянные авторы журнала, нельзя ограничиваться двадцатью-тридцатью яркими именами. Вот почему одна из наших приоритетных задач – поиск новых имен.

В последней книжке вы познакомитесь с пятью дебютантами – нашими соотечественниками Мариной Пидуашивили, Робертом Авадзевым, Владимиром Канделаки и гостями из Российской Федерации Еленой Коник и Еленой Всесветлой. Несмотря на их непохожесть, убежден, у этих авторов появится большое количество поклонников.

Всегда интересно, когда известные литераторы меняют свое амплуа! Так, в прошлом номере прозаик Светлана Гинценберг дебютировала с поэтической подборкой. А на сей раз свои стихи представляет Александр Жилев, которого читатель знает, как автора прозы и переводов.

«Изюминка» номера – трансформация протоиерея Владимира Александрова. Начинал он как переводчик грузинской поэзии, автор пьесы о Терентии Гранели. В предыдущем номере был напечатан его рассказ. И вот теперь предлагаем вашему вниманию главу из его нового романа, по которой можно судить о высоком качестве этого произведения.

Формат вступительной статьи не позволяет рассказать о всех публикациях, но одно произведение следует выделить особо – продолжение романа Петра Хотяновского, одного из самых ярких в русской литературе XXI века. Здоровья и многие лета автору, который в нынешнем году отметит свое 89-летие.

В феврале исполнилось 18 лет Тбилисскому театру «Арион», созданному при Пушкинском обществе русскоязычных литераторов Грузии «Арион» с целью популяризации творчества драматургов-арионцев. За минувший год расширился репертуар театра, который был зарегистрирован как отдельная творческая единица. Зрители увидели два чиста – «Ванину Ванини» Стендаля, «41-й» Б.Лаврентева и инсценировку «Овода» Э.Л.Войнич, за которую театр получил несколько наград на престижных фестивалях в Лондоне и Санкт-Петербурге.

У «Ариона» – большие планы. Идет работа над пьесой Владимира Александрова, а затем хотелось бы обратиться к классике – инсценировке повести Л.Толстого «Отец Сергей» и пьесе санкт-петербургского драматурга, автора нашего альманаха Дмитрия Михеева «Дора и соседи» на грузинскую тему.

А 6 июня, в ознаменование дня рождения Александра Сергеевича Пушкина и Всемирного дня русского языка, мы проведем (в 36-й раз подряд!) митинг у бюста солнца русской поэзии на центральной площади Тбилиси, а также подведем итоги традиционного конкурса «Как сохранить язык Пушкина на земле Руставели».

Михаил АЙДИНОВ,
руководитель Пушкинского общества «Арион»,
Ассоциации русскоязычных журналистов Грузии,
редактор литературного альманаха
«На холмах Грузии»

Александр Жиляев

АНГЕЛ

Небесный ангел постучит в окно,
Когда режут ветра и стонут вьюги,
Когда в душе и в комнате темно,
И сердце ждет, живя с собой в разлуке.

Когда под утро не взошла заря,
Бесследно потонув в угрюмом небе,
В плену иллюзий жизнь прожита зря
Средь тщетных тягот о насущном хлебе.

Когда застынет льдом речным душа,
Весною сердце бредить перестанет
И смолкнет, из последних сил дыша,
И майских гроз смятенье не настанет.

Души коснется словно невзначай
Святым огнем восторженных видений,
Расскажет про далекий, светлый рай,
Рассеет мрак тревожных сновидений.

И долгожданный загорит рассвет
В душе, где студят зимние морозы,
И лета жаркого остыл последний след,
И дождь осенний проливает слезы.

ОСЕНЬ

В осеннем золоте листов
Я утону, забыв о лете,
Среди тревог и вещих снов
В унылом растворяюсь рассвете.

Заполонят притихший мир
Усталой осени приметы,
Ветров холодных мрачный пир
И в мутном зареве рассветы.

Заплачет тихо черный лес,
Дыша тоскою и туманом,
Захвачен посеревший плес
Озябшей осени обманом.

Несу весне свои мольбы,
Печали пряжею опутан,
Заснут дремучие дубы,
В немом безмолвьи лес укутав.

В седом забвеньи белой стужи,
Во мгле туманов жду весны,
Где небо расплескалось в лужах,
И тихим счастьем дышат сны.

СЕГОДНЯ НОЧЬЮ ТЫ ПРИСНИЛАСЬ МНЕ

В стране холодной, далеко отсюда,
Приснилась ты в волшебном белом сне
И мимолетным и неожиданным чудом
Блеснула вновь в моем пустом окне.

Ты заблудилась среди моих обманов,
Исчезла в дымке пасмурного дня,
Среди густых и призрачных туманов,
В тоске осенней скрылась от меня.

Я пропаду в ночных трясинах зыбких
И буду грезить среди немой тоски,
Горящий взгляд и зов твоей улыбки,
Изгиб изящный женственной руки.

Ты утешеньем, тихой лаской нежной
В ночи обнимешь мой тревожный сон,
Весной повеешь среди метели снежной,
Сквозь мрак ночной и зимних ветров стон.

ЛЕБЕДИНОЕ ЭХО

Мы шли сквозь холод, сквозь огонь сражений,
Сердца дымились, плавилась земля,
Ломала волю горечь поражений,
И душу жгли сожженные поля.

Придавит враг безжалостной громадой,
И скроет солнце в черной тишине
Вороньих стай железную армаду.
Любимая, ты помни обо мне.

Вокруг метель, тоскливо ветер воет
В озябшем сердце и в моем окне,
Где милый образ твой мелькнет порою.
Любимый мой, ты вспомни обо мне.

Терзает сердце эхо темной дали,
Душа уже не вспомнит о весне,
Леса и нивы от войны устали.
Любимая, ты помни обо мне.

Два облачка, паря в лучах заката,
Дождем заплачут у меня в окне,
По воле злых ветров несясь куда-то.
Любимый мой, ты вспомни обо мне.

Лежат бойцы среди полей кровавых,
Им месяц светит в мертвой тишине,
Не разделяя правых и неправых.
Любимая, ты помни обо мне.

Когда к ночи затихнет канонада,
Когда застывший мир в тревожном сне
Лежит в лучах кровавого заката,
Любимый мой, ты вспомни обо мне.

И если мне судьба наворожила
Безвестно кануть в жертвенном огне,
С дождем весенним у моей могилы
Пролей слезу и вспомни обо мне.

Любовь моя одна среди тьмы и смерти
Горит тебе заветною звездой,
В жестокой и кровавой круговерти
Стечет с небес к тебе живой водой.

Пройдет война и смолкнет канонада,
Над похоронкою заплачет тихо мать,
Уставший мир обнимет скорбь заката,
И только сердце не устанет ждать.

В НОЧЬ ПЕРЕД ДУЭЛЬЮ

Тоской нездешней в ледяном огне
Душа поэта горестно стонала;
И тьмой ночной дыша в его окне,
Луна одна чело ему ласкала.

И больше золотого солнца лик
Не прерывал души его молчанье,
Крылатый Серафим не слышал крик
Из сжатых уст, измученных стенаньем.

Вокруг него лишь ночь и тишина,
Тревожной неизвестности безбрежность,
И только из раскрытого окна
Ночные звезды щедро дарят нежность.

В печальном одиночестве души,
Где только мыслей суетных томленье,
Лишь память дней былых к нему спешит
Рассеять липкий морок сновидений.

И лишь из детских грез сплетенный сон

Смирит к утру мятежный дух поэта,
Прервет души уставшей тихий стон
В унылой дымке зимнего рассвета.

Истек, покинув жизни круговерть,
Не пулей злою был он убиенный,
Вдохнул всей грудью, как спасенье, смерть
И к звездам устремил свой дух нетленный.

ВОЗЬМУ С СОБОЙ

Я уйду в кровавые поля,
Где скрежет стали и предсмертный крик,
Где плачет небо и горит земля,
И дуб сраженный, стихнув, к ней приник.

Я уйду в края несносных мук,
В поля невзгод и смертной тишины,
Где в страсти битвы тонет сердца стук
И рвет тела дыханием войны.

Возьму свет звезд в вечерней тишине,
Возьму с собою ласку твоих рук
И ветерком, поющим по весне,
Твой нежный голос в край людских разлук.

Возьму я блеск твоих зеленых глаз
И терпкий вкус желанных губ твоих,
Огонь разящих, обнаженных фраз
И страстных ласк в объятиях моих.

Возьму с собой дыханье тишины
И шепот ветра посреди полей,
Холодный свет обманчивой луны
И белый вихрь цветущих тополей.

Возьму с собой я крики птичьих стай,
Средь синевы парящих в вышине,
И запах диких трав, что дарит май,
И танец чаек на морской волне.

Любовь твоя в озябшей тишине,
В огне кровавой битвы роковой,
Звездой надежды засверкает мне,
Омоет сердце девичьей слезой.

БЕЛАРУСЬ

Страна отцов и славных предков
Среди озер и влажных нив,
Земля легенд, преданий древних,
Где каждый кустик сердцу мил.

Люблю туманные рассветы
И замков рыцарскую статью,
Струит небесным чистым светом
Церквей печальных благодать.

Люблю тебя любовью кроткой
Как сын заботливую мать,
Твой образ чистым светом соткан,
Несу в душе его печать.

Твоих небес высоких, нежных
Люблю неброскую красу
И родников холодных свежесть
Я в сердце бережно несусь.

Какой-то тихой нежной грустью
Заполонит туманный лес,
И сладкой болью не отпустит
Вечерний свет родных небес.

АХ, КАК БЫЛА ГРУЗИНКА ХОРОША!

(Жене А.Грибоедова Нине Чавчавадзе посвящается)

Она росла теплом весны согрета
Среди долин и живописных гор,
Вдали мирской и всех соблазнов света,
Лишь обнимал ее родной простор.

В неясных грезах, девичьих мечтаньях
Он снился ей в волнах волшебных снов,
Терзало сердце сладостно страданье,
Вздывая ввысь от всех земных оков.

Вошел без стука, взглядом своим странным
Ворвался в жизнь, нарушив связь времен,
А в сердце ждущем-эхом долгожданным
Безмолвный крик: «Господь мой, это он!»

Зажег в глазах ее стыдливый трепет,
Огнем зарделась девичья душа,
Застыл в устах горячей страсти лепет,
Ах, как была грузинка хороша!

Но быстротечно двух сердец блаженство:
Шестнадцать лет, и ты уже вдова!
Недолговечно в жизни совершенство,
Все сгинет в прах, притронешься едва.

Когда весной сирень нальется силой,
Кусты ветвями по ветру шуршат,
Как-будто шепчут над его могилой:
«Ах, как была грузинка хороша!»

Я боль твою укрою в тишине,
Среди седых ветров и снежных вьюг,
Меж облаков, парящих в вышине,
В восторге встреч и горечи разлук.

Укрою боль твою в своих глазах
И сильном сердце трепетном своем,
В томлении, застывшем на устах,
И в снах, где были счастливы вдвоем.

Ее открою только ветерку ,
Когда он тихо шепчет средь ветвей,
Вложу ее в печальную строку,
В вечерний сумрак парковых аллей.

Я боль твою укрою среди звезд,
В неверном свете сумрачной луны,
На дне души, где льет осенний дождь,
В дыханьи предрассветной тишины.

Ее открою только ручейку ,
Что радостно разлился по весне,
Мечте, что на далеком берегу,
И в сердца сокровенной глубине.

Я нарисую твой портрет
И кровью алой из сердечной раны
Сваяю губ горящий силуэт,
Печаль улыбки, манящей и странной.

Огонь любви отдам твоим глазам,
Чтоб засверкали страстно надеждой,
Чтобы в любви тонул твой как прежде
И искупленьем стал твоим слезам.

Отдам свой трепет и сердечный пыл,
Чтоб сердце от любви затрепетало,
Чтоб знала ты, что я тебя любил,
И снег былых разлук навек растаял.

Вложу всю душу в лед замерзших рук,
В мечты твои, разбитые обманом,
Чтоб призраки твоих бессонных мук
Растаяли предутренним туманом.

Всю жизнь свою впишу я в твой портрет,
По капле разбавляя ею краски,
Чтоб отыскать любви укрытый след
И словно в детстве вновь поверить в сказки.

ТАМ НЕТ ТЕБЯ

Февраль морозный ветрами застудит,
Там нет тебя, ищи иль не ищи,
За днем ушедшим новый вскоре будет:
Там нет тебя ни в свете, ни в ночи.

Средь зимней скуки, горестных сомнений,
Не отыскать, ищи иль не ищи,
В ночном бреду навязчивых видений
Не опознать средь призрачных личин.

В волшебной сказке летнего рассвета,
Там нет тебя, ищи иль не ищи,
В неверных бликах сумрачного света,
Не разыскать тебя во тьме ночи.

Среди печальных слез дождей осенних
Не обрести, ищи иль не ищи,
Не отыскать в смятении грез весенних
Среди теней во мгле сырых лощин.

Тебя найду я в сладком упоеньи,
Где обитают страстные мечты,
В заветных снах, в предутреннем томленье:
Ведь в моем сердце поселилась ты.

ТЫ ЛЮБИ МЕНЯ НЕЧАЯННО

Ты люби меня нечаянно,
Когда сердце трепетно слушает,
И в своем извечном молчании
Тихо ночь берedit нам души.

Ты люби меня нечаянно
Среди ночи, когда проснувшись
И вздохнув обо мне печалью,
Будешь ветра дыхание слушать.

Ты люби меня нечаянно,
Когда летний дождь дарит слезы,
В сердце осени крик отчаянный
И февраль леденят морозы.

Ты люби меня нечаянно,
Когда сердце поет в звездной дали,
Когда хмурого утра отчаянье,
И колосья от лета устали.

Ты люби меня...так отчаянно,
Когда мысли плачут о вечности
И в сердце стучится молчанием
Холодный взгляд бесконечности.

Ты люби меня...так отчаянно,
Только миг один...среди безбрежности,
Взгляд украдкой брось нечаянный,
Прикоснись тихим вздохом нежности.

Светлый день синевой окутает,
Чистым звоном червонным встретит,
И, венком ясных звезд опутав,
Повенчает весенний вечер.

ДВЕ ЖЕНЩИНЫ

В червонном золоте рассвета
В молчанье сердца, не спросив,
Вошла ты, светлою любовью
Больную душу оросив!

Среди густых туманов зыбких
Прошла теплом меж зимних стуж,
Весны неожиданною улыбкой
Явилась средь осенних луж.

Своей любовью воскрешая,
Ты воскресала в ней сама,
Средь снежной вьюги утешая,
Когда в душе пришла зима.

Безмолвный крик немого сердца
Одна услышать ты смогла,
Я...в гордом ожидании смерти,
А ты...весну в душе зажгла.

Но в ночи подойдет другая
И пробудит от сладких снов,
Безумной страстью увлекая
В объятия сладостных оков.

В надрывном сердца упоении
Померк твой нежный, чистый свет,
И духа светлое томленье,
Улыбки ласковой привет.

Среди объятий страсти темной,
Сердец измученных, война,
Я слышал голос потаенный
И понял-ты была она.

Марина Пидуашвили

Родилась в Грузии, значительную часть жизни провела в России. После окончания школы вернулась в Грузию и поступила на юридический факультет Тбилисского государственного университета имени Ив. Джавахишвили, связав профессиональный путь с юриспруденцией. Практика юриста и адвоката сформировала сдержанность, точность мышления и умение смотреть на мир сквозь призму разума, где эмоциям отводится второстепенная роль.

Обращение к поэзии началось в детстве: стихотворения были способом образно передать реальность и погрузиться в пространство воображения. Со временем наступил длительный перерыв — взросление, семья, профессия, повседневность... Возвращение к стихам произошло значительно позже и стало новым этапом в жизни. Современная поэзия отличается зрелостью, глубиной, прожитым опытом, болью и надеждой.

М.Пидуашвили принимала участие в литературных конкурсах, находя отклик у читателей и профессионального сообщества. Для автора поэзия — не просто увлечение, а форма внутренней свободы. В мире, где господствуют логика и расчет, поэзия превратилась в голос души, пространство искренности и океан чувств.

ПОЛОТНО

Создай полотно, словно Модильяни,
Проводя кистью умело по холсту.
Отрази мои черты и изъяны —
Они не испортят души красоту.

Напиши меня, но не трогай глаза:
Ты душу оставил мою в руинах.
Камни обожгла упавшая слеза,
Бродить по ресницам больше не в силах.

Напиши меня яркими красками —
Мне в жизни хватает бледности сполна.
На холсте губы пусть будут алыми.
Если спросят, скажи: «Всю кровь испила!»

Напиши улыбку, но не Дюшенна,
Воссоздай образ, знакомый до боли.
Кури сигары — чертову дюжину,
Поставь под сомнение силу воли!

Создай меня с горделивой осанкой,
С розой в волосах, что была мне к лицу.
Весильной, гордой, лишь тебе покорной,
Вспомни обо мне — с другой идя к венцу!

Лишь не считай меня бездушной куклой:
«Я ведь живая», — еле шепчет душа.
«Увы, я не смогла стать тебе нужной...»
И погрузиться в руины, чуть дыша.

Коснись холста с закрытыми глазами,
Проводи кистью, маэстро, несмело.
Смотри на творение временами —
Взгляни, в твоих руках похорошела.

Создай полотно в полумрачной тиши,
Когда томный вечер прохладой дышит,
Когда рядом нет ни единой души —
Творцу с созданием не нужен лишний...

МАМА

В лабиринте дней я потерялась, мама,
Из зеркала смотрит чужой человек.
В суете сплошной ни много, ни мало
За минуту проносится целый век...

Растаяла снежинкой на ладони
В ожидании следующей зимы,
Забыла к беспечности пароли,
Без смысла сменяют друг друга часы.

Порой превращаюсь в следы на песке,
Что волны уносят с собою в море,
Но тебе не скажу о своей тоске -
Она как снежинка растает вскоре.

С собой, а не с кем-то, играю в прятки,
Один в поле - воин, ты слышишь, мама?
Как пес побитый ползу без оглядки,
Но до цели дойду, я ведь упряма!

Угости меня как прежде конфеткой,
Мы вместе раскроем мой детский альбом.

Дай вспомнить, какой я была кокеткой
И как по-пацански рвалась напролом...

Давай посидим за чашечкой чая,
Заварку крепкую, как любишь, долю.
Если пролью напиток нечаянно,
На меня не бранись, сейчас не в строю.

Прильну к тебе, и ни страха, ни боли,
Тепло твоих рук - мне тихая гавань,
Быть потерянной мне, мама, доколе?
Вместо крови раскаленная лава...

Приляжем с тобой на диван в обнимку,
Как некогда вместе посмотрим фильмы.
Пусть детство мелькнет всего на минутку,
Оно мне придаст во взрослости силы.

И пусть часы остановят свой ход,
Прошлое станет на миг настоящим.
Непонятным будет, как прежде, исход,
И вновь стану солнцем восходящим...

ВЫ НЕ ЗЛОДЕЙ

Вас упрекать? Ну что вы, не смею.
Вы интересный опыт и урок.
Вы не так страшны, как вас малюют,
Примите за комплимент, не в упрек.

Вы не так страшны, как вам хотелось,
В жизни встречала хуже людей.
Каждый из них твердил между делом:
«Я ангел, святой» — но тот был злодей.

Вы превосходны в своем амплуа,
Но я притворству не обучилась.
Вы мне совет: «Смени репертуар...»
А я за свое, как прежде, билась.

Вы мне внушали: «Поверь и не спорь,
Лист с ветки сорвется, как ни крути...»
А я прерывала наш разговор:
«Дайте мне шанс вас обоих спасти!»

Вы мне с усмешкой: «Излишне жива,
Остановись и возведи грани»,
А я восклицала: «В том ли вина,
Что я строптива, подобна лани?!»

С сарказмом едим: «Ты — парус в шторме,
Наперекор судьбе, назло ветрам...»
С улыбкой детской: «Так жить мне проще -
Во что я верую, то не предам!»

Вы убеждали: «Не все во власти,
Поставь истину под сомнение...»
Скажите, в том ли видите счастье
Быть безликим, не иметь мнения?

Вы повторяли: «Ничто не вечно,
У счастья, тем паче, короткий век».
Нет, не думайте, что я беспечна,
Я просто живая. Я — человек.

Нет, вы не злодей, вы заплутали
И шанса не дали мне вас спасти.
Сквозь сомнения в серые дали,
Увы, свернули с верного пути...

Вы мне с упреком: «Будь слабой, молчи!»
Я покорно для вас замолчала.
С тех пор ни строчки, ни звонка в ночи,
Но молчание мое начало

Ваших тягот, сомнений, раздумий,
И пусть вы о них еще не в курсе,
В водовороте чистых безумий
Держите руку крепче на пульсе...

Я к вам на «вы» - не форма упрека,
Считите знаком отчуждения.
У вас отныне своя дорога,
Простите, но к вам нет почтения...

ТИХОЕ ОЖИДАНИЕ

Утро. Мягкое солнце. Теплый очаг.
Приснился кошмар, и с утра всё не то.
Обиды вспомнились, теперь друг как враг,
Взорвалась банка и разлился компот.

Бродит без цели с утра и до ночи,
Проклинает кота, таскает за хвост.
Разбежались все: сыновья и дочери,
Преданной осталась старушке лишь трость.

Выйдет во двор и орет на собаку,
Всё надоело. Ох... старость не в радость.
С трудом согнется и поднимет палку,
Но перед псом не покажет всю слабость.

Ворчит угрюмо, домой возвращаясь.
Смотрит на желтые от дыма стены,
Кряхтит на печку, в себе замыкаясь.
Не ждет перемен – истерзаны нервы.

На полке икона, пыль лежит густо,
Молчит Николай с чудотворным ликом.
Свеча догорела, и внутри чувство,
Словно забыта она целым миром.

Муж умер зимой – не дожил до весны,
Пошел за дровами, сердце схватило.
Теперь у старой одинокой сосны
Старушке роднее, душе там мило...

Сердится не на шутку: «Как ты посмел
Оставить меня среди людей и забот?
Снова за окном воет злая метель,
И в кухне, как назло, разлился компот».

Взгляд в никуда, глядит бесцельно в окно,
Не ждет, что помашут ей издалека.
Что он вернется и ступит на крыльцо,
Тот, с кем делила хлеб, тяготы, года.

Также заходят соседи без дела –
За жизнь перемолвить и сплетни разжечь.
Она поддержит беседу умело,
Бросит слова, как дрова в старую печь...

Старушка ждет звонка в немой тишине
И силуэтов родных у калитки.
Но дети живут в городской суете –
Работа, дом... а старушке – открытки.

Внуки растут, у них заняты будни,
В деревне скучно, не до умных бесед.
А в старом доме остались лишь тени —
Часы застыли, событий больше нет.

Изредка напишут: «Бабуль, как ты там?»
«В ожидании вас», – с теплом в ответе.
«Тишина пугает, за ваш шум и гам
Я все отдам, что осталось на свете.

Открыла бы компот, варенье из слив,
Испекла бы пирог из последних сил...
Душа во мне, но вяну, зачах мотив –
Нет цели и смысла, превращаюсь в пыль» ...

Всё понимает – она не обуза,
Спрячет слезы... выше морщинистый нос.
Сердце ноет от незримого груза,
Но боль не покажет, живет на износ.

Письма раскроет, что хранила в платке,
От них веет счастьем, он рядом, живой.
Слеза на морщинах, как дождь в сентябре,
Сольется в экстазе с безумной тоской.

Душа ее, как раненая птица,
Рвется на волю, где отыщет покой.
Сердце дрожит, но уже не боится:
Где-то в небытии ждет самый родной...

Старушка с улыбкой погрузилась в сон...
Она далеко: где нет жизни в страхе,
Где оба молоды, где не нужно слов,
Где рядом он, парень в ветхой рубашке...

СКРИПАЧ

Сыграй, скрипач, для всех непростенных душ,
В ожидании томится скрипка.
В суете переноси в немую глушь,
Пусть каждый внемлет музыке зыбкой!

В глазах мятежность, Паганини в груди,
К струнам натянутым прильнул смычок.
Стук сердец раздается в пустой тиши,
Сыграй с холодным надменным лицом.

Пусть смычок скользит по струнам тревожным,
Эхо рвет незримые преграды.
Спасение сквозь тьму станет возможным,
Душе принесет сладость отрады.

Пусть от прикосновений стонет скрипка,
Сыграй с надрывом, как в последний раз!
И музыка дорогой пилигрима
Станет спасением душ в муки час...

ДВОЕ

Сидели двое по разные стороны экрана,
Упрямо прогоняя мысли о важном, былом.
В голове повторяли одну лишь фразу:
«Так надо»,
Жадно опустошая воспоминаний флакон...

Сидели двое, видя друг друга лишь
на экране,
Размышляя с другими, что было, будет потом.
И при вопросе: «Если столкнетесь
на променаде?...»
Вдруг помутился разум, и к горлу
подступил ком...

С прочими спокойнее, но только огни не горят.
В привычных местах, в до боли нелюбимых
лицах
Ищут знакомое тепло, но в ответ —
фальшивый взгляд,
Что утром забудут, по ночам не будет сниться...

Двое незабывших, не забывших друг друга глупца
В поисках минутного счастья манили чужих
И, забывая черты сидящего рядом лица,
Жадно опустошали один стакан за другим...

ВЫБОР

Ты выбрал плоть, не бессмертную душу,
Летя к минутам, как на свет мотылек.
Нет, ревностью своей не потревожу,
Мне некогда близкий отныне далек.

Ты выбрал ее, простую, земную,
Нас отдав мгновениям ночи зыбкой,
С улыбкой скажу: «Счастья», но ревную,
И тоска сжигает неукротимо...

Ты выбрал пламя мимолетной страсти,
В дурмане превратил меня в глыбу льда.
Разрушена святая вера в счастье,
Дорогу к тебе не покажет радар...

Ты нас убил — и спасибо за это.
Разорвав меж нами незримую нить,
Как снег прошлогодний, забуду лето,
По течению судьбы продолжу плыть...

Ты нас убил — не словами, а взглядом,
И стал лишь памятью огненных страстей.
Теперь я живу не с тобой, а рядом —
Призраком безликих потерянных дней.

В забвенье растворились, как день в ночи,
Ветром несутся слова: жаль, не судьба...
В память обо мне сохрани свет свечи
В смутной тени, где нет ни зла, ни добра...

Ты нас убил беспощадно, кроваво,
Жестоко разрушив все, что было «до».
Моя не кровоточит больше рана,
А ты опустился на самое дно...

Посреди шторма, в бушующем море
Скиталец искал свой тихий причал.
Капитану сдаться намного проще...
Упертый с надеждой крикнул: «Аврал!»

Боролось море, порыв сильных ветров...
Бездна ревом волн тревожила даль.
Минуты ожиданий как гнет оков...
Веры огонь потух в расколах скал.

Посреди шторма экипаж судовой
В неизбежный путь направил парус,
Почтенный, с опущенной вниз головой,
Крикнул капитан: «Пред вами каюсь» ...

Роберт Авадяев

Роб Авадяев родился в Баку 22 сентября 1953 года. Учился в Московском институте инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии (МИИГАиК, Москва). Работал инженером-геофизиком, много лет провёл в экспедициях по всему Союзу, в Перестройку и постперестроечные годы занимался полиграфией. В молодости был спортсменом — занимался туризмом, альпинизмом и спортивным ориентированием. В студенческие годы увлекался авторской песней и был среди основателей бакинского клуба песни КАП. В нулевые годы был телеведущим и спецкором на московских телеканалах «Столица» и «Доверие», регулярно ведя ряд авторских передач и участвуя в ток-шоу. В настоящее время — писатель и журналист.

ТЕНЕВАЯ СТОРОНА УЛИЦЫ

Разговор на крыше

«Боже, кто это?» — тихонько ахнула новенькая секретарша. Обе её коллеги обернулись на двух входящих в высокую дверь огромной министерской приёмной.

— Прямо инопланетяне какие-то. Я таких и не видела никогда!

Вошедшие и впрямь были непривычного вида. Юная хрупкая девушка со светлыми короткими волосами, узким лицом и невероятно огромными тёмными глазами. Она сопровождала стройного седовласого человека со свежим, красивым и до идеальности молодым лицом, украшенным абсолютно черными бровями. Кожа была светлой и матовой, но волосы на голове у вошедшего были абсолютно серебряными, даже без редких темных волосков. Все это создавало ошеломляющий эффект.

«Тише, Серафима, неудобно», — шепнула старшая из секретарш и нахмурилась.

Пришедшие остановились посредине приемной и выжидающе посмотрели на старшую, она была помощницей министра. Та жестом попросила их подождать и повернулась к селекторному столу.

— Красивые, как модели из журнала, — не могла упокоиться Серафима. — А он прямо Ален Делон в молодости.

— Скорее Дориан Грей. Я в прошлый раз делала ксерокс с их паспортов, — негромко бросила через плечо другая помощница министра.

— Так сколько ему лет?

— Ты не поверишь, но с ним его внучка. — Старшая уже нажимала кнопку вызова и, наклонившись, негромко сказала в селектор: «Они пришли».

Оттуда раздался негромкий низкий голос: «Пусть войдет один полковник Бахметьев».

Молодая секретарша, которую звали Серафима, всё так же ошарашенно и до неприличия

бесцеремонно продолжала рассматривать пару, пока старшая не ткнула её больно в бок.

Если бы не седина, вошедший, одетый в безупречный темно-синий костюм со светлой рубашкой и шелковым галстуком, казался бы моложе. Но посмотрев повнимательнее, можно было понять, что это очень взрослый человек.

«Проходите, Анатолий Геннадьевич. Петр Петрович вас ждет». — Помощница открыла дверь в кабинет и жестом пригласила пришедшего. Тот кивком поблагодарил, взял у спутницы свой небольшой угловатый плоский портфель и прошел в кабинет. А помощница сделала несколько шагов к оставшейся девушке и приветливо улыбнулась: «Садитесь в то кресло, Маргарита Геннадьевна. Я ведь не ошиблась в имени-отчестве? Ну и славно. Чаю или кофе? У нас хорошая кофе-машина. Кофе? Капучино, конечно? Отлично. Подождите пару минут, Серафима вам сварит».

Гостья присела в кресло у портьеры и открыла ноутбук, а Сима, возясь в углу с кофе-машиной, продолжала внимательно рассматривать её. Натуральная блондинка, короткая модная стрижка, макияж минимум, прекрасный брючный твидовый костюм и ботильоны на высоком каблуке. Серафима вздохнула. В их департаменте со строгим дресс-кодом так ходить можно было только в предпраздничные дни. «Интересно, какие у неё духи?» — подумала девушка и направилась с высокой чашкой в руках в сторону гостьи через весь холл.

— «Том Форд», — произнесла та, принимая чашку, благодарно кивнув.

Сима удивленно заморгала.

— Духи «Том Форд», — повторила гостья и добавила. — «Табак и ваниль».

А потом неожиданно тепло улыбнулась и заговорщицки прошептала: «Дома не любят, когда я курю, приходится маскироваться», — и вновь уткнулась в компьютер. Но Сима обратила внимание, что гостья улыбалась только одними губами, её черные глаза оставались совершенно серьезными. «Странно — подумала она, отходя к своему столу, — я её про духи не спрашивала и с другого конца комнаты даже приняться не успела. Она что, мысли прочитала что ли?»

Их другая коллега наклонилась к ней: «Ну как тебе, Симка, эта Снежная королева? Мы от неё обалдели еще в прошлый раз. Она тогда приходила с этим дедом-красавчиком к прежнему министру».

«Она тоже ничего, симпатичная... только странная какая-то. Как марсианка Аэлита. Глаза просто нереально огромные, — одобрительно прошептала Сима. — А что это она за ним ходит?»

«Да они, вроде, в его конторе вместе работают. И еще она его возит, ему за рулем почему-то не положено. Только предупреждаю сразу, ничего про эту контору я не знаю. Секретные они какие-то. И ты не болтай лишнего».

Бахметьев вошел в кабинет и остановился, там никого не было. Он сделал пару шагов от двери, закрывшейся сразу за ним, и замер. На секунду прищурился, сосредотачиваясь, и внимательно оглядел обстановку «внутренним взглядом» — по всему кабинету вихрились разной яркости следы, оставленные крупным телом. Они потихоньку гасли, как от луча в старом осциллографе. По направлению к дивану следы были совсем слабыми, более свежие вели к не приметной двери в комнату отдыха, расположенную за стенкой. Так обычно и устроено в начальственных кабинетах — это удобно, можно умыться, поменять рубашку, переобуться или даже зайти в туалет. Но самый свежий след вел от рабочего стола с компьютером направо к портьере. Ясно, хозяин решил испытать его способности.

Усмехнувшись такой наивной проверке и секунду из вежливости помедлив, Бахметьев направился прямо к портьере, откинул плотную ткань и увидел за стеклянной двойной дверью выход на широкий балкон. Выше была только крыша. Там среди горшков с комнатными растениями, расставленных на каменном полу и на двух стареньких растрескавшихся телефонных столиках, какие обычно раньше приставляли к письменным столам сбоку, сидел на таком же старом растрескавшемся стуле, подстелив листы бумаги, чтобы не запачкать брюк, сам министр — приятный, привлекательный человек средних лет со спортивной фигурой. В его пальцах дымилась запретная по всему учреждению сигарета, пепел от которой он стряхивал в приспособленную для этого стеклянную баночку от импортного джема. Баночка была полна старых окурков. Министр перехватил взгляд Бахметьева на баночку, беззвучно засмеялся и негромко пробасил:

— Грешен, батенька, грешен. Иногда за границей раньше приходилось даже штрафы платить за сей порок. А сейчас уже нет — побаиваются связываться.

Бахметьев улыбнулся в ответ, окидывая быстрым взглядом балкон. Министр поднялся навстречу и демократично обменялся с ним рукопожатием.

— Здесь и поговорим, если вы не против. К тому же здесь нас вряд ли... слушают. — Он снова широко улыбнулся, и его глаза озорно блеснули.

— Слушают, — коротко бросил Бахметьев и показал пальцем на плинтус дверного косяка справа от стеклянной двери на уровне поднятой руки. — Тут. И еще тут среди горшков.

— Ах, засранцы! Даже среди горшков? Этот я не вычислил. Впрочем, у людей такая работа, не будем их судить... Однако, как это у вас интересно получается! — Министр заинтересованно разглядывал гостя. — Вы что, действительно, так легко вычисляете жучки?

— Да, получается. Только не вычисляю, а вижу. Работающие видны сразу, а те, что давно не включались — с трудом и не с первой минуты. Неужели вас не предупреждали о наших умениях?

— Предупреждали, конечно. Только, простите за откровенность, не очень верилось. Всё равно здорово! Простите, если был невежлив. — Министр снова засмеялся. — А вот мы им устроим сложности. Высоты не боитесь?

Удивленный Бахметьев отрицательно покачал головой. Министр поманил его за собой. Они подошли к краю балкона. Министр приложил палец к губам, показал за мраморный парапет у самой стены и шепотом сказал:

— Там широкий карниз, а за углом буквально метра полтора до пожарной лестницы. Пошли на крышу.

— А охрана не переполюшится, Петр Петрович?

— Нет, они за месяц, что я здесь работаю, привыкли. Я там частенько воздухом дышу — все же знают, что я альпинист. — Министр легко перепрыгнул через парапет, пошел по действительно широченному карнизу за угол солидного, помпезного сталинского дома к лестнице, ведущей на крышу, и ловко полез по перекладинам. Бахметьев, так же ловко и не запачкав костюма, последовал за ним. Они поднялись на плоскую крышу. Солнце ярко отражалось в оставшихся от ночного дождя лужах на неровной битумной поверхности. Вид на столицу был прекрасный. Они стояли рядом, щурясь на теплое солнышко. Министр с удовольствием шумно втянул носом свежий утренний воздух и снова вытащил из кармана пачку сигарет. Бахметьев с легким осуждением посмотрел, как тот прикуривает, и отвернулся.

— У меня здесь тоже баночка была — не люблю мусорить. Забрали уборщики, когда флаги к празднику вешали на крыше... Ну что, поговорим? Здесь-то не слушают?

— Нет, — откликнулся Бахметьев, — здесь не слушают. Только смотрят.

— Смотрят? Как смотрят, за кем? Это со спутника что ли? — Министр даже оторопел.

— Почему со спутника? Есть система «Глаз». Это обзор с высоких точек на триста шестьдесят градусов. Что-то вроде уличных камер наблюдения, только совершеннее. И не за вами смотрят. За мной. — Бахметьев говорил подчеркнуто бесстрастным тоном.

— А я, стало быть, рылом не вышел? Ну-ну... Где уж мне, простому министру, супротив колдуна, или таинственного жреца, или кто вы там, Анатолий Геннадьевич? — Министр нарочито обиженно пошмыгал носом и, вкусно затянувшись сигаретой, с любопытством покосился на Бахметьева.

— Видите ли, Ваше Высокопревосходительство, я прикомандирован к вам на полгода, и меня проинструктировали о необходимости отвечать на ваши вопросы с максимальной откровенностью. Кроме тем шестого уровня допуска, на который нужно особое разрешение. Вы спросили — я ответил, — всё так же бесстрастно произнёс Бахметьев.

Министр сощурился и достал из бокового кармана пиджака вчетверо сложенные листки бумаги. Расправил их и пробежал глазами по печатным буквам.

— Так как мне предстоит работать с вашей конторой, разумеется под контролем Генштаба Министерства обороны, я велел приготовить справку по этому вашему подразделению, и у меня возникло немало вопросов... если они, конечно, не входят в перечень тем шестого уровня допуска, — добавил он чуть насмешливым тоном и тут же посерьезнел. — Здесь написано, что ваше подразделение существует более чем двести пятьдесят лет. Это немыслимый срок. Так ли это?

— Так. С самого начала екатерининской эпохи. Но на деле всё началось гораздо раньше. Со времен молодого царя Петра, когда он повелел составить карту России. Но кое-что делалось еще при его отце Алексее Михайловиче и даже, утверждают некоторые историки, есть указы недолгого русского царя Лжедмитрия Первого. Сохранились также несколько документов из шестнадцатого века — эпохи царя Ивана Васильевича Грозного, а точнее освоения Сибири группой Ермака и других воевод. Тогда присоединили много земель, и потребовалась картографическая основа. Карты были с искаженной перспективой, но вычерченные добросовестно.

— Скажите пожалуйста! Со времен Лжедмитрия! Тогда по дружбе, удовлетворите вечное любопытство, кем он был, Гришкой Отрепьевым? — министр весело вскинул брови.

— Нет, разумеется. Он был молодым человеком, а беглому монаху Григорию было хорошо за тридцать. Имя Дмитрия достоверно не известно. Так, только небесспорные версии. Известно, что это был весьма образованный, прогрессивный и потенциально талантливый правитель. Он первым всерьез взялся за то, чтоб сделать карту страны. И вообще, был за просвещение и прогресс, даже успел послать в Европу учиться первых молодых дворян. Но там примешалась ватиканская интрига, и Дмитрий рано погиб. И года не правил... ох уж эта ватиканская интрига! — вздохнул Бахметьев.

— Так в чем же состояла задача подразделения, и при чем здесь карта России?

— Сейчас объясню. История нашего отряда связана с освоением новых земель. А этим во все времена традиционно занимались именно военные топографы — Корпус военных топографов, КВТ. Мы и по сей день всё те же военные топографы. А как происходило освоение новых пространств? В неизведанные земли отправлялись вооруженные отряды военных. Неизвестно, что там могло их ожидать. Военных сопровождали картографы и ученые. Они составляли карты, описывали животный и растительный миры, составляли словари неизвестных языков, записывали образцы местного фольклора. Но случалось, в пути топографам местные рассказывали о всяких таинственных и опасных явлениях, а порой они и сами становились свидетелями необъяснимых вещей. И, по возможности, старались их изучать. Отчеты о таких экспедициях или какие-то разделы тщательно засекречивались. Особенно свидетельства о паранормальных феноменах. Зачем это было нужно властям? Наверняка, чтобы применять знания в военных целях или для специальных операций. Ведь практически все путешественники-землепроходцы относились к ведению военной разведки. Пржевальский, Семенов-Тянь-Шанский и даже заслуженный русский офицер и будущий президент Финляндии маршал Маннергейм.

— То есть вы хотите сказать, что все бабушкины сказки и вся чертовщина есть? Что она существует? И призраки, и нечистая сила...

— Разумеется существует. Только это никакая не чертовщина, а вполне объяснимые явления природы. Или почти вполне объяснимые. Нашим научным центром многие десятилетия ведутся непрерывные исследования, систематизируются данные. Но далеко не все феномены получили объяснения, Ваше Высокопревосходительство. Работы еще предстоит немало.

— Во-первых, перестаньте меня называть Превосходительством! Что это за царскосельские манеры? Всё-таки в двадцать первом веке живем! — Министр взволнованно закурил новую сигарету, положив окурочек старой на край фасадного парапета, — А во-вторых, послушайте, Анатолий Геннадьевич, вы-то сами в это верите? Неужели все правительства во все эти два с половиной века выделяли немалые средства на изучение, простите за выражение, нечистой силы? Даже как-то не верится...

— Что значит верю или не верю? Для меня этот вопрос с молодости, как пришел в отряд, не стоит. На собственном опыте убедился в достоверности того, что изучаю.

— Да, понимаю. Мы уже все давно крещенные и в церковь наведываемся — правда, у меня с государственными секретами исповедоваться не очень получается. Но верим-то мы, скажем честно, хреновато. За столько десятилетий атеизма мы перестали верить в чудеса и с детства взахлёб читали про тайны науки, загадки истории и летающие тарелки. А еще любили фантастику, журналы «Технику молодежи», «Знание-Сила» и «Науку и жизнь», а те, кто поумнее, читали «Химию и жизнь». И верили мы в науку, а совсем не в религию. Но вот мы выросли, стали серьезными специалистами. А тут меня назначают на ответственный пост, и я вдруг встречаюсь с самыми настоящими колдунами, бесогонами и, не побоюсь выговорить, экзорцистами, если верить этим бумажкам. — Министр потряс листочками. — И не просто встречаюсь, но и должен с ними бок о бок о трудиться.

— Не расстраивайтесь, уважаемый товарищ министр. Вас никто не заставляет с нами трудиться. Можете просто, не вникая в детали, пользоваться нашими знаниями и технологиями. Это вам даст защиту, особенно при контактах с иностранными контрагентами. Уж эти граждане давно взяли на вооружение психофизику и всевозможные экстрасенсорные воздействия и проникновения. Они в последнее время активно применяют весьма опасные приемы шаманов Внутренней Монголии — с ними встречался еще барон фон Унгерн в Гражданскую и специалисты из научных центров японских оккупационных войск в Манчжурии во время Второй мировой. Эта техника для нас хоть и новая, но уже вполне освоенная. Мы дадим вам от неё надежную профессиональную психоблокировку. Считайте нас своим специальным бронежилетом. Я за эти полгода подготовлю под ваши требования двух сменных психоблокировщиков, чтобы они вас всегда сопровождали.

— А отчего не хотите остаться со мной работать на постоянной основе? Вы мне очень импонируете — молодежавый, красивый, крутой бронежилет от любых гипнотизёров, четыре иностранных языка, плюс учите пятый корейский — так в этой бумажке написано... Не сомневайтесь, зарплатой не обижу.

— К сожалению, я не смогу принять столь лестное предложение. Ваша задача составляет лишь малую часть моих производственных обязанностей. К тому же я представляю нашу страну в международном закрытом капитуле парапсихологов.

— Понимаю, «не по Сеньке шапка», — улыбнулся министр. — А жаль, Анатолий Геннадьевич, я бы ведь вам генеральские погоны через полгода раздобыл. Разбил бы в лепешку, но выбил.

— Да что вы, Петр Петрович. Спасибо, конечно. Но куда мне генеральские, я со своим видом и полковничьи не могу носить — люди дивятся, мол, молод для полковника. На задание приходится даже майорские нашивать, — улыбнулся Бахметьев.

Министр понимающе кивнул, а потом помедлил и нерешительно спросил:

— А это правда, что вы — бессмертный?.. Так здесь написано. Я смотрел ваше личное дело — естественно, его открытую часть — и там сказано, что вам семьдесят шесть лет.

— Да, это так. Действительно, семьдесят шесть. Только я не бессмертный. Просто давно и долго живу. И я в отряде такой не один, есть еще двое, и они гораздо старше меня. Одному почти сто семьдесят, а другому около двухсот семидесяти.

— Ну, если это не бессмертие, то что это? Н-да, хотелось бы и мне так пожить, — не скрыв белой зависти министр.

— Поверьте, в этом феномене нет никакого чуда! Просто есть в теле каждого человека центр, включающий процесс регенерации органов, мышц и костного материала. Что вы так удивленно смотрите? Ногти растут, волосы растут, тело с детства до взрослости растет. А если случается перелом, то кости срастаются рано или поздно, если случается небольшой порез, то кровь останавливается, а раны затягиваются. Так вот, в нашем теле есть центр, который обновляет органы, восстанавливает их после повреждения. Мы полагаем, что этот центр находится где-то в спинном мозгу. Подробнее пока не изучили. Мы даже не знаем, насколько долго будет работать такой механизм и когда он остановится, и мы окончим на этом нашу жизнь. Смотрели кино «Горец» с Кристофом Ламбером? Они там берегли голову, чтобы не срубили. Так и мы, — подчеркнул Бахметьев.

— А если вам нанесут опасную или смертельную рану?

— Можем излечиться — пока это удавалось всегда — но, если будет повреждена голова, то, скорее всего, умрем.

— Как же вы обрели такие свойства? В вашем деле написано загадочно: в результате стихийного несанкционированного эксперимента. — Министр склонил набок голову и испытующе посмотрел Бахметьеву в глаза.

— Что ж, отвечу. Это не секретно и не входит в список тем шестого уровня допуска, просто вспоминать неприятно. Когда я был молодым офицером и только попал в отряд, мы с двумя коллегами поехали в командировку в одну старую деревню, где должны были разобраться с участвовавшими случаями паранормальных явлений, определить их природу, остановить их число, а заодно и описать имущество и избу, оставшиеся от недавно умершего сельского колдуна. Очень сильный был человек. Многими умениями владел, лечил односельчан, вызывал дождь — не смейтесь, есть такое умение — он владел даже «звериным словом», мог подзывать

диких животных. Правда, его погубило «черное кладбище» — в тех местах за сто лет жило аж четыре упыря. Он сумел избавиться от последнего и обезвредить предыдущих — очень неприятный процесс. Да, вы правы, с помощью осиновых кольев, но это только малая часть необходимых мероприятий и контр-заклятий. Но себя колдун не сберег, его погубил «заговоренный гвоздь».

Что за гвоздь? Это долго объяснять. Колдуна никак не хоронили, боялись зайти в избу несколько месяцев, обходя её стороной, пока не приехал из Питера его племянник — моряк дальнего плавания, отважный человек. Он собрал разложившуюся за полгода плоть и похоронил родственника на берегу маленького лесного чистого озера — это же был светлый колдун, живший для людей. Он заслужил «чистый покой». А потом моряк написал об избе и хранившихся там редких артефактах в Академию наук. А из Академии это письмо переслали нам. Вот мы и поехали. Навести там порядок и колдовское наследство посмотреть. Возились с «темным кладбищем» с неделю и с заговоренным мордовским идолом в лесу пару дней, а потом дошло дело до избы. Четыре дня мы описывали — чего там только не было: старинные рукописные религиозные книги, даже скребки и рубила древних людей.

Чего вы удивляетесь? Колдуны часто набожными бывают. А потом наткнулись на тетрадки, которые начали записывать еще предшественники этого колдуна. А там были заговоры. Нам категорически запрещается вычитывать такие рукописи, а положено сразу везти их в центр, чтобы читали спецы. Но мы были молодые и глупые, к тому же устали за дни почти круглосуточной работы. Да и трупный запах из избы не выветрился, сидеть там безвылазно было очень неприятно. И в один из дней мы пораньше освободились и здорово выпили. А один из нас просто замечательно умел читать старую орфографию и отлично разбирал почерки. Я плохо переносил самогон — другого питья там было не сыскать — и просто заснул мертвым сном. А ребята принялись разбирать старинную шитую тетрадь в кожаном самодельном переплете и наткнулись на заклинание «вечной молодости». Они всю ночь его сотворяли, избрав меня подопытным объектом. А я спал и ничего не запомнил.

Кончилось это ужасно, у меня опухли суставы и лимфоузлы, я получил жуткое воспаление легких и слег в больницу почти на три месяца. А наше начальство разобралось с этим случаем и отчислило из отряда обоих моих товарищей, отослав их в отдалённые воинские части. Одного далеко на Север, а другого в Среднюю Азию, в пески. Меня вернули в отряд, наверное, чтобы наблюдать и исследовать. Я ведь превратился в настоящую редкость. Так сказать «*Rara avis in terris*» — редкую птицу. Пришлось много работать, чтобы стать серьезным специалистом, а не уникальным экспонатом. А потом потихоньку эта история забылась. Вот так я стал «бессмертным».

— Выходит, что такое заклинание можно внедрить, и мы все станем бессмертными?

— Нет, слишком велика смертность — удачных случаев по теории всего три сотых процента, и очень невелика статистика. Слишком мало для нормальных исследований, выживших можно по пальцам пересчитать. Мне здорово повезло. Так что, к сожалению, бессмертие — дело далекого будущего. Хотя, как мы уже знаем, оно не такое уж и редкое. Особенно за рубежом.

— Главное, что есть надежда!.. А что стало с теми, кто вас подверг этому заклинанию?

— Один замерз в тундре, а другой погиб во Вьетнаме, подорвался на mine.

— Н-да, судьба... А может, и не судьба. Спасибо, Анатолий Геннадьевич. Пойдемте, я вас провожу. Уверен, мы сработаемся.

Они спустились с крыши, и министр вышел с гостем в приемную, где сидели две помощницы, смотревшие на них во все глаза. Министр продолжал говорить на ходу, а Бахметьев слушал и искал глазами свою спутницу. Старшая помощница пальцем указала на боковую дверь. Бахметьев выглянул туда, там была курилка на лестничной клетке. Маргарита была вместе с молодой секретаршей Симой вдвоем. Она быстро спрятала сигарету в кулаке. Бахметьев шагнул, и вслед за ним заинтригованный министр.

— Рита, нам пора. И выкинь сигарету, пожалуйста, — строго сказал Бахметьев. Министр улыбался, получая удовольствие от неожиданной сценки.

— Мы с Симой решили просто ноги размять... Бабушке не говори... А вы что улыбаетесь?

— Маргарита недовольно посмотрела на министра.

— Детство вспомнил, — приветливо еще шире улыбнулся министр. — Вы, как я услышал, Рита, а я Пётр Петрович. Очень рад познакомиться.

— Мне тоже приятно... А у меня сегодня день рождения. Дед, я пригласила на вечер к нам Симу.

— Очень хорошо. Милости просим, Сима!

— О, поздравляю, Рита, позвольте вам вручить на память этот подарок. — Министр достал из внутреннего кармана пиджака дорожную авторучку с золотым пером. — Извините, подарок пользованный, но, поверьте, он вполне годен.

— Спасибо, какая замечательная ручка! У меня никогда не было такой роскошной, — тепло поблагодарила Маргарита. А потом вдруг спросила: — А что вы сегодня вечером делаете? Приходите и вы к нам в гости.

Серафима остолбенела, Бахметьев явно смутился:

— Рита, Петр Петрович — министр, он может быть занят, да и дома могут быть дела.

— Нет у него никаких дел дома, с женой он в разъезде уже полтора года. У него печать одиночества на лбу, неужели не видишь? — неожиданно выпалила Маргарита. Серафима и Бахметьев изумленно замерли.

А министр неожиданно тепло улыбнулся:

— После того, что я сегодня услышал, я уже ничему не удивляюсь. И с благодарностью принимаю ваше приглашение. Мы приедем к нужному часу. Вы не против составить мне компанию, Сима, коль нас вместе пригласили?

Изумленная Сима нашла в себе силы просто кивнуть. Перед дверью Рита протянула ей почти полную пачку своих сигарет.

— Это женские Нат Шерман, делаются в Нью-Йорке на Пятой авеню. Кури, не экономь, у меня еще пачка в машине и дома есть два блока непечатых. Вечером поделюсь.

Бахметьев молчал, пока они не сели в машину и не вырулили на Ордынку, а потом тихонько сказал:

— Ну, ты, Маргарита, даешь! — помолчал и добавил — Совсем взрослая стала. Только не слишком ли ты так сурово с министром, и вдобавок еще пригласила его к нам с этой твоей новой подружкой?

— Так она его пара. Видно же. Разве нет? — ответила Рита, ловко крутя баранку руля и не отвлекаясь от дороги. — Он мне понравился, довольно молодой, симпатичный и не сволочь. Она тоже добрая и милая. Вот увидишь, двух месяцев не пройдет, как нас на свадьбу пригласят, — обернувшись к нему Рита и улыбнулась чудесной мечтательной улыбкой, дед ей тоже ответил теплым взглядом.

— Ведьма ты, девочка, настоящая ведьма. Ладно, можешь писать заявление на прием в штат отряда на имя генерала Веригина и надевать погоны. С бабушкой я поговорю.

Уча Авсаджанишвили

ПРОЩАНИЕ С ТИБИДАБО

Крохотный синий автобус неспешно поднимался в гору. Небо было затянуто темными тучами, по форме напоминавшими огромное безе. По обе стороны от ветвистой дороги теснились дома зажиточных барселонцев, однако из-за тумана мне почти не удавалось их рассмотреть. Тем более странно было наблюдать группу китайских туристов, скучковавшихся в самом конце автобуса и непрерывно щелкающих фотоаппаратами все вокруг.

Меня немного трясло, и я закрыл глаза. Теперь казалось, что мы расположились на утлом суденышке, трясущемся посреди настигшего его шторма.

Автобус сильно вильнул, взмахнув крохотным хвостом, и выплюнул нас на самой вершине горы Тибидабо.

— Тибидабо в переводе с латыни — «тебе даю». По легенде, именно здесь, на высшей точке Барселоны, дьявол искушал Христа, предлагая ему все что угодно взамен на его бессмертную душу... Мы все детально осмотрим, но сначала прошу за мной в сувенирную лавку. — Голос экскурсовода раздался почти над самым ухом, и я немного отодвинулся, пропуская толпу воодушевленных туристов.

Я последовал за экскурсоводом, но не в сувенирную лавку. Меня тянуло в сторону храма — не так, как тянет к достопримечательности, а скорее как к месту, куда по какой-то причине откладывал визит слишком долго.

Храм Святого Сердца не был древним и обычно не входил в перечень обязательных к посещению достопримечательностей Барселоны, но, увидев его на страницах путеводителя ещё вчера, я испытал странное, почти неловкое чувство узнавания. И сейчас, стоя у самого подножия храма, увенчанного статуей Христа, распростершего руки, я ощутил, что не ошибся.

Поднявшись по широкой каменной лестнице, я вдруг сбавил шаг. Люди поднимались и входили внутрь без колебаний, кто-то останавливался, чтобы сделать фотографию, кто-то торопливо проходил мимо, почти не глядя по сторонам. Я же застыл у самого входа, словно не решаясь переступить невидимую черту.

Я сделал шаг вперёд — и тут же отступил, сам не понимая почему. Ничего не произошло: двери были открыты, никто не смотрел на меня, никто не загораживал путь. Просто возникло отчётливое ощущение, что я мешаю. Что вхожу не вовремя.

Я постоял ещё немного, пропуская людей, и попытался снова. Ощущение не исчезло. Напротив — стало яснее, плотнее, почти физическим. Как неловкость, затянувшаяся слишком долго, чтобы её можно было списать на случайность.

В конце концов я отошёл в сторону, уступив место очередной паре туристов. Они прошли внутрь, даже не заметив меня. Двери храма остались распахнутыми, и всё же мне показалось, что для меня входа нет.

— Возможно, вам не туда. — Экскурсовод — сухой маленький мужчина с красным флажком в руке — кивнул мне и переступил порог храма.

Я хотел было догнать его и попросить объясниться, однако он уже преодолел недоступную мне черту.

Мой взгляд упал на парк аттракционов в паре десятков метров от храма.

«Один из старейших парков развлечений в мире, известный своими ретро-аттракционами», — услужливо подсказал информацию из прочтенного накануне путеводителя внутренний голос.

Может быть, мне туда?

Парк развлечений принял меня без лишних вопросов. Я оказался в самом центре аттракционов. Сверкая яркими огнями, крутилась карусель со вставшими на дыбы лошадьми. Огромное чертовое колесо будто протыкало небо разноцветными кабинками. На каждом углу продавали

попкорн, сладости и газировку. Из невидимых динамиков лилась мягкая, успокаивающая музыка.

Я медленно шел вдоль аллеи, не задерживаясь ни у одного аттракциона. Вокруг с озорным смехом сновали дети. Взрослые покупали билеты. Здесь никто никуда не спешил и ни от кого ничего не ждал. Мне казалось, что я наконец оказался в месте, где не нужно объяснять своё присутствие. Здесь было слишком много огней и слишком много чужого смеха, чтобы кого-то задело моё одиночество.

Мое внимание привлекло небольшое здание с разноцветной крышей. Оно стояло чуть поодаль от остальных аттракционов и было единственным, где не было посетителей. Над входом висела выцветшая табличка, и на ней можно было разобрать только одно слово: *ENTRADA* — «Вход».

У двери стоял пожилой работник парка. Я расплатился, он оторвал билет и сказал, не поднимая глаз:

— Внутри тесно. Если станет не по себе — выходите. Это нормально.

Я оказался в длинном полутемном коридоре. Дверь захлопнулась, отрезав от меня все звуки. Где-то под потолком лениво вращались лопасти вентилятора, разгоняя застоявшийся воздух. Пахло пылью и смазочным маслом. На стенах коридора высвечивали стрелки, и я пошел по ним, хотя деваться было все равно некуда.

Я вышел в небольшой зал и понял, что это не совсем аттракцион. Вдоль стен вырисовывались силуэты чудных фигур за стеклом — я оказался в музее автоматов, старинных механических кукол.

Бледные лица манекенов тускло поблёскивали. Вот изящная танцовщица фламенко в цветастом платье, навсегда застывшая в изящном пируэте. Рядом кукла-цыганка вытянула руку, готовясь погадать посетителю на ладони. В дальней нише угадывались три маленькие обезьянки с тарелочками, как раз в тот миг, когда они вот-вот начнут свой озорной номер. Все они были неподвижны и тихи.

Я осматривал фигурки и вдруг заметил нечто странное. Аккурат между куклой моряка, горделиво выпятившего грудь, и победно усмехающимся тореадором была неприметная дверь. Она была цвета стены, почти с ней сливалась, и, вероятно, я прошел бы мимо, даже не заметив двери, если бы не тускло светившаяся над ней табличка.

ENTRADA PER A QUI NO ÉS PER AQUÍ.

«Вход для тех, кому не туда», — машинально перевел я — не зря в юности учил каталанский.

Меня прошиб холодный пот. Первым порывом было развернуться и уйти отсюда, но что-то неотвратимо влекло меня внутрь.

Я толкнул дверь и оказался в очередном зале — заметно меньше предыдущего. Здесь еще больше чувствовался затхлый воздух, а пространство освещалось лишь парой светильников в форме факелов.

Но главным отличием были автоматы. Точнее, автомат в зале был всего один.

Огромный, в человеческий рост, клоун расположился на троне из груды сухих осенних листьев. Широкие черно-белые штаны были лихо заправлены в тяжелые армейские ботинки, а голову украшал красный колпак с тремя бубенцами. Лицо его было покрыто белой, местами потрескавшейся краской, рот протянулся в улыбке от уха до уха, а цепкие глаза прожигали меня насквозь.

Я не сразу понял, что он дышит. Не грудью — нет. Листья под троном то приподнимались, то оседали, словно под влиянием слабого ветра. Но в зале не было окон.

Клоун пошевелил головой, бубенцы на колпаке беззвучно дрогнули, и мне стало не по себе. Я проследил за направлением его взгляда и только теперь заметил маленькую жестяную миску у него на коленях. Она была пуста, как и улыбка на лице клоуна. Автоматон вновь смотрел на меня, и во взгляде не было угрозы, лишь ожидание.

Возможно, этому клоуну нужна плата?

Несколько монет — все, что было у меня в карманах, с глухим звоном опустились в миску. Однако ничего не последовало.

Клоун повторил свой жест, и, немного подумав, я отправил следом за монетами билет.

Снова ничего.

Пожав плечами, я развернулся, чтобы уйти, и встал как вкопанный.

Дверь, через которую я вошел в этот зал несколько минут назад, исчезла. Передо мной была лишь сплошная стена грязно-зеленого цвета.

Чувствуя, как подступает паника, я провел по стене ладонями, стараясь нащупать стык — хоть какую-то щель. Затем, уже теряя самообладание, принялся колотить по стене кулаками, но с таким же успехом мог бы пытаться сдвинуть с места огромную глыбу. Пару раз позвал на помощь, но ответом мне была лишь тишина.

Тяжело дыша, я развернулся к клоуну, все так же тупо уставившемуся на миску.

— Что тебе от меня нужно?! — закричал я.

В ход пошло все — в течение следующих минут в миске оказались мои кредитные карты, купюры, мобильник и ключи от номера.

Без толку.

Клоун не шевелился — лишь наклонял голову к миске, отказываясь принимать подношение.

Я совсем отчаялся и собирался уже сдвинуть клоуна с места, как бубенцы в очередной раз дрогнули. На этот раз — со звуком. Вскоре их звон наполнил комнату. Клоун больше не двигался, но гвалт бубенцов все нарастал, превращаясь в невыносимый гул. Наконец он превратился в какофонию. Я зажал уши и осел на пол.

Сил сопротивляться уже не было, и в воспаленном сознании почему-то всплыл образ из детства: как меня — совсем еще мальчишку — отвели на ярмарку родители. Там было все — счастье от выигранной игрушки в тире — миниатюрного клоуна, и плач, что не проходил по росту на чертовом колесе...

Родителей давно уже не было в живых. Больше не было и того мальчишки. Остался лишь сошедший из детских воспоминаний клоун с неутомонным шумом.

Мне стало ясно, чего хотел автоматон. Не билета, не монет.

— Я знаю. Знаю, что мне *не туда*. За то, что я сделал, нет прощения, — сказал я тихо чужим голосом. Слова царапнули горло, будто я впервые произносил их вслух. — Но я могу хотя бы раскаться.

Вытерев выступившие на глаза слезы, я поднял взгляд на клоуна.

Звон бубенцов исчез, как и жестяная миска. Клоун застыл в прежней позе, однако мне показалось, что его улыбка стала мягче.

Я обернулся, уже зная, что увижу.

Чутье не подвело — дверь была на месте. Едва выделяясь на фоне стены, она была видна лишь благодаря висевшему наверху знаку, отбрасывающему на нее едва уловимый свет.

ENTRADA PER A QUI HA D'ANAR-HI.

Вход для тех, кому надо туда.

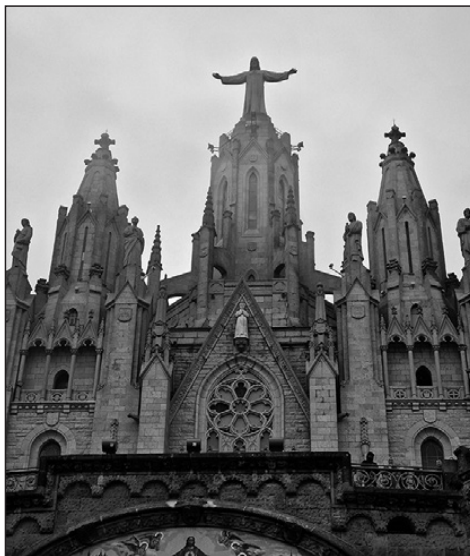
Когда я вышел из павильона, уже смеркалось. Работника парка не было на месте, а последние посетители ждали автобус невдалеке.

Я ускорил шаг.

У самого входа в храм я оглянулся, окинув взглядом вершину Тибидабо подо мной. Из-за тумана свящегося внизу города не было видно, и храм с парком словно парили над гигантским океаном, в котором переливались мириады огней.

Сделав глубокий вдох, я шагнул — навстречу последнему своему шансу.

Я был совсем один, и двери храма медленно закрылись...

Протоиерей Владимир Александров

ПОСЛЕДНИЙ ТРАМВАЙ

*«Шел по улице я незнакомой
И вдруг услышал вороний грой,
И звоны лютни, и дальние громы, —
Передо мною летел трамвай...»*

Н. Гумилев

ГЛАВА I.

«Бродячая собака»

В «Бродячей собаке» было накурено. Дым поднимался к потолку, тщетно пытаясь выползти из маленьких окошек, но его было слишком много, и он сизым облаком опускал и без того невысокие своды помещения. Несмотря на множество посетителей, в зале не было шумно. Небольшая сцена в середине была пуста.

Студент второго курса Императорского Санкт-Петербургского университета Никита Меланин сидел со своим однокашником Мишей Шульманом за столиком чуть левее входа. Миша считал себя завсегдатаем этого заведения, поскольку был там уже раз пять или семь. Никиту он взял во второй раз, рассчитывая, что, если Миша переусердствует, тот поможет ему добраться до дома.

— Смотри, вон там, в белой рубашке, хозяин заведения Пронин. Артист он, конечно, никакой, но «Собаку» поднял. Кто только сюда не приходит: и поэты, и писатели, и художники.

Сидевший напротив них уже хорошо подавивший грузный мужчина отвел взгляд от тарелки и не очень четко, но все равно понятно сказал:

— И такие, как я, тоже приходят. Меня они называют фармацевтом, а я на самом деле лесоторговец. Да, я не умею стихи писать или, там, книги. Но я люблю их слушать, а особенно под хорошую выпивку и закуску. Давайте, студенты (он произнес это слово именно так, явно чуть провоцируя друзей), тапнем по единой за все хорошее, что есть на белом свете.

Мужчина налил стопку из графина и, не дожидаясь ответа, опрокинул ее в рот. Миша рад был подвернувшемуся поводу, налил и выпил свою рюмку. Никита не стал отставать от компании и тоже наполнил бокал, но выпивать не стал. Он продолжал осматриваться в зале.

Никита Меланин родился в небольшом уездном городе в Центральной России. Его отец был обычным земским чиновником, ничем особо не выделявшимся, разве что виртуозной игрой в бридж. Год за годом он играл у камина в карты со своими друзьями, такими же непримечательными чиновниками, как и он сам. Мать, женщина неглупая и незлая, происходила тоже из обычной семьи, вела хозяйство и мечтала только о том, чтобы все вокруг было мирно и тихо. Своего единственного сына она с гордостью направила в столичный университет, втайне надеясь, что уж он—то выйдет в люди. Но при всем при этом она научила его французскому языку, познакомилась с мировой литературой, и, когда Никита отправился в Санкт-Петербург, Пушкин, Бодлер, Тютчев стали его верными спутниками.

Здесь, в университете, Никита познакомился со многими. Более всего он сблизился с Мишей Шульманом, крещеным евреем из Витебска, с которым они делили маленькую квартирку в районе между Сенной площадью и Пятью углами. Кроме общей учебы, их объединила еще и любовь к поэзии. Миша познакомил Никиту со стихами Брюсова, Никита рассказал ему об Анненском. Не обошлось, конечно, и без пробы пера. Никита зачитывал-

ся стихами Ахматовой и, сам себе не признаваясь, почти влюбился в нее.

Когда Миша узнал, что его друг увлекся Ахматовой, он немедленно предложил пойти и познакомиться с ней. «Лучше всего это сделать в артистическом кабаре «Бродячая собака», — авторитетно заявил он. — Я там уже был, знаю, как и что. Главное — ничего не бояться».

Первая попытка оказалась не очень удачной. Дружья просидели почти до трех часов ночи, но Ахматову так и не увидели. Приходили другие: Бурлюк, Маяковский, Тэффи, Мережковский, читали стихи, но Ахматова так и не пришла. Зато Миша, пользуясь возможностью завязать знакомство, к концу вечера наклюкался так, что Никита с большим трудом довел его до дома. По пути Миша во весь голос читал стихи, как собственные, так и чужие, иногда забывая начало или конец, но, нимало не смущаясь этим, продолжал приобщать ночную столицу к бессмертным творениям духа человеческого.

После этого посещения Никита всерьез заинтересовался поэзией. Он прекрасно отдавал себе отчет, что такого таланта, как у постоянных гостей «Бродячей собаки», у него нет и не будет, но хоть немного приобщиться к этому миру ему мучительно хотелось. Он даже ослабил свои учебные подвиги, иногда вместо записи лекций пытаясь что-то сочинить. Но все это оставалось в его тетрадях. Он не осмеливался их показать даже Шульману. Ахматова в его стихотворениях выглядела почти как блоковская Прекрасная Дама, и он, не признаваясь себе, но, явно подражая Пушкину, делал в тетрадях по уголовному праву наброски женского профиля, чем-то похожего на профиль Анны Андреевны.

— Смотри, вон появился Монтигомо, значит, и твоя пассия скоро придет, — толкнул в бок Миша Никиту.

— Кто? — немного растерянно спросил Никита.

— Кто, кто? Николай Степанович Гумилев, муж Ахматовой. Монтигомо — его детское прозвище, да и сейчас его так иногда называют.

Миша, конечно, немного преувеличивал. Почти никто, даже из близких друзей, не вспо-

минал детское прозвище Гумилева, но ему так хотелось покрасоваться перед товарищем, что он не смог не изобразить из себя одного из за-всегдаев «Бродячей собаки».

Никита честно пытался сделать вид, что его больше интересуют росписи стен, но это у него плохо получалось. Непроизвольно он постоянно оборачивался на любой глухой удар молоточка, по традиции «Бродячей собаки» означавший приход очередного гостя — не из внешних, а из своей, артистической богемы. Ахматова, тем не менее, пока не появлялась.

Миша, воспользовавшись заминкой, быстро выскользнул из-за стола и через минуту вернулся, таща под руку молодого человека лет тридцати.

— Знакомьтесь, это мой друг Никита, студент университета, начинающий поэт, — представил Миша Меланина.

— Рад видеть, — приветливо улыбнулся молодой человек. — Меня зовут Петр Сазонов, я играю в Лиговском театре Гайдебурова. Рад видеть вас в нашем кабаре.

— Миша. — почти умоляюще посмотрел Никита на своего товарища, — ну какой же я поэт. Так, что-то подрифмовываю, но не больше.

— Не печальтесь, Никита. Я вот тоже стихов не пишу, а здесь отвечаю за буфет. А еще у нас с Юлей есть идея открыть театр марионеток.

— Это должно быть очень интересно, — вставил свои пять копеек Миша.

— Конечно. Этого же никто у нас не делал. Что-то подобное было в Италии, вообще, в Европе. А у нас — пока нет.

— А что вы хотите поставить? — спросил Никита.

— О, планов множество. Или что-нибудь современное, или что-то из комедии дель арте, но сейчас задача другая: надо найти помещение. Предложения есть, но все недешево, а у нас, сами понимаете...

— Петр Николаевич, — раздался голос от буфетной.

— Простите, отойду. — Сазонов быстрым шагом поспешил к стойке, где, похоже, назревал скандал.

Снова раздался стук входного молоточка.

Друзья оглянулись на вход, но там никто не появился, хотя было слышно, как хлопнула входная дверь.

— Это, наверно, Ахматова, — подумал вслух Миша Шульман. — Она, как обычно, что-то пишет в «Свиной книге».

«Свиной книгой», по материалу переплета, называлась лежащая у входа книга для записи стихов, мнений, идей и пожеланий гостей. Она была исписана и изрисована вдоль и поперек набросками, экспромтами, карикатурами. Кто-то проходил мимо нее, не задерживаясь, а у кого-то отметиться в ней было незыблемым ритуалом посещения. К числу последних принадлежала и Анна Ахматова.

Действительно, через пару минут портьера, прикрывающая вход, слегка колыхнулась, и в подвал вплыла, вся затянутая в шелк, Анна Андреевна Ахматова. Но, к удивлению Никиты, это не произвело какого-то фурора. Никто не встал, ее приветствуя, никто не прекратил свой разговор. Даже их сосед по столику, успевший за последние десять минут опустошить почти весь графин, только провел мутными глазами по входящей фигуре и снова приступил к поглощению холодца.

Ахматова церемонно раскланялась со знакомыми и прошествовала на свое обычное место у камина. Там она достала из сумочки длинный мундштук, кто-то из преданных поклонников вставил в него услужливо зажженную сигарету, и поэтесса чинно и с достоинством затянулась. Перед ней откуда-то появилась чашечка кофе, и Ахматова с сознанием своей значимости омочила края губ в ароматном напитке.

— Пойдем, познакомимся, — жарко прошептал Миша Никите.

Никита молчал, потрясенный. Он сколько читал ее стихов, сколько думал и представлял, как он ее увидит, что сейчас у него не было никакого другого желания, как замереть в этом мгновенье. Он не заметил, как Петр отошел к другому столику, но движение Миши поймал сразу же.

— Сиди и никуда не ходи, — совсем тихо, но очень твердо сказал он. — Я сказал: сиди.

Миша, вопреки своей обычной живости, тоже притих. Никита достал из внутреннего кармана сложенный пополам листочек и развернул его.

«Вы входите в тонком дыму сигарет,
Как будто заранее дали ответ
На все те вопросы, что я Вам задал,
На все те стихи, что я Вам написал.
И вот — ситуация патовая.

Такая Вы — Анна Ахматова».

— Я сейчас. — Никита поднялся из-за столика и направился к буфетной стойке. Миша понимающе проводил его глазами.

За стойкой Никиту как будто ждали. Буфетчик уже потянулся за бутылкой, но Никита остановил его.

— Нет. Мне надо...

— В конце зала, налево.

— Нет. Я хочу попросить Вас передать вот эту записку даме с сигаретой у камина. Только прошу Вас, если она спросит, от кого, не говорите. И, если будет ответ, возьмите. Я потом подойду к Вам и заберу его.

Никита протянул листочек со стихотворением буфетчику. Тот взял его и положил в карман передника, вопросительно посмотрев на Никиту.

— Да, да, конечно. — Он достал монетку и положил ее возле руки посыльного.

Никита вернулся на свое место слегка возбужденный. Миши за столом не было, он снова полез знакомиться к какой-то компании. Никита специально повернулся так, чтобы держать в поле зрения Ахматову, но при этом не сидеть прямо напротив нее. Через несколько минут он увидел, как буфетчик подошел к поэтессе и протянул ей свернутый листочек. По-видимому, она спросила, от кого это, но, как договаривались, ответа не получила. Тогда она развернула записку, прочитала ее, неуловимым движением достала из сумочки карандаш и что-то написала поверх слов Никиты. После этого Ахматова протянула записку буфетчику, а сама отвернулась и продолжила дегустировать свой кофе.

Никита с огромным трудом сдержал себя, чтобы не сразу вскочить и подойти к стойке. С деланным равнодушием он взял канапе с сыром и попытался откусить кусочек. Бутерброд откровенно не лез в горло. Даже попытка запить его бокалом сельтерской не удалась. Никита чуть пригубил и поставил бокал на стол.

— О чем задумался, детина? — краем уха услышал он веселый голос Миши. — Пойдем, еще познакомимся с кем-нибудь.

Никита покачал головой. Сердце его стучало, как метроном, и ни говорить, ни идти куда-то совсем не хотелось.

Он просидел неподвижно еще минут семь. В голове крутились разные мысли, но ни на одной из них он не мог сосредоточиться. Наконец, решив все-таки взять себя в руки, он вспомнил молитву Отче наш, прочитал ее про себя трижды, поднялся и подошел к стойке.

— Есть ответ? — выдавил он из себя эти простые слова и сам поразился, как хрипло прозвучал голос.

Буфетчик, не говоря ни слова, положил на стойку перед ним свернутый пополам заветный листочек со стихами. Никита, тоже молча, взял его и раскрыл. Поверх его строк изысканным почерком было написано:

«Благодарю, но это не поэзия. А. Ахматова».

Буря чувств во мгновение пронеслась в душе Никиты. Он вдруг одновременно захотел исчезнуть, сгореть со стыда, поцеловать эти слова великой поэтессы, подойти к ней и попросить объяснений, порвать и выбросить строки. Но все это тут же отхлынуло, и он остался стоять на том же месте, опустив голову.

— Благодарю Вас, — наконец сказал он и направился обратно.

Миши за столиком не было. Грузный лесопромышленник тоже куда-то отошел, а, может быть, вообще покинул «Бродячую собаку». Никита опустился на стул и вдруг почувствовал какое-то странное облегчение, как будто он получил ответ на свой вопрос, над которым мучился очень и очень долго. Сразу резко захотелось спать, и тут же, как на счастье, явился довольный Миша.

— Знаешь, приятель, пойдем домой, — сказал Никита.

Наверно, голос его звучал немного странно, потому что Миша даже не стал возражать и без своих обычных хохмочек и присказок тоже поднялся из-за столика. Друзья, стараясь никого не задеть, хотя Мише это было сделать уже непросто, прошли к выходу.

— Сдачи не надо, — обратился к буфетчику Никита и грустно улыбнулся.

— Приходите еще. — Голос звучал как будто издалека.

Никита и Миша вышли на Михайловскую площадь и двинулись по Итальянской. Ветер поддувал им в студенческие тужурки, но Никита не обращал на это никакого внимания. В голове крутилось: «Что же хотела мне сказать Анна Андреевна, ведь это не просто одна из записок, которыми ее, наверняка, осыпают поклонники. Наверно, надо было приложить к стихам букет роз. А с другой стороны, она верно указала мне на мое место. Кто я? Поэт? Нет, конечно, даже в подмастерья не гожусь. Так, недоучившийся студент-юрист. Вот Миша недавно рассказывал про Всеволода Князева, он ненамного меня старше, а написал гимн «Бродячей собаки». Это действительно поэзия».

Миша шел рядом и почему-то тоже молчал. Это было так на него непохоже, что Никита не

выдержал и спросил товарища:

— Как ты? Все хорошо?

Миша кивнул.

— Луна светит во мраке ночи,

А ночь черна, как твои очи, — продекламировал он со своим обычным пафосом.

— Скажешь, плохо?

— Ничего не скажу, — улыбнулся Никита. — Смотри внимательно, впереди лужа.

Друзья добрели до Пяти углов и поднялись к себе в квартиру. Миша, особенно не раздеваясь, упал в кровать и через несколько минут спал сном младенца.

Никита сел за стол. Перед глазами стояла сидящая на диване Анна Ахматова. Он достал из кармана стихи и снова вчитался в свои строки и ответ поэтессы. Теперь он показался ему пренебрежительно обидным. Они, поэты, никого не допускают в свой избранный круг, поэтому так безжалостно и нещадно критикуют любые попытки присоединиться к ним. Можно подумать, что другие пишут лучше.

У Никиты даже пересохло горло от таких мыслей. Далась мне эта «Бродячая собака», одни расходы, и немаленькие. У меня же нет таких денег, как у этого лесопромышленника. Завтра же скажу Мише, что больше я с ним в эту «Собаку» не пойду. Лучше займусь учебкой, толку будет больше.

Никита разделся и лег в кровать. И совершенно неожиданно для себя он вдруг вспомнил отца Антипу из Ильинской церкви у себя дома. Как-то раз, поссорившись, как ему показалось, несправедливо, с соседским Николаем, он пришел жаловаться к священнику.

Отец Антипа сидел на лавочке перед храмом и гладил церковного кота. Кот довольно урчал. Никита рассказал отцу Антипе о своей обиде и вдруг услышал в ответ:

— Знаешь, брат, каждый человек — это полный сосуд. Но что в нем налито, другим неведомо. А чтобы понять это, человека надо толкнуть. Вот что из него выльется, то, стало быть, в нем и есть. Вон, святых как ни обижали, а они только молились за своих гонителей. А меня, к примеру, обидь, я тебе такую трепку задам, что не поздоровится.

«Так, значит, если я так обижаюсь на Ахматову, значит, она-то и права. Значит, что-то во мне есть, что мешает мне стать настоящим поэтом. Но я же люблю поэзию, это так. Тогда, может быть, акмеизм вообще не мое. А что тогда? В общем, не надо так отчаиваться, а просто делать свое дело. И, если надо, Бог поможет. Обязательно поможет».

С этой мыслью Никита Меланин уснул.

ГЛАВА II.

Первые испытания

С памятного вечера в «Бродячей собаке» прошло несколько недель. Никита успокоился после своего письма Ахматовой и, по-прежнему почитая ее, относился к ней уже с меньшим пиететом. Он продолжал что-то писать, но теперь его привлекали футуристы. Теперь на столе чаще лежали стихи Давида Бурлюка, а «Пощечину общественному вкусу» — манифест футуризма и книгу при нем — он, взяв взаимы под честное слово у Петра Сазонова, прочитал за одну ночь. Никита по-прежнему посещал кабаре и теперь, с легкой руки их нового знакомого, считался там почти своим, хотя ни одной строки еще напечатано не было.

Миша тоже частенько захаживал в «Бродячую собаку», но теперь у него появились другие интересы. Он нашел где-то молоденькую слушательницу Бестужевских курсов Тонечку и большую часть времени теперь уделял ей. Тонечка, миловидная и смешливая девушка, не очень интересовалась поэзией, тем более такой элитарной, но с большим интересом слушала Мишины разглагольствования. Справедливости ради надо признаться, что именно такая собеседница Мише и была нужна. Они часами гуляли по Петербургу, ездили вместе в Царское село и на море в Сестрорецк и, в общем, прекрасно проводили время, вполне довольные собой и друг другом.

В этот день Никита, как всегда, ушел в университет довольно рано. Он планировал не только позаниматься и подготовиться к экзамену, но и почитать немного Велемира Хлебникова, о котором ему, правда без всякого почтения, рассказывали в кабаре. Миша, наверно, вернулся поздно ночью и только отмахнулся, когда Никита попытался разбудить его. Тогда Никита отправился один.

Хлебников ему не очень понравился. Точнее, Никита не сразу понял, зачем говорить и писать такими странными словами, когда в русском языке есть достаточно всего, чтобы выразить любое чувство. Но что-то определенно привлекательное, даже, пожалуй, колдовское, в этих «бобэоби, взэоми, пизэо, гзи-гзи-гзэо» явно было. Никита прочитал маленький сборник и остановился. Посмотрел в окно, прищурился от яркого июньского солнца и снова открыл Хлебникова.

Но второй раз ему читать не хотелось. Никита рассеянно проглядел три-четыре страницы, закрыл книгу и откинулся на спинку стула.

Часы пробили час. Оказывается, он уже четыре часа сидит в университете, пора бы и пообедать. Но вставать и идти куда-то не было никакого желания, и Никита снова открыл тетрадку с лекциями.

Надолго его не хватило. Никита закрыл тетрадку, собрал книги и вышел на улицу. Идти домой совершенно не хотелось, шататься по улицам тоже. Никита заглянул в ближайший трактир, съел без большого желания рыбную котлету, вышел на улицу и, неожиданно для себя, оказался в Летнем саду.

— И в Летний сад гулять водил, — вспомнил он «Евгения Онегина».

В саду было немного людей. В основном это были мамы и воспитательницы с детьми, несколько пожилых людей сидели на лавочках. Никита присел на пустую скамейку.

— И в Летний сад гулять водил, — снова всплыли в памяти слова Пушкина. Никита задумался.

Перед его глазами встали картины детства. Вот они с матерью идут из церкви через городской сад домой. Никита только что причастился и до сих пор чувствует на губах вкус хлеба и вина. Добрый старый отец Антипа дал ему большую просфору, и он, разломив ее пополам, откусывает по кусочку, но крошки падают на землю, и к ногам мальчика слетаются голуби. Мать с улыбкой смотрит на ребенка и тоже отламывает маленький кусочек просфоры, но подставляет руку и потом высыпает в рот упавшие крошки. А голуби ведут себя все нахальнее. Один, белый с пестрыми перышками на крыльях, подлетел к самой руке мальчика и захотел клюнуть просфору прямо с руки. Никита испугался птицы, отмахнулся, и нахальный голубь отскочил, но недалеко, и с ветки продолжал наблюдать за ним своими карими бусинками — глазками.

На пожарной каланче на Невском часы пробили три раза. Надо идти продолжать занятия. Никита встал, потянулся и снова направился в университет.

Домой он пришел достаточно поздно. Миши снова не было, но следы его пребывания оставались явными. В раковине стояла невымытая посуда, а на столе лежал неубранный хлеб.

Никита сел за стол и вдруг увидел на нем запечатанный листочек телеграммы. Он открыл его. «Папа и мама отошли. Срочно приезжай. Тетя Люда».

Никита откинулся на спинку стула. Умом он понимал, что рано или поздно это должно было случиться, но почему это произошло именно сейчас. Почему это случилось тогда,

когда его не было рядом. Как теперь жить и что делать. У него словно оборвались лонжи, которые страхуют эквилибриста, идущего по канату под куполом цирка. В обычное время они свисают по бокам и никакой нужды в них нет. Но если артист начинает терять равновесие, лонжи натягиваются и удерживают его на канате. Никита почувствовал, что теперь он совсем один на всем свете. Тетя Люда, старшая сестра мамы и его крестная, конечно, останется для него близким и родным человеком, но заменить родителей уже не сможет никто.

Сколько он так просидел, сказать трудно. Слышно было, как открылась входная дверь, это вернулся Миша. Постучавшись, он, не дождавшись ответа, вошел в комнату к Никите.

По-видимому, по самой фигуре Никиты было видно, что случилась беда. Миша без своих прибауток подошел к товарищу сзади. Никита, не глядя, подал ему бланк телеграммы.

— Азохен вэй! — как всегда, в минуты особенного душевного волнения Миша переходил на родной еврейский язык. — Господи помилуй, чем тебе помочь. Давай, я схожу, куплю билет.

— Да, да, — отсутствующим голосом ответил ему Никита.

— Постой, сейчас уже поздно, я схожу завтра с утра. А сейчас тебе надо отдохнуть. Ложись, поспи.

— Да, да, — повторил Никита.

Он механически разделся и лег в постель. Сон не приходил, в голове была какая-то пугающая пустота. Никита пытался вспомнить что-нибудь, связанное с родителями, но все упиралось в какую-то стену. Он попробовал прочесть молитву, но и она была какой-то безжизненной, почти автоматической. Он остановился на полуслове, хотел собрать свои мысли, но вдруг понял, что мгновенно забыл, на каком месте прервал разговор с Богом. Попробовал вспомнить какое-нибудь стихотворение, но и оно всплывало какими-то фрагментами. Тогда Никита просто закрыл глаза и отдался абсолютной внутренней тишине. Ему не мешали ни свистки городских за окном, ни стук посуды Миши на кухне, ни собственные мысли и воспоминания. Внутри было совершенно тихо. Постепенно усталость взяла свое, и Никита заснул.

Утром Никиту разбудил Миша. Он встал рано утром, сбежал на вокзал и купил билет второго класса на поезд в половине десятого утра.

— Держи и поторапливайся, — сунул друг билет Никите.

Миша снова был в своем репертуаре: слегка суетной, разговорчивый, шумный. Никита,

уже немного отойдя от вчерашнего, начал собирать дорожный чемоданчик. Много вещей он не брал с собой, из книг разве что пару учебников, тетрадки и сборник стихотворений футуристов. Подумав немного, он положил в чемодан еще и молитвенник.

— Напиши прошение на имя ректора, что уезжаешь по семейным обстоятельствам, — напомнил ему Миша. — Я занесу его в канцелярию.

Никита послушно взял перо и лист бумаги.

— Не ставь даты, — как ребенку объяснял ему Миша, — вдруг задержишься. Я на словах им все расскажу, а числа поставишь потом, когда приедешь.

— Спасибо тебе, друг, — с чемоданом в руках сказал Никита. — Спасибо тебе за все. Бог даст, еще увидимся.

— Не бери в голову, — фыркнул Миша. — Максимум через неделю жду обратно.

Дорога домой прошла почти незаметно. Никите досталось место в середине ряда, не у окна, но и не на проходе. Соседи попались не слишком разговорчивые, да и Никита не имел никакого желания что-то с кем-то обсуждать. Большую часть пути он просидел почти неподвижно, держа в руках тетрадку с лекциями, но почти не заглядывая в нее. К вечеру поезд, почти не опоздав, прибыл на станцию, куда направлялся Никита. Выйдя на перрон, он обнаружил, что почти ничего за время его отсутствия не изменилось.

Никита вышел на площадь и, не обращая внимания на крики извозчиков, направился прямо к дому, благо жил он недалеко от вокзала. Заметно смеркалось, тени удлиннились, но было еще светло. Никита шел, почти не глядя по сторонам, ведь он помнил эту дорогу с детства. Вот поворот к гимназии, через полсотни шагов лавка мясника, потом сапожная мастерская, а теперь, срезав угол, можно пройти и к дому.

Никита вошел в подъезд, поднялся на второй этаж и остановился перед дверью. Что-то мешало ему войти сразу. Но, пересилив себя, он толкнул дверь, она была заперта, и постучался.

Дверь открыла тетя Люда. Не говоря ни слова, она прижала Никиту к себе и, хотя и была заметно ниже его, стала гладить его по голове как несмышленного малыша.

— Ох, Никитка, Никитка! Не дождались тебя Вера с Сашей, не дождались...

— Их похоронили? — спросил Никита, вспомнив, что не увидел у двери крышки гроба.

— Не дождалась, — еще раз повторила тетя Люда. — Да, сегодня утром.

— А почему так быстро?

— Как положено, на третий день.

Что-то снова оборвалось внутри Никиты. Он почему-то рассчитывал, что еще раз увидит своих родителей, сможет поцеловать их, а, оказывается, все уже кончилось.

— Пойдем, поужинаем, ты, небось, весь день не ел, — услышал он голос тети Люды.

— Нет, я не хочу. Расскажите, что случилось

— Третьего дня, в минувший вторник, к вам пришли Сашины друзья: Иван Федорович, Лука Козьмич с Управы и почтмейстер Иван Илларионович. Это новый почтмейстер, ты его не помнишь. Ну, пришли, сели вот здесь и принялись за свой бридж. Поиграли недолго, как вдруг Саша как-то странно вздрогнул, карты рассыпал и в кресле откинулся. Его начали тормошить, а он уже, как говорится, Богу душу отдал. Тут прибежала Верочка, только наклонилась к нему, как схватится за сердце и так и рядом с ним упала. Ее начали приводить в чувство, а нет, уже все.

— А когда это случилось?

— Так я и говорю, третьего дня, во вторник, часов в десять вечера. Они сразу побежали за дворником, тот вызвал полицию, а те, пока разобрались, уж полночь была, и ко мне. Я, в чем была, опрометью сюда, пока положила, пока привела в Божий вид, пока нашла твой адрес, так сразу телеграмму и послала. Вчера весь день с Егорычем по городу мотались, а сегодня с утра в Ильинскую церковь повезли, отпели по-христиански, там и похоронили.

— Я пойду на кладбище.

— Постой, Никита, отдохни с дороги. Завтра с утра сходим, все поправим, все сделаем. Сейчас уже ночь, куда там ходить. Иди, поешь хоть немного.

Никита покачал головой. Несмотря на то, что он за всю дорогу один единственный раз сходил в станционный буфет и съел там что-то невообразимое, гордо называвшееся «пирожком с капустой», есть студент совершенно не хотел. Но тетя Люда без сантиментов потащила его за стол, усадила, налила чая и поставила тарелку с гречневой кашей.

— Ешь, ешь, а то там, в столице, небось все экономишь.

Никита вяло поковырял в тарелке вилкой, отпил одним глотком полчашки чая и встал из-за стола.

— Потом, тетя Люда, потом.

Вдруг Никита почувствовал, как он устал. Устал от дороги, от переживаний, от милой трескотни любимой тетушки.

— Я пойду полежу.

— Конечно, конечно, в твоей комнате все

постелено.

Никита достал молитвенник из чемоданчика, открыл молитвы, попытался начать читать, но получалось плохо. Все время в голове крутилось: «Как же я не успел, как же не простился, как же жить дальше». Образ эквилибриста с порванными лонжами снова встал перед его глазами. Никита с большим трудом дошел до конца вечерних молитв и с облегчением закрыл книгу.

Спал он плохо. Никита никогда не отличался крепким сном, и сейчас, хотя ночью он почти не просыпался, с утра чувствовал себя не в своей тарелке. Что ему снилось, он сказать не мог, но что-то тревожное не отпускало его.

— Садись, Никитка, — позвала его тетя Люда. — Сейчас позавтракаем и пойдем на кладбище.

Кладбище находилось в получасе ходьбы от дома. Оно называлось Ильинским, по церкви, стоящей у входа. Никита с тетей Людой были там уже к десяти часам утра. Пока они шли, тревога как-то сама собой рассеялась, и к кладбищенским воротам Никита пришел уже спокойным и невозмутимым.

— Сперва зайдем в церковь, поставим свечку за упокой родителей, а потом пойдем к могиле, — Никита почти не слушал свою тетю, но послушно делал, что она говорила.

В церкви было тихо. Служба или уже отошла, или ее вообще сегодня не было. Только в углу какая-то молодая девушка стояла перед иконой Божией Матери и о чем-то беззвучно молилась. Тетя Люда протянула Никите две свечи. Он машинально взял их, поставил на панихидный столик, перекрестился.

— Пойдем к могилке, — услышал он голос тети.

Выйдя из церкви, они обогнули ее с правой стороны и почти у самого алтаря увидели свежий могильный холм, увенчанный большим дубовым крестом.

— Это батюшка отец Антипа, Царство ему Небесное, — сказала тетя Люда.

— И он тоже?

— Прямо на Пасху. Отслужил, пришел домой, говорит тяжело мне, полежу. И так и уснул.

Никита остановился у могилы. «Вот как интересно, теперь не только родителей, но и отца Антипы здесь нет. Как будто специально обрезаются связи с родными местами».

— Пойдем, — как будто торопила его тетя Люда. Но Никита не уходил. Он вспомнил седого старца в любимой фетровой шляпе и синем подряснике.

— Как-то раз один человек сидел, вот вро-

де меня, на лавочке, — в голову пришли слова отца Антипы, — и смотрел на красоту мира. Вдруг мимо него пробежал другой человек. «Куда он бежит?» — спросил старец. «Как же вы не понимаете, он бежит за своим счастьем», — ответили ему. Тогда старец перекрестился и сказал: «Вот несчастный. Неужели он не понимает, что счастье бежит за ним и никак не может его догнать...»

— А сколько ему было лет? — спросил Никита.

— Восемьдесят справили в прошлом году, стало быть восемьдесят один. Добрый был батюшка, любили его все. Почитай, лет сорок здесь прослужил, тебя крестил, твоих венчал, а вот отпевать уже не успел.

Могила родителей оказалась не совсем рядом с церковью. Они прошли по главной аллее, потом повернули направо и еще раз направо. Среди могил высился новонасыпанный холмик.

— Вот они здесь, касатики, — всхлипнула тетя Люда. — Справа Саша, слева Верочка. Как жили вместе, так и отошли вдвоем.

Странное чувство охватило Никиту. Он как будто совсем не понимал, что родители умерли, что это их могила. Ощущение было такое, что он пришел домой.

— Здравствуй, папа, здравствуй мама, — негромко проговорил он. — Я все-таки приехал к вам.

Никита хотел сказать еще что-то, но замолчал. Все самое важное он говорил в своем сердце. Там звучали и слова благодарности, и слова самоукорения, и слова, которые никогда не произносятся вслух, о своей вечной памяти. Снова пришли в голову порванные лонжи эквилибриста.

Тетя Люда что-то говорила об обустройстве могилки, о памятнике, об оградке, но Никита ее почти не слушал. «Вот и я остался совсем один, и даже отец Антипа мне тоже ничего не скажет», — эта мысль начала вытеснять все остальные и постепенно превратилась в основную. Она очень не понравилась Никите, он потрянул головой, отгоняя ее, и стал прислушиваться к тому, о чем говорила тетюшка.

— Управа собрала на похороны, друзья тоже что-то принесли, так что могилку мы сделаем, а памятник... Ты что хочешь?

— Тетя Люда, лучше вы решите, как лучше. Я не очень понимаю, как и что надо сделать, а вы здесь всех знаете. Я вот тоже привез немного, возьмите и распорядитесь, как нужно.

Тетюшка взяла конвертик с деньгами и убрала его в сумочку.

— Не переживай, Никита, мы все сделаем,

как положено. А давай я кого-нибудь позову, чтобы почитал.

— Не надо, — здесь, у могилы родителей, Никита не хотел, чтобы был кто-то посторонний. При всей своей любви к тете Люде, он, по правде, не хотел слышать и ее добрую болтовню, но это было необходимым.

— Вечная память, — затянул он, может быть не по нотам, — вечная память, вечная память.

Тетя Люда перекрестилась.

— Хорошие, добрые люди были Саша и Верочка. Царство им Небесное, вечный покой. Ну, пойдем домой, или еще в церковь заглянем?

Никита бросил взгляд на могилу родителей и направился к выходу.

— А когда ты обратно поедешь? — спросила его по дороге тетя Люда.

— Не знаю, тут, наверно, какие-то бумаги надо оформлять. Наследство там, аренда, еще что-то. Может быть, вы поможете.

— Конечно, помогу, без всяких разговоров.

Оставшийся день прошел в суете. Вместе с тетюшкой они ходили по всему городу, побывали у нотариуса, у хозяина дома, зашли в городскую управу, где служил отец Никиты. Тетя Люда оказалась весьма проворной и сметливой, и большинство документов были если не оформлены сразу, то, по крайней мере, подготовлены. В конце Никита подписал ей доверенность на ведение всех наследственных и прочих дел, а также на получение всех необходимых бумаг.

— Я, наверно, уеду завтрашним дневным поездом, — сказал он вечером.

— Смотри, как тебе лучше. Я справлюсь сама, не переживай.

Никита вернулся в свою комнату. Ему очень хотелось что-то взять из дома на память, внутренний голос говорил, что он может сюда уже не вернуться. Он сел за стол и задумался.

— Можно я возьму с собой папины часы? — спросил он вслух. — И мамину изумрудную брошку?

Тетя Люда, оказывается, сидела в зале и все слышала.

— Конечно, конечно, все что хочешь.

Никита взял часы, завел их и положил в боковой отдел чемодана. Туда же отправилась и мамина брошка.

— Что-то я устала, — вздохнула тетя Люда. — Когда у тебя поезд?

— В половине первого.

— Тогда еще увидимся. До завтра, Никитка.

Никита долго лежал в темноте с открытыми глазами. Ему казалось странным, что завтра он уедет отсюда и никогда уже не вернется.

Самсон Гелхвидзе

КАРИТКАНИЯ – ЭКЗОТИЧЕСКАЯ ПТИЦА

Колода карт, как и население города, вмещает в себя разные по масти и рангу карты, перемешанные друг с другом, и при их раздаче игрокам попадает своя карта по закону случайных вероятностей.

- Хорошо мешайте карты, батано Шота, - слышался призыв молодого парня, севшего вместе со своими однокурсниками за игру в преферанс в паре с отцом одного из друзей.

- Еще никто и никогда не жаловался мне на тасовку карт, - оправдывался пожилой худощавый мужчина пятидесяти лет, внимая совету однокурсника сына.

- Да, и не забудьте еще в прикупе две карты оставить, - посоветовал второй юноша.

- Э...э, - протянул хозяин дома, - вы только посмотрите на этих молодчиков, что они себе позволяют, - возмутился Шота, - да вы и рождены не были еще, когда я в эту игру играл.

- Ладно, отец, не обижайся. Видишь ведь, ребята шутят, - успокоил отца один из играющих.

Клубни белого табачного дыма постепенно наполняли гостиную и покрывали играющих за столом преферансистов.

- Шесть пик.

- Здесь, - слышался ответ.

- Семь пик.

- Здесь.

- Мизер, - перебил торговлю Шота, - надеюсь, дашь мне нужный прикуп, Ника, - обратился он к сдающему.

- А какой вам нужен, батано Шота?

- Что за вопрос, Леван, поменьше и желательно красной масти.

- А ты не подглядывай в мои карты, - возмутился Шота, - тоже мне, еще сын называется.

- Эмзар лишь пытается вам помочь, батано Шота, - почти в один голос поддержали Эмзара его однокурсницы Ани и Лия.

- Знаю я о его помощи, всю жизнь от нее страдаю, - сказал Шота, который не заметил,

уткнувшись в свои карты, неожиданное появление жены.

- А я в нужный момент тебе как прикуп не сгожусь? - привлекла она к себе внимание играющих.

- Привет, Майя, - поприветствовал жену Шота, - ты как раз вовремя, поможешь мне сыграть мизер.

- Да, сейчас. Не зря ведь я сегодня раньше времени отпросилась с работы, - съехидничала Майя. - Сами обкуривайте себя, ради бога, но в чем провинились ваши девочки, вам их не жалко? Хотя бы окно или двери откройте, чтобы проветрить комнату.

- Ничего, калбатано Майя, мы привыкли уже, - отозвались Ани и Лия.

- Опять пропускаем лекции, да? - посетовала Майя.

- Какие там лекции, тетя Майя, зачем нам, студентам винодельческого факультета, лекции по сопромату и физике? - пожаловался Ника.

- Да, в самом деле, мама, - поддержал друга Эмзар.

- Раз назначил факультет эти предметы, значит, они нужны, - пояснила хозяйка, - вы что, больше всех знаете?

- Вот химия, понимаю, - подал голос Леван, - действительно, этот предмет нужен.

- Ага, чтобы знать, сколько сахара и как добавлять к вину второго сорта, - сказал Эмзар.

- В самом деле, Майя, ужас что творится сегодня в сфере просвещения, - вмешался Шота, - как можно было вообще в техническом университете открывать факультет вина и виноделия?

- А куда тогда поступал бы твой сын? - поинтересовалась Майя. - Ай, да что я тут стою и бестолку с вами спорю, делайте что хотите, - махнула рукой Майя. - Девчата, пойдемте со мной на кухню, а они пусть травят себя табачным дымом.

Однокурсницы с радостью повскакивали со своих мест.

- Так, девчата, - обратилась хозяйка к девушкам, - вы, я думаю, уже у нас давно находитесь и, возможно, успели проголодаться?

- Есть такое немного, - согласились подружки, помявшись.

- Вот и отлично, будем накрывать на стол и готовиться к ланчу, так это у вас теперь называется.

- А где будем накрывать, тетя Майя? - поинтересовалась Ани.

- Конечно же, в зале! Существует единственный способ перебить любимое увлечение мужчин, надеюсь, вы об этом знаете?

- Да, конечно же, это еда, - прохихикала в ответ Лия, - заодно и отметим решение Ники и Ани пожениться.

- О...о, какая радостная весть, поздравляю тебя, доченька, - воскликнула Майя, подходя к Ани и целуя ее в голову.

- Спасибо, тетя Майя, - поблагодарила девушка.

- И когда вы решили узаконить свои отношения?

- Чем раньше, тем лучше, чего тянуть, если мы оба согласны.

- А учеба? Хотя это можно успевать параллельно, - ответила сама себе хозяйка. - По такому случаю и ланч устроим особенный, праздничный.

- Спасибо, - откликнулась Ани.

- И тебя тоже чтобы скоро поздравили, Лия, - пожелала хозяйка, - поднажми немного на Левана, чего он так медлит, не то вообще проворонит такую красавицу как ты.

- Не знаю, тетя Лия, мы пока не готовы к заключительному шагу, но думаю, что в ближайшее время решим этот вопрос.

- А что у моего дурачка на уме, девчата, не знаете случайно? По-моему, у него есть какая-то избранница, разве нет? Пооткровенничайте со мной, пожалуйста.

Девушки продолжали стеснительно улыбаться, опустив головы и выдержав некоторую паузу, словно предоставляя друг другу право первого слова.

- Они пока просто дружат с Лизой, тетя Майя, - первой откликнулась Ани.

- Не собираются спешить, - добавила Лия, - а куда им спешить, если честно?

- Да, конечно же, но мне кажется, что она сможет держать в руках моего шалтай-болтая.

- Эмзара держать в руках не такая уж легкая задача, - пооткровенничала Ани.

- Знаю, доченька, знаю, - вздохнула Майя,

- ну да ладно, а сейчас живо готовим ланч и перебиваем их карточную игру, иначе она может продлиться до бесконечности.

- Хорошо, - согласились подружки и принялись помогать хозяйке готовить полуденный ланч.

Вскоре хозяин дома руководил наспех приготовленным женщинами застольем.

После нескольких традиционных тостов наступило время тоста за молодых людей.

- Особенный тост я хочу произнести, дети, за ваш выбор, за факультет вина и виноделия, который, уверен, откроет вам большие перспективы в будущей профессиональной деятельности, - начал Шота.

- Мой дедушка очень одобрил этот выбор, - пояснил Ника.

- А я своих одобрил обещаниями о том, что если они не будут мне перечить в выборе учебы, то у них никогда не будет недостатка ни в вине, ни в чаче, - похвастался Леван.

- Почти в этом духе и мое молчаливое благословение от родителей, - подключился и Эмзар.

- Еще бы, - похвастался Шота, - в нашей семье никогда не было недостатка в гостеприимстве и в хлебосольстве, а как тут без вина и чачи, так что, сынок, наоборот, спасибо тебе за твой выбор.

- А что девочек сподвигнуло на это решение? - поинтересовалась хозяйка дома.

- А мы пошли за нашими мальчиками.

- Да, но вы же не были с ними знакомы вначале? - поинтересовался Шота.

- Так ведь нужно было с ними познакомиться? - сообразила Ани.

- Да уж, видишь, мать, какая нынче смышленая молодежь пошла.

- В родителей видать, - отозвалась Майя.

- А в кого же еще, подтвердил Шота, - главное, дети, любите друг друга и вашу профессию. Я вот, знаете, настолько любил животных с самого детства, что не пожалел бросить свою специальность и устроился рабочим по уходу за животными и так, в поте лица своего, доработался до директора зоопарка.

- Особенно трудные дни, конечно же, были после того трагического дня, когда произошло наводнение и затопило большую часть территории зоопарка, - пояснила хозяйка.

- Да, много тогда животных погибло, к сожалению, - согласился Шота.

- Хорошо, ребята, не будем отходить от тоста, за любимое дело и за ваш выбор.

Вскоре по мобильному телефону хозяина раздался звонок, который заставил его покинуть стол, передав полномочия тамады свое-

му сыну.

- Вызывают по работе, ребята, так что вы уж извините, я должен вас оставить, а вы не расходитесь, продолжайте застолье. Даст бог, если повезет, может, и подоспею к вам обратно.

Но посиделки продлились не очень долго, после чего однокурсники покинули дом хозяев.

Через пару недель, вняв наконец рекомендациям отца Эмзара посетить их наполовину обновленный после наводнения зоопарк, и пропустив в очередной раз лекции, три пары оказались на его территории.

- Три взрослых билета и три детских, - обратился к кассирше Эмзар, протягивая ей деньги. В ответ за спиной Эмзар услышал хихикание девушек.

- Это что, детские билеты для подружек? - поинтересовалась кассирша.

- Угадали, тетя Марго, - согласился Эмзар.

- Давайте, валите, я вас тут не видела, понятно? - Кассирша вернула деньги Эмзару. - Тенгиз, впусти молодых людей, они от нашего директора, - скомандовала она охраннику, стоявшему возле калитки.

Глаза друзей-однокурсников начали разбегаться по разбросанным по сторонам аттракционам, особенной любознательностью отличались девушки.

- Местный Диснейлэнд, - завизжала от радости Лиза.

- Как здорово, - подтвердила Ани.

- Чур, я первая выбираю аттракцион, - поспешила застолбить первенство Лия.

- Мужики, а нам бы не мешало пивасиком заправиться до начала исполнения хотелок наших девушек, - предложил Эмзар.

- Неплохая идея, - поддержал его Ника.

- А нам кока-колу, пожалуйста, - крикнула Лия вдогонку Левану, поспешившему выполнить пожелания своих друзей.

Броски маленьких резиновых мячиков по пустым консервным банкам от сгущенки вызывали возгласы радости у девушек и удивление их парней. Самой удачливой оказалась Лия, выигравшая приз - белого матерчатого медвежонка с пришитым красным сердечком на груди с надписью "I love you", которого она подарила своей подружке Ани.

- Это от меня и от Ники, - протянула она медвежонка подружке, - в знак вашей вечной любви.

- Спасибо, подруга, - отозвалась Ани.

Потом были гонки на автокарах на специальной электроплощадке, и здесь рулевыми также были девушки, гонявшие машины и сталкивающие их между собой.

На территории зоопарка первыми их встретили вольеры тигров, львов и слонов. Дальше на холмистой местности был расположен полукруглый вольер для бурых медведей.

- Смотри, что эти гады вытворяют? - обратился внимание Эмзар на двух посетителей зоопарка, ребят постарше, закидывающих заточенных в вольере медведей камнями. - Вы что это вытворяете, ублюдки? - прикрикнул он на них.

- А ты кто такой? Тоже мне защитничек нашлся.

- Если вы такие смелые, спрыгивайте к ним в вольер и сражайтесь с ними один на один.

- Ха-ха, еще чего захотел? - откликнулся один из двоих.

- Кончай закидывать их камнями, - пригрозил Эмзар.

- А то что? Шел своей дорогой вместе с друзьями, так и иди дальше.

Дистанция между конфликтующими быстро сократилась, Эмзар успел нанести свои коронные удары по обидчикам медведей. Один из них достал нож и двинулся на Эмзара, который не растерялся и, подобрав ветку дерева, кинулся навстречу нападающему. Неизвестно, чем бы в итоге закончилось это противостояние, если бы их не разняли друзья конфликтующих.

После неприятного инцидента ребята решили отвести душу на «чертовом колесе».

- Он же мог тебя поранить, Эмзар, - прижималась Лиза к своему избраннику.

- Плевать, я никому не позволю обижать животных.

- Ты мой герой, я люблю тебя за это, - прислонила свою голову Лиза к груди Эмзара.

- Почему ты не бросился защищать своего друга, Леван, его же могли ранить? - послышался упрек Лии.

- Я сторонник мирного разрешения конфликтов.

- Да, но какой был иной выход сейчас?

- Можно было с самого начала хотя бы попробовать не лезть кулаками в драку.

Спор между Леваном и Лией в кабинке «чертового колеса» постепенно принимал жесткий характер.

- Я люблю тебя больше всего на свете, жизнь без тебя на этом свете мне не мила, - лез целовать свою возлюбленную Ника.

- А на том? - увертывалась от поцелуя Лия.

- И на том тоже!

- Ну перестань, Ника, сколько можно, отстань от меня, нас ведь могут увидеть, неудобно.

- Кто? Увидеть здесь?

- Да, здесь! Ты что, полез со мной в кабинку из-за этого?

- А что, нельзя?

- Те же признания не могут иметь силы внизу, на земле?

- Да, верно, ты угадала, в полете, в небе, на высоте у меня открываются все мои фибры любви, и я готов проглотить тебя, полностью и целиком.

Нике удалось-таки губами поймать изворотливые губы Ани.

- Хватит, перестань, пожалуйста, прошу тебя, - взмолилась Ани.

- А то что?

- А то я могу захотеть тебя прямо здесь, - шутливо съехидничала Ани.

- Господи, какая прелесть, всю жизнь об этом мечтал. Секс с любимой девушкой на высшей точке «чертового колеса» - это ведь такая романтика.

- Дурачок, - ударила Ани Нику по плечу. - И не надейся, все равно до свадьбы ничего не будет, ясно?

- А хочешь, я могу организовать наш совместный прыжок с моста над ущельем в университетском студгородке.

- Ну да, еще чего захотел?

- Я ведь занимаюсь этим спортом давно.

- Знаю, и что?

- Ты даже представить себе не можешь, какие ощущения испытывает человек в полете, когда прыгает с моста, и возле самого дна ущелья упругий трос подбрасывает его обратно вверх. А если к этим ощущениям добавить признание в любви в объятиях любимого человека, это просто супер.

- Нет, спасибо, не надо мне такого супера, - решительно отказалась Ани. - Я верю в то, что рожденный ходить летать не может.

- Да не нужны мне никакие прыжки ни с парашютом, ни без него, Ника, отстань от меня.

Продолжая свое путешествие по территории обновленного зоопарка, однокурсники наткнулись на вольеры декоративных и экзотических птиц.

- Ой, какая прелесть, - воскликнула Лия, подбежав к клетке с попугаем какаду, раскрашенным в яркие цвета.

- Ты кто? - поинтересовалась она у него.

- Я Гоша, Гоша! - откликнулся попугай, пе-

реваливаясь с ноги на ногу. - А ты кто?

- Я Лия, - с радостью ответила девушка. - Сколько тебе лет?

- Три года.

- Ты давно здесь?

- Давно, давно, - хриплым голосом продолжал отвечать попугай.

Беседующих прервала вошедшая в зал группа иностранных туристов.

- Гошу хочу, - едва успела взмолиться Лия, как ее просьбу тотчас же перебил гид туристической группы, остановившейся возле большой клетки с орлом.

- Обратите внимание на эту гордую птицу, друзья, - обратился гид к своим слушателям.

- Какой красивый орел, - воскликнул женский голос.

- Таких птиц у нас в стране осталось, к сожалению, не много.

- В вашей горной стране? - поинтересовался другой голос.

- Браконьеры, к сожалению, не щадят ни их, и ни их добычу, - пояснила гид. - Пойдёмте дальше.

- Погодите, - выкрикнул вдруг Эмзар, - я думаю, что вам будет интересно, если я добавлю некоторую информацию об этом орле.

Друзья и члены тургруппы обернулись в сторону Эмзара.

- К сожалению, в исчезновении этой породы птиц одна из главных причин - их ленивость, - продолжил Эмзар.

- Это как же?

- Дело в том, что с самого раннего утра, выходя на охоту, они выбирают возвышенную ветренную скалу и, прочно усаживаясь на ней, с открытым клювом дожидаются, когда ветер сообразовит закинуть в их клюв хоть какую-нибудь добычу, чтобы прокормить себя и свое потомство.

- Какая прелесть! - воскликнула молодая девушка из тургруппы.

- Что тут прелестного? - возмутилась другая.

- Ничего себе, позволять лени так играть своей жизнью и жизнью собственного потомства.

- Это как у людей, судьба человека в его характере.

- А как называется эта порода орлов?

- Кариткания, - отчеканил Эмзар.

- И переводится как?

- Я долго думал над более или менее точным переводом названия этих хищников, но более приемлемого, чем ветроед, не нашел.

- Как, как? - звонко расхохоталась молодая

девушка из группы.

- Кариткания, - повторил Эмзар.

- Ну хорош, друзья, не будем здесь больше задерживаться, - поспешил гид, - пойдемте дальше, нас ждет еще немало интересных экспонатов животных.

- Ты что это, серьезно? – поинтересовалась подошедшая к Эмзару Ани.

- Здорово ты их надул, - похвалила Лия.

- Прикольно, конечно, все это, но все-таки Гоша лучше всех, - упрямо стояла на своем Лия.

- Гоша хороший, Гоша хороший, - заладил попугай.

- Вот видите, - подтвердила Лия, указывая взглядом в сторону попугая, - а я вам о чем.

- Ладно, пошли отсюда, ребята, мне не терпится дойти до конца зоопарка, - предложил Ника.

По пути друзей ожидала встреча с не очень высокой парашютной вышкой, на которой довелось испытать свое мужество только Нике и Ани. После первого совместного прыжка последовали и два индивидуальных. Ани сияла от радости, что ей удалось, пусть даже с помощью возлюбленного, преодолеть страх.

- А ты боялась, - не меньше радовался ее отваге Ника.

- Я решилась, Ника, буду прыгать вместе с тобой с моста университетского городка.

- Ну и дура! – заключила Лия.

- Правда? – радостно переспросил Ника.

- Да, - уверенно произнесла Ани.

- Горько, горько, - заверещали подружки.

Леван пытался повторить акт любви своих друзей и ринулся в сторону Лии, но его неудержимую страсть встретила ладонь возлюбленной.

- Тебе придется доказать свою любовь ко мне, - проговорила Лия, - и только этим заслужишь мой поцелуй.

- Сука! – сердито выкрикнул стоявший рядом Эмзар и начал удаляться от друзей.

- Эмзар, ты что? – кинулась за ним Лиза, - ну почему ты так, мы ведь друзья, как можно?

- Что ты сказал? – догнал его Леван.

- Что слышал, - в еще большей ярости крикнул Эмзар.

- Сейчас же извинись перед ней.

Леван замахнулся на друга. Но Эмзар встретил его руку и сам ударил Левана, который сразу же оказался распластанным на асфальтированной дорожке зоопарка.

Друзья разбились на пары. Лизе почти всю дорогу приходилось догонять отталкивавшего ее Эмзара, Лия тщетно пыталась успокоить Левана, постоянно извиняясь и оправдывая

ясь перед ним и виня себя за случившееся, и Ника, и Ани, после недолгого разбора произошедшего между друзьями инцидента, переключились на более приятную тему их ближайшего бракосочетания.

Родители Ники любезно согласились уступить сыну и его однокурсникам на один вечер свою квартиру для вечеринки по поводу окончания учебы в институте. Снабдив необходимыми продуктами и выпивкой их праздничный стол, они уехали на дачу. На вечере собрались двенадцать однокурсников. Через пару часов наступило время танцев под звуки светомузыки. Эмзар и Леван остались за столом, продолжая обсуждать инцидент в зоопарке.

- Леван, я перед тобой уже извинился, но перед Лией извиняться не собираюсь.

- Но ведь ты ее оскорбил прилюдно, а она девушка самолюбивая, - пытался переубедить друга Леван.

- Вот именно потому, что не самолюбивая. Ты думаешь, я забыл, как она несколько лет добивалась твоего внимания, и как только ты обернулся в ее сторону, то сразу же стала предъявлять тебе завышенные требования. Как это называется, Леван?

- Ну она ведь женщина.

- Почему Ани, Лиза и остальные девушки не похожи на нее?

- Каждый человек индивидуален.

- Но какая-то мера порядочности и человечности должна быть в каждом человеке, - затаился сигаретой Эмзар.

Леван продолжал пожимать в раздумье плечами.

- Я не могу так, Леван, по мне так: или люби, если любишь, или же отстань от меня. Это я в адрес наших девочек.

- Понимаю тебя, но что же делать, если я люблю ее.

- Она тебя до добра не доведет, Леван, запомни мои слова.

- Я не хочу, чтобы этот инцидент повлиял на нашу дружбу, Эмзар, а тем более, чтобы нас развел.

- Это твой выбор, Леван.

- Или ты, или она?

Эмзар посмотрел другу в глаза.

- Зачем же так ставить вопрос, у каждого человека свое место в жизни и свое предназначение.

Музыка, изливающаяся из компьютера, завораживала танцующих, весьма подвыпивших однокурсников.

- Лия, да брось ты думать о плохом, - пред-

ложила Лиза, усевшись рядом с подругой.

- Как я могу это сделать, когда он оскорбил меня, назвав меня сукой, - пояснила Лия.

- Ой, господи, да ты хоть знаешь, почему мужики иногда так нас называют?

Лия удивленно взглянула на подругу.

- Это слово является аббревиатурой: С – самая, У – умная, К – красивая, А – а не твоя. Может, он ревнует тебя к Левану и страдает по сей день, что не добился твоей благосклонности?

- Боже упаси с таким сумасшедшим завязывать отношения, - воскликнула Лия.

- А мне он очень нравится, он храбрый, смелый, смекалистый и преданный.

- Вот и оставляй его себе.

- Так я ведь с удовольствием, только он этого не хочет и все время отталкивает меня от себя, - с грустью вздохнула Лиза.

- Мы любим тех, кто нас не любит, и гоним тех, кто в нас влюблен, - огорченно вспомнила Лия классика.

- Вот именно, а сейчас пошли танцевать, а то смотри на них несчастных, друг с другом танцуют, так и до мужеложства рукой подать, - хихикнула Лиза, подымаясь с места и уводя кивая за собой подругу.

Лиза нехотя, но и без сопротивления, оказалась в объятиях одного из своих друзей.

- Мужики, довольно ляссы точить и разбираться в прошлых делах, айда танцевать, - предложил вышедший из танцевальной комнаты Ника, - а то парни уведут наших девок.

- Погоди, Ника, - перебил его Эмзар, - у нас с Леваном серьезный разговор.

- Так ты ведь извинился перед ним, и вроде все разногласия уладили, какие еще могут быть серьезные разговоры? – поинтересовался Ника, - послушайте, какая клева музыка.

- Иди, Ника, танцуй со своей Ани, заодно и за нашими девушками присмотри, а нам дай возможность до конца прояснить важные вопросы, - посоветовал другу Эмзар.

- Хорошо, хорошо, как хотите. Пойду, - согласился Ника, - но прежде дам небольшой совет.

Леван кивнул головой вопреки молчаливой паузе Эмзара.

- Меньше философствуйте на эту тему, друзья, и больше действуйте, - приподнял Ника стакан с вином и, чокнувшись с друзьями и отпив несколько глотков блаженного напитка, направился в соседнюю комнату.

- Давай за нас, Леван, - чокнулся стаканом с другом Эмзар.

- Давай, - согласился Леван и тоже отпил пару глотков.

- И чтобы никогда и никого мы не ставили бы между собой, нами и нашей дружбой, а тем более женщин, - добавил к тосту Эмзар.

- Это, конечно же, неоспоримо, Эмзар, но я не понимаю одного, почему нельзя пойти на некоторые уступки любимой женщине, - заметил Леван.

- Не дай мозгу влюбиться по уши, контролируй свои чувства, - продолжал настаивать на своем Эмзар.

- Из твоих слов я могу заключить лишь одно, что ты не любишь Лизу.

- Кто тебе сказал? Люблю, и даже очень, просто стараюсь соблюдать в наших отношениях баланс и правильно расставлять приоритеты.

- Как же ты не можешь понять, Леван, что самая большая и роковая ошибка мужчины это ставить любимую женщину на первое место, на пьедестал, и поклоняться ей.

- Не ей, а любви, Эмзар, и чувствам, которые ты к ней испытываешь. Ведь памятники ставят не тем, кого любят, а тем, кто любит, ведь само чувство тоже от Всевышнего.

- О каких памятниках ты мне говоришь, Леван. Памятники я знаю на кладбищах или в парках и на площадях, после смерти. Если хочешь, чтобы в дальнейшем не страдали все твои цели и перспективы, постарайся услышать меня.

- Слышу, Эмзар, слышу тебя прекрасно, но слышать одно, а выполнять другое.

- Постарайся чаще создавать с Лией некий дефицит общения, так как мы чаще хотим того, чего у нас нет.

Словно в подтверждение слов Эмзара из танцевальной комнаты вышла расстроенная Лиза.

- Ребята, ну хватит вам спорить, - взмолилась она, - нам с Лией хочется танцевать, не лишайте нас, пожалуйста, этого удовольствия.

- Да, да, конечно же, сейчас, - согласился Леван, взглядом приглашая за собой в соседнюю комнату Эмзара.

- Если хотите, я могу прочесть вам чудесные строки, которые нашла в фейсбуке.

- Конечно же, хотим, - согласился Леван.

Лиза быстро нашла нужный сайт и начала читать понравившиеся строки.

«Есть пространство пути и там много дорог,

И для каждого путь только свой,

Но сплетение душ происходит порой,

И мой путь на мгновение и твой,

И весь мир для меня, а весь мир для тебя,

И прекрасней нет танца души!...

И лишь время решит, сколько вместе нам быть,

Наслаждайся, люби и дыши!»

- Прекрасно, - восторженно согласился Леван.

- А ты почему молчишь, тебе не понравилось? – поинтересовалась Лиза у Эмзара.

- Напротив, я восхищен тобой, - похвалил Эмзар.

- Правда? Тебе тоже понравилось? – подлетела к нему Лиза и словно птичка на ветку присела на его ногу и так быстро прильнула к губам своего возлюбленного, что он даже не успел среагировать.

- Хорошо, я тогда пойду к Лии, - направился Леван в танцевальную комнату.

- Ага, иди и не обделяй ее вниманием, иначе потеряешь, - предупредила Левана Лиза.

Леван вопросительно посмотрел на Эмзара.

- Ты поменьше их слушай, делай, как я тебя учил, и будешь счастливее, прошептал тот.

Лия встретила Левана вопросом.

- Ну как, уговорил ты его извиниться передо мной?

- Нет, словно не знаешь, какой он упрямый.

- Тогда тебе придется выбирать между ним и мной.

- И ты туда же.

- А что, какой у меня остается выход? Не пойму только, с чего это он меня вдруг не взлюбил, что плохого я ему сделала?

- Простите меня, - с извинением подошел к спорящей паре другой однокурсник, - Лия, можно тебя пригласить на танец?

- Нет, Мераб, я не буду больше танцевать сегодня ни с кем, пойду домой.

Лиза отправилась вместе с Мерабом провожать Лию.

- Не переживай, отойдет и вернется к тебе, - успокаивал Эмзар Левана, спускаясь вместе с ним к площади, возле которой располагался зоопарк.

- Господи, какой ужас, Ника, что теперь нам со всем этим делать? – взмолилась в ужасе Ани, взглянув на праздничный стол после ухода гостей.

- Что такое, в чем дело? - подбежал к ней Ника.

- Кто все это будет убирать? Не могу больше смотреть на все это, пусти меня, - оттолкнула Ани Нику.

- Куда ты собралась в такую ночь?

- Как куда, домой. Обещала родителям вернуться, как бы поздно ни было, - начала она поправлять волосы перед зеркалом в прихожей, потом достала помаду из дамской сумочки и стала красить губы.

Ника пристально наблюдал за ней.

- Что, что такое, чего уставился на меня,

может быть, уже не нравлюсь? – повернулась она к нему лицом.

- Напротив, ты обворожительна и неотразима. - И подхватив ее обеими руками, он помчался вместе с ней в спальную комнату.

- Пусти меня, дурачок, - брыкалась она всем телом, непрерывно размахивая ногами и руками. – Куда ты меня несешь?

- Как куда, провожаю тебя домой. - Он сбросил ее в специально устроенную, раскачивающуюся по сторонам и прикрепленную двумя концами к стене с помощью альпинистских карабинов веревочную кровать.

- Господи, какой ужас, - взмолилась Ани, едва удерживая смех, - пусти, меня качает и тошнит.

- Так и должно быть, - набросился он на нее, раскачивая их ложе.

- Уж не собираешься ли ты меня насилловать?

- Да, но только с твоего разрешения.

- Перестань, Ника, прошу тебя, я же не раз тебе говорила, что до свадьбы ничего у нас с тобой не будет.

- Как, а обручение, что тогда? – внимательно вгляделся он в ее глаза.

- Обручение это обручение, а свадьба – это свадьба.

- А поцелуи?

- Поцелуи тоже поцелуи.

Ника медленно склонился к ее лицу и, не почувствовав никакого сопротивления, стал медленно и нежно целовать ее.

- Хорошо, хорошо, только не надо рвать на мне одежду, я сама, - почти сдалась Ани, - только где ты все это собираешься делать, здесь, в гамаке?

- Да, а что? Разве это не романтично? Секс в гамаке и стоя, - подшучивал Ника.

- Господи, какой ужас, - взмолилась Ани, - сколько поклонников у меня было в школе и в вузе, и надо же было остановить свой выбор на этом дураке. Чего лыбишься, пойдешь лучше посмотри на себя в зеркало.

Ника постарался сделать еще более комическое лицо.

- Мне нужно привести себя в порядок, - оттолкнула Ани от себя Нику, воспользовавшись его замешательством. – Я в ванну, вернусь скоро, только прошу тебя, слезь с этих качелей.

(Окончание в следующем номере)

Ксения Родионова- Хелая

МОТЫЛЁК

А люди все шли и шли.

Нина и Валентина, одетые в траурные платья, застывшими статуями сидели рядом, олицетворяя собой вселенскую скорбь.

Мама – всегда мама. Сколько бы тебе не было лет, она всегда остается главным человеком в жизни – и в три года, когда делаешь свои первые шаги, и она заменяет собой весь остальной мир, и в пятьдесят лет, когда ты сама являешься главой семейства и выполняешь те же функции мамы, но уже для другого человека, и поэтому её уход – это всегда невосполнимая потеря, которую не заменят ни любящий муж, ни дети, ни даже весь остальной мир. Со смертью мамы меняется твой личный статус. Ещё вчера рядом был человек, к которому ты всегда могла обратиться с любой проблемой, хоть глобальной, конечно, в размерах одной отдельной семьи, хоть самой мелкой. А сегодня её уже нет и никогда не будет. Какое страшное слово «никогда». Никто никогда не пожалеет, не поможет, не поддержит, как умела только она. Все будет – и солнце, и небо, и дети, а мамы не будет.

Н-И-К-О-Г-Д-А.

Это слово разрывало душу. Хотелось кричать от боли, но крик застрял в горле, превратившись в какой-то бесформенный ком. Не было и спасительных слез, которые обычно размывают боль, превращая её в тупую усталость.

Нина и Валя держались за руки. Образовав искусственный монолит, они пытались таким образом бороться с обрушившимся на них внезапно горем, черпая в этой связке дополнительную силу.

Мама никогда не болела, они не помнили, чтобы она страдала от сезонного гриппа, у неё даже банального насморка не было ни разу. Откуда же взялась эта внезапная остановка сердца во время сна? Их отец воевал во время войны в партизанском отряде, был трижды ранен, один раз очень серьёзно, и от последствия этого ранения скончался, когда девочки учились в школе. Но мама в войну была ещё школьницей. В сорок первом году тринадцатилетней она после школы приехала на лето к бабушкиной сестре в деревню и застряла там на всю войну. Подробности жизни родителей девочки не знали, те не любили вспоминать годы войны, а теперь и спросить было некого, тем более, что других родственников ни с папиной, ни с маминой стороны в живых не осталось.

Мамины близкие погибли в блокаду в Ленинграде, а вся папина родня – все бабушки, дедушки, тетушки со своими детьми, двоюродные, троюродные и даже десятиродные братья и сестры, мама с его младшими сестричками вместе с остальными жителями деревни были сожжены карателями. Из мужской части предков, тех, кто сражались на фронте, живым никто не вернулся домой. Вот такая горькая статистика. У Нины и Вали не было ни дедушек, ни бабушек, ни дядей, ни тетей. Они чувствовали себя «Иванами, родства не помнящими, а не знающими». И вот сейчас, на похоронах матери они слышали много хороших слов от людей, которые пришли, чтобы почтить её память. Они наконец-то увидели ордена и медали, которыми была награждена их мама, узнали, что она в звании майора служила в областном комитете безопасности, преподавала в военном училище, что в областном музее есть стенд, посвященный её деятельности во время войны.

- Прощай, наш Мотылек. Спасибо тебе за все. Мы никогда тебя не забудем, - попрощались с

ней люди.

После похорон к дочерям подошел высокий мужчина с чуть тронутыми сединой темными волосами. Несмотря на то, что он был одет в штатский костюм, во всем его облике чувствовалась военная выправка.

- Меня зовут Николай Семенович, - представился он. - Я начальник вашей мамы, Марии Бельх, Маруси Мальцевой, нашего Мотылька. Я знаю её с войны, с сорок первого года. Да, знаю. Я не оговорился. Мне очень трудно, как и вам, наверное, говорить о ней в прошедшем времени.

Николай Семенович помолчал немного, собираясь с мыслями, а потом начал свой рассказ:

- Начало войны. Сплошная неразбериха. То враг перед нами, и мы сражаемся, то он справа или слева, а то он уже за нашей спиной. Никакой ориентировки, никакой четкости. Мы с небольшим отрядом выбирались из окружения. В какой-то стычке меня ранило, и ребята несколько дней несли меня на себе, пока случайно не наткнулись на партизан. Меня подлечили, а потом командир уговорил остаться, так как сам он был партийным работником и к военному делу не имел никакого отношения, а отряд очень нуждался в кадровых военных. Все-таки любое дело требует профессионализма. Семнадцатилетний Гриша, ваш отец, выполнял в отряде роль разведчика. Он и привел ко мне и командиру для знакомства Марусю.

Она не успела уехать, а потом стало поздно – в деревню вошли фашисты. Какой-то интуицией, а скорее всего логикой, которой она щедро была награждена от природы, девочка просчитала, что друг ее детских игр занимается чем-то серьезным, чем она тоже хотела заниматься. Она понимала, что никто не даст ей в руки оружие и не позволит стрелять, но она могла делать что-то другое. Маруся горячо молила руководителей отряда о своем участии, но они согласились только тогда, когда в разговоре прозвучало, что она благодаря бабушке-немке в совершенстве владеет немецким языком. Это решило все. Маруся стала глазами, вернее ушами отряда. Связь она держала через своего Гришу. Псевдоним «Мотылек» девочка выбрала сама, объяснив, что в гимназии это было прозвище другой её бабушки, образованного от фамилии Мотыль. Марусе очень нравилось это прозвище, и она всегда мечтала примерить его на себя.

Это потом Маруся выросла и вытянулась, а в то время маленькую, худенькую девушку немцы принимали за десятилетнего ребенка, за мебель, за фон, на который не обращают внимания, а ей больше ничего и не надо было. Она все слышала и все запоминала. Сколько ценной информации мы получили от нашего Мотылька, и не перечесть. Сколько раз она спасала отряд от облавы, скольких людей предупредила об аресте. Больше скажу, она предупредила жителей несколько деревень, которые фашисты планировали сжечь. И только о судьбе своего села Мотылек не успела сообщить.

Она как раз спешила на встречу с Гришей, когда напоролась на засаду – село было окружено карателями. Может, если бы это были немцы, то её бы отпустили, так как хорошо знали, но каратели были из числа бандеровцев, они задержали Марусю. Момент задержания видел Гриша. Он с несколькими друзьями ночью освободил девушку, при этом обоих ранило. Ребята принесли их в лагерь, а утром узнали, что деревню со всеми жителями сожгли.

Вскоре до наших мест дошел фронт. Я продолжил службу в действующей армии. Гриша и многие партизаны тоже вступили в армию. Мотылек рвалась отправиться вместе с нами, но мы приказали ей продолжить учебу и наверстать пропущенные годы. Наш командир, который остался, чтобы восстанавливать район, обещал проследить за ней. Мы уже знали, что её ленинградские родственники погибли, и ей некуда возвращаться.

После войны, когда началось сокращение армии, мне предложили продолжить службу в системе безопасности и направили сюда, так как я сражался здесь и хорошо знал местные условия. Здесь я вновь встретился с Гришей и Марусей. Они были мужем и женой. Гриша окончил школу милиции, а Маруся еще училась в институте на историческом факультете, она собиралась написать книгу о нашем отряде, о всех тех, кто выжил и кто погиб в этой войне. На это я возразил ей, что война ещё не окончена, и много нечисти гуляет по нашей стране. Я предложил девушке помочь мне, она недолго думала и согласилась. И вот с тех пор мы все время работали вместе.

Она начинала с самого низкого звена и дослужилась до начальника отдела. У нее на войне было прозвище Мотылек, но в работе, если она выходила на очередного предателя, то вела себя как клещ, не останавливалась, пока не доводила дело до конца. Вот такая была наша Мотылек – трудолюбивая, честная, бескомпромиссная и очень скромная. Настоящая соратница и друг, -

как папа называл ее в детстве, Двези, родилась в 1921 году в Киеве. Она была второй дочерью в большой семье, где кроме нее было еще четверо детей. Ее отец Михель Моисеевич был родом из Житомира, откуда, как он с гордостью говорил, была родом Голда Мейер. Мать же была из зажиточной семьи местечковых евреев. Позже семья переехала в Москву, где отец работал на авиаприборном заводе и был депутатом Моссовета. Мать же всю свою жизнь посвятила своим пятерым детям. Жили, как все в то время, очень трудно, денег все время не хватало. Вера помнит, как ее младший брат, Миша, прекрасный шахматист, в кинотеатре между сеансами играл со зрителями в фойе в шахматы, а за это ему разрешали бесплатно смотреть кинофильмы. Так он посмотрел более 30 раз свой любимый фильм «Чапаев».

Голда Мейер

Отца постоянно не было дома. Домашними делами занималась мама. Она все время была в хлопотах – накормить, напоить, обуть, одеть, научить такую ораву постоянно голодных и растущих детей было непросто. Любовь Моисеевна сама получила строгое патриархальное воспитание, и детей старалась воспитывать в строгости и порядке. Вера через всю жизнь пронесла те немногие наставления, которые она лично получила от матери. Более 60 лет прошло с тех пор, а Вера, как вчера, помнит мамины слова: «Дочка, будь всегда честной с собой и со всеми».

Тридцатые годы – время строительства, индустриализации, время воинствующего атеизма. О Боге не то, что говорить, думать нельзя было. Мама ничего и не говорила, тем более в доме депутата Моссовета. Она никогда не кричала, никогда не приказывала. Ей достаточно было попросить тихим голосом: «Дочка, принеси, пожалуйста, мацу», и Вера через всю Москву пешком шла, чтобы выполнить мамину просьбу. Это сейчас перед Песахом мацу можно купить в Елисеевском магазине, а тогда, в тридцатые годы, надо было идти в «Соломенную сторожку» на Бутырском валу, где в маленькой будке продавалась маца, и идти пешком, так как транспорт ходил плохо. Мама могла попросить иногда: «Дочка, попустись сегодня, пожалуйста». Разве могла Вера не выполнить просьбу дорогой мамочки, она постилась, а потом узнавала, что это был Судный день, который был связан еще и с се-

мейными преданиями. Так тихо, ненавязчиво, мать учила их выполнять традиционные правила.

Дети подрастали. Стало немного легче жить. Старшая дочь вышла замуж. Вера окончила юридический техникум, начала работать. Но тут грянула война. Для всех людей жизнь разделилась на две части – до войны и после. Война была тем невидимым, но очень ощутимым барьером, который расколол жизнь каж-

дого человека, независимо от того, в какой стране он жил. Для каждого человека этот день наступил в разное время. Для жителей нашей страны – 22 июня 1941 года.

В семье Зейгерман в армию вначале взяли зятя Веры, мужа ее старшей сестры. Саму Веру несколько раз мобилизовывали на рытье окопов и противотанковых траншей. Она помнит, как 16 октября рыли окопы возле завода имени Войко-

ва, а немцы уже были близко под Москвой. В декабре отец настоял на том, чтобы семья выехала в эвакуацию. В октябре, еще в Москве, за месяц до восемнадцатилетия на фронт отправился младший брат Миша, тот самый, который шахматными партиями доставал себе контрамарку на киносеанс. От него пришла только одна телеграмма «Проездом Покров». И все. Нет Миши. Пропал без вести. Но разве может пропасть без вести память о нем. 65 лет прошло, но он все время рядом с Верой, теперь уже Верой Михайловной. Как рядом с ней, в ее памяти убитые киевские родственники, погибшие фронтовые друзья, умершие знакомые, все те, кто не дожил до Дня Победы, и кто не дожил до сегодняшнего дня.

А потом пришел черед и самой Веры. В мае 1942 года она уже на Украине в действующей армии, она солдат зенитной артиллерии ПВО. Лето 1942 года. Едва ли не самое драматическое время в той войне. Правда была уже победа над фашистами под Москвой, но впереди еще была битва за Сталинград, а перед ней страшное лето 1942 года. Немцы рвались к Волге. Армия отступала. Отступала под палящим солнцем, через раскаленную степь, а на пятки наступали фрицы. А сверху отступающую армию поливали из пулеметов летчики, и они летали так низко, что их лица можно было различить невооруженным глазом. В воздухе преимущество еще было за немцами.

И все это пришлось перенести молодень-

кой, маленькой, худенькой Вере. Весь этот ужас, всю эту грязь, пыль, обстрелы и расстрелы, зной, нескончаемую степь, вечную жажду. Казалось, что язык стал чужим и не помещается во рту, так хотелось пить. А казаки из оставляемых хуторов не всегда делились водой. И воду приходилось искать самим. Девчонки из отделения, которые были постарше и поопытнее, процеживали воду через противогазные фильтры, но Вере казалось недопустимым использовать противогаз не по назначению. И она поплатилась за свою щепетильность – напившись из какой-то лужи, которая оказалась конской мочой, она свалилась с жесточайшей дизентерией.

Далее огромный кусок времени выпадает из памяти. Помнит, что плыли на барже по Волге, а вокруг, как почетный эскорт, баржу сопровождали мины. Вера балансировала между жизнью и смертью. Что ее спасло, не знает. Может, то, что когда медбрат посоветовал выпить стакан водки с перцем, и она, за всю свою жизнь никогда не пившая спиртного, выпила, даже не веря в чудодейственное влияние спирта. Как ни странно, то ли народное средство, то ли молодой организм, то ли жажда жизни, но что-то помогло, Вера выжила, встала в строй. И даже получила медаль «За оборону Сталинграда».

А потом был долгий путь к победе. Вся страна от Сталинграда до западной границы, Польша, Германия. Все эти долгие три года она прослужила солдатом 297 зенитно-артиллерийского дивизиона, в одном и том же отделении прибористов. Задачей девушек было после сигнала наводчика отслеживать цель и выдавать данные в огневой взвод для стрельбы.

Ребята в отделении были очень дружные, как одна большая семья. Русские девчонки из Сибири, москвички, ленинградки, были украинцы, белорусы, ребята из Азербайджана, Армении, Грузии, Средней Азии. Коллектив подобрался на редкость хороший, и солдаты, и командиры. Через всю последующую долгую мирную жизнь пронесли они свое фронтовое братство. Долгое время встречались на Украине в День Победы, с каждым годом их становилось все меньше и меньше, пока встречи совсем не прекратились.

Первый раз в отпуск Вера попала в феврале 1945 года. Она шла по Москве, которая разительно отличалась от Москвы 1941 года, и радовалась предстоящей встрече с мамой. Она

зашла к своей подруге и попросила, чтобы та первая вошла в комнату и подготовила маму к встрече. Но как только подруга зашла к Зейгерманам, мама вскричала: «Вера, что ты прячешься, я с утра тебя жду». Оказывается, ей приснилась покойница-мать, которая всегда снилась к радости, а для Любви Моисеевны самая большая радость в то время была Вера, вот она ее и ждала.

Потом опять была служба. И наконец долгожданный, ни с чем не сравнимый День Победы. Все плакали и смеялись одновременно. Потом демобилизация. Провожали отъезжающих плясками и песнями, поцелуями и заверениями в скорой встрече. Вера, вскочив в вагон уже движущегося эшелона, повиную-

ясь какому-то импульсу, прокричала в толпу: «Кто будет в Москве, приходите по такому-то адресу».

Вера вернулась в Москву. Устроилась на работу, собиралась поступать в институт. Она ждала всех, и никого конкретно. Но спустя какое-то время по этому адресу пришел Он. Отар Меликишвили. Она его совсем не ждала. Знала, что служил в том же полку, но в другом отделении. Они даже мельком встречались редко. Знала, что он до войны учился в Гнесинке, был женат. И все. Но он пришел. И она вышла за него замуж и уехала в далекий и незнакомый для нее Тбилиси.

Так она стала жителем нашего города. Но это другая история про скрипача-скульптора Отара Меликишвили и его жену Веру Зейгерман-Меликишвили. Тоже очень интересная и очень долгая история. А наш рассказ про Верочку Зейгерман – солдата Великой Отечественной войны, маленькую еврейскую девушку, которая пол-Европы прошагала на своих миниатюрных ножках, чтобы у нас с вами теперь был мир.

Наталья Селезнева

ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЬ ПРОСТРАНСТВА

Произведение науки-искусства перепрограммирования

Часть II (Первую часть читайте в альманахах №39, 40)

*Посвящается моему отцу
Михаилу Ев. Селезневу*

Глава 1

Инкубатор

*«В чем застану,
в том и сужду.»
Св. Писание*

Итак, я стал писателем. Мне даже удалось опубликовать за текущий 2025 год два небольших рассказа, однако, за свой глобальный труд- II часть «Преобразователя пространства» - никак не отважился взяться, поскольку...

Да, скажу честно, поскольку не имел элементарных данных: ни знания предмета («науки будущего!»), ни импульса, ни сил...

И, естественно, мне не хватало присутствия Ясона, то есть мне не хватало самого – живого – Ясона, его воздуха, дыхания, духа!...

Короче, у меня не было со-знания с ним. Я сам стал автором, существом автолитарным, но лишенным своего главного героя...

И вот наконец сегодня, 17 октября, с чувством достаточно полного бессилия, укоряя себя за это, я начал... Начал поначалу вспоминать то, что произошло далее того 7 мая 2023 года, когда я прочел в записной книжке Ясона его «завещание», то есть то, что было уже позже...

Бесконечные многоточия, означающие провалы в памяти, показывали мне, что я слишком поторопился писать продолжение истории настолько необычайной, чтобы я – один! – смог бы это продолжение записать... Опять многоточие! Может быть, завтра?

Нет, я буду продолжать, чего бы мне это ни стоило, хотя тот день настолько страшен, что и через 2,5 года вспоминается с ужасом.

Записав эти строки, я перевернул лист об-

ратно и увидел название: 1) глава «Инкубатор». Я не о том пишу! Дело-то в том, что глава «Инкубатор» прочувствована мной довольно давно, а я сразу же отклонился от темы: просто прошлое наплывало на меня неотступно, и я не мог это контролировать.

Итак, инкубатор – тепловые камеры, предназначенные для согревания и выращивания всевозможной домашней птицы, в первую очередь – кур. Конечно же, это метафора. На самом деле, в виде инкубаторов мне представлялись современные населенные пункты, в частности, города, человеческие сообщества.

Тут я задумался: а что сказал бы Ясон, наткнувшись («нечаянно!») на такие бездарные строчки?

(«Что бы я сказал, коллега? Уж если говорить о курах, то не «инкубаторы», а «сукубаторы», поскольку куры – существа женского пола. И – если уж ты употребил такой метафизически-окультиный термин, где слово «инкуб» фигурирует и определяет всю структуру слова, то и определяет твое – прямо скажем! – грубое отношение к человеческому сообществу в целом...») Опять многоточие! Стало быть, и сам Ясон потерял – в моем воображении – дар слова. Или – речи? Бездарно, бездарно!

Вот мерзость! Я, конечно, знал, что такими терминами как «инкуб» или «сукуб» в оккультной литературе обозначают так называемых «живых мертвецов» обоего пола. Что же делать? Как оправдаться перед возможными читателями, то есть полноценными живыми людьми?

Перейдем к живой природе. А известно ли тебе, воображаемый читатель, что все существующие твари, населяющие планету Земля,

имеют те же три составляющие, что и человек? То есть, ты – читатель? Даже самые мелкие, по твоему мнению – ничтожные? Вот прямо сейчас промелькнула крошечная бабочка – моль платяная. Весьма вредное – для нас – существо, но однако имеющее по 26 тысяч глазков в каждом глазу, нервную систему и пищеварительную также... Следовательно, у нее есть тело, душа и – пусть слабо развитое, но также сознание, иначе как и для чего ей жить? Для чего весь цикл ее развития, где бабочка даже и не последняя стадия, ведь она должна откладывать яйца, ей «велено» самой жизнью продолжить свой род.

А знаешь ли ты, читатель, что по статистике каждый миг, каждое мгновение на Земле насильственно гибнут – для твоего пропитания и «процветания» 20 тысяч живых тварей – тех же кур, свиней, коров?! Был ли ты на бойне? Я – нет, иначе сам умер бы на месте!

Ты, быть может, по-своему добр, умен, но... У тебя нет со-знания, что наша планета – ад для живых созданий!

А какой ад ожидает тебя? Смотри выше: «В чем застану, в том и сужду». И разве человеческое сообщество не инкубатор? Эти страшные каменные джунгли, в которые превращаются наши города – все на одно лицо! (или «яйцо»?).

Эта мертвая бездуховность, бессознательность жизни, этот конвейер смерти, своеобразный Бухенвальдский набат – для тебя неразумного. Ведь были и есть концентрационные лагеря – для людей... Значит, Страшный суд уже идет:

«Люди мира, на минутку встаньте...»

Короче, я продолжаю.

Но совсем неожиданно для меня (а это уже чудо) мне вспомнилась цитата из одного великого старца, Иеронима Афонского. «Я очень бы хотел быть червем, которого бы все топтали, никто бы не любил. Любить бы только Бога и только бы Бога видеть». Так вот – пришлось к слову. Мне не стыдно признаться теперь, что я почти исполнил совет Ясона читать «Книгу книг». Единственно, в чем бы я хотел покаяться, что изучил там основательно только основные, краеугольные моменты, напоминающие мне формулы. Не буду перечислять их, ибо после слов великого подвижника Иеронима, я преисполнился – по его примеру – столь же великого смирения, но этим также не горжусь.

И опять же к слову: однажды к другому великому старцу (Серафиму Саровскому) пришла женщина и сказала: «Я – горда». «Чем же ты гордишься? – спросил Серафим. – Ты – богата?» «Нет». «Знатна?». «Нет». «Талант-

лива?» «Нет». «Тогда – гордись!», был ответ.

Как ни странно, после такого вразумительного диалога ко мне опять пришла мысль о червях. Но уже глобальная... Если кто-то по телевизору смотрел передачу «Необъяснимая Земля», то, вероятно, помнит: там приводится любопытная и никем не объясненная история именно о червях.

Одна молодая дама, чиновница, в обязанности которой входил досмотр некоего экологического региона, наблюдала следующую картину, а именно: разезжая по шоссе в автомобиле, она заметила невероятное! На продолжительной территории этого шоссе, в центре его, во множестве, на некотором расстоянии друг от друга лежали, собравшись в кучку, весьма крупные живые дождевые черви.

Что заставило их покинуть свою естественную и сравнительно для них безопасную среду, так и осталось необъяснимым.

Возможно, они почувствовали опасность?

Планете Земля она угрожает действительно и глобально, но удивительно, что твари такого элементарного строения и даже не имеющие головы отзываются, как могут, на эту угрозу! Что же это за угроза, если, спасаясь от нее, безголовые создания решили выбраться на проезжую дорогу?!

Н-да! Опасность угрожает и – очень. В той же многосерийной передаче и не только в ней (например, в программе «Загадка планеты Земля») показаны тысячи примеров невозможности экосистем справляться с тотальной будущей катастрофой, грозящей не только природе, но и людским сообществам.

Знай это, читатель, и будь готов: наши «инкубаторы» под угрозой.

Глава 2

Смерь (Матрица)

От автора: «Faust» /кулак, нем./

Мы из другого матерьяла,

А как ты думал, мой герой?!

«И плоть твоя другою стала,

Постой, мгновение, постой!»

Ты помнишь Цоя? Победитель, -

Ведь говорят, что он живой...

Определенно – небожитель,

Кулак поднявший над толпой.

Что размышляешь? Действуй смело, -

Тебе бессмертия венец;

Грань перейди, берись за дело

И смерти объяви конец.

«С собой бери – оставь потомкам» -
Одно и то же – будь собой.
Повязаны мы связью тонкой,
Нас вечно трое, мой герой.

Мы – Аристарх, Ясон и автор –
И триединство наш конек...
А наш четвертый – авиатор,
Он где-то рядом, между строк.

(Примечание автора: *Перефразированная мысль из песни группы DDT. **Герой одноименного фильма)

Недавно я видел сон, я вообще часто вижу сны, но этот застрял в памяти, как царапина на мозге или какая-то загогулина... Помню, он повторялся несколько раз, и я пытался проснуться... Это длилось некоторое время, впрочем, недолго. Что это? Да, я подошел к концу, к концу жизни моей вообще. И – нет: образа «это» не имело; мне виделся не обрыв, у которого я стою, не имея воли вернуться назад, и куда меня пытается столкнуть чья-то злая сила, не чудовище, не старуха с косой, не череп с костями...

Это была фото пленка, на которой сплошь были затемненные, заполненные кадры, и только одно очень тонкое место – почти разрыв, к которому меня и толкала чья-то безымянная злая воля! Страх был просто дикий, и он повторялся несколько раз, пока я наконец не проснулся, однако с полным сознанием конца моего существования. И он почти состоялся, но исходя из всего продуманного мной прямо сейчас, я понял, что прозрачное тонкое «оконце» среди квадратных кадров этой фото пленки – просто пауза или склеенная чьей-то искусной рукой матрица моей жизни. Разрыв был ликвидирован... Кем? Зачем? Вероятнее всего, мой труд над «Преобразователем пространства» должен был быть завершенным, законченным. Поняв этот неутолимый чей-то призыв – продолжить сей труд, чтобы жить, я наконец взялся за перо.

...Тогда, 7 мая 2023 года, я был, помнится, настолько измучен, что не сразу смог привести себя в порядок: встать, умыться и поесть. Часы не дремали, они показали уже 4 часа дня. Я проголодался к тому времени, пошарил в холодильнике и, ничего там не обнаружив, кроме упаковки яиц («инкубатор»), соорудил себе глазунью.

Силы возвращались медленно, но верно.

Так же медленно возвращалась сосущая тоска, тоска по Ясону... Возможно, что благодаря этой неусыпной тоске, я так хорошо запом-

нил тот день, что и теперь могу восстановить мельчайшие его подробности. И еще одно: я вспомнил, что не осматрел ванную комнату и к тому же не закрыл входной двери в квартиру Ясона, а только притворил ее. Если бы Ясон вышел куда-то, дверь была бы закрытой, то есть запертой, но этого не случилось, в чем я убедился недавно.

Преодолевая слабость во всем теле, я отправился туда. Ключи я обнаружил во внутренней стороне двери; их было два, от двух замков.

Я пробрался в квартиру, стараясь не создавать шума... Слабая надежда, что я обнаружу Ясона внутри, погасла, когда этого не случилось, я опять осматрел все три комнаты, но безрезультатно: я был один в квартире и во всем свете! Отчаяние охватило меня, но, покорясь судьбе, я отправился в ванную...

Он был там!.. То есть не тот Ясон – нынешний, «обновленный», а именно тот, которым он был тогда, год назад в 2022 году.

Тело лежало в ванне, одетое в полосатую пижаму; пластиковая занавеска с разноцветными рыбками не была задернута, и я сразу его увидел. Он был мертв, неподвижен. Тут же стояла его картина, прислоненная к кафельной стене. Видимо, он сам и поставил ее туда, надеясь, что я буду искать ее и неминуемо увижу...

Сердце у меня похолодело, озноб охватил все тело, и я стоял, не сводя глаз с лица Ясона. Кроме естественного ужаса от своей находки, я стал, помнится, рассуждать (!) о том, как я объясню свое нахождение в квартире Ясона вместе с его «годовалым» трупом?! Впрочем, тело его, если и выглядело старым (71 год), прекрасно сохранилось и не было мумифицировано.

Оно было свежим, не тронутым разложением; лицо спокойно, даже присутствовала легкая таинственная улыбка...

Почти уже без страха я наклонился к нему: мелкие кристаллики красного цвета сплошь усеивали лицо, одежду, руки умершего; они покрывали во множестве края ванны и, по видимому, и ее дно. Тогда я вспомнил, что Ясон уже показывал мне в мой первый визит пару подобных кристаллов. «Ртуть, - сказал он мне, - сернистая ртуть: HgS, киноварь, Яд!» (Кстати, замечу как бы в скобках, что сейчас, записывая эти строчки, у меня промелькнула в уме песня, некогда мной любимая, в исполнении Высоцкого на слова И.Бродского: «Ах, как мы веселы бываем иль угрюмы, но если надо выбирать, и выбор труден, мы выбираем «деревянные костюмы»... Кажется из фильма «Вертикаль». Если так, то Ясон сделал свой серьезный выбор: ведь и так ясно, что Ясон

и остальной мир совершенно полярны друг другу...)

Стало быть он, еще будучи «живым 71-летним телом», год назад, т.е. в 2022 году отравил себя заранее, затем умастил свое тело, одежду, ванну, в которую лег, и таким образом и «законсервировал» себя?!. А затем, как ни в чем не бывало, появился ко мне – в качестве собственного «энергетического дублера», оставив свой белковый футляр как некоего мамонтенка в вечной мерзлоте – в ядовитом скафандре?!. Природа же этого «дублера» не только необъяснима с точки зрения любой науки, но и... криминальная по отношению ко мне! На меня, помнится, накатила такая страшная волна ярости, что мне захотелось избить старое тело Ясона... Но я так мало знал о природе вещей вообще и, тем более, о природе ее «венца творения» человеке... Да и кто все это знает, кроме Господа Бога?!. Вот вам, люди, еще доказательства Его сакральных возможностей и неисповедимостей путей.

И только теперь, сегодня, когда я уже начал записывать тот, тогда еще сырой материал своего исследования, я вдруг все понял, вспомнил, осознал. Короче, я вспомнил о «четырехмерном человеке» Павла Успенского, живущем во времени, и о четвертой комнате – здесь ванной!

Дело в том, что тогда, после посещения этой ванной комнаты, я был настолько напуган своим участием во всей этой истории и травмирован увиденным, что ни о каких дневниковых записях не могло быть и речи.

Так что все мои остальные записи, касающиеся «Преобразователя пространства» в целом, я произвожу сейчас – «заживо». Также это касается – и особенно! – моего нынешнего сна о фото пленке в качестве особой матрицы моей жизни... Я хорошо запомнил промелькнувший в моей сонной дреме прозрачный квадратик пластика, к которому моя душа в ужасе приближалась и отшатывалась: Это было небытие – в полной мере, смерть и конец всему! Это мерзкое оконце преследует меня, безмерно тяготит...

Но далее я все-таки углядел продолжение кадров... Значит, жизнь моя будет продолжена?

А сейчас я вернусь назад – к тем событиям 2023 года.

Глава 3.

Покаяние

От автора:

Я ничему не могу научиться;

Ни дней недели не числю, ни даты...

Своих писаний листаю страницы:
Я только первопроходец, солдат...

Первопроходец в грядущие сутки;
Где моя армия? Всем наплевать!
Шарканье шин и машины погудки –
Лишь в забытии я могу им внимать.

В хаосе жизни враг притаился,
Горько бессилье – брони не пробить!
Вижу людей озабоченных лица,
Только не знаю, как дальше им быть.

«Быть или не быть?» - основная дилемма.
Так и завис нерешенный вопрос...
Это поэзия? Фортуна? Схема?
Только росток – сквозь асфальт – не пророс.

Мне стыдно и даже позорно об этом писать,
но каюсь: я совершил кражу.

Собственно, даже не кражу, поскольку существовало «духовное завещание» Ясона, естественно, не касающееся квартиры, но об имуществе оговорено не было, стало быть, я имел некоторое право. Однако все мое существо содрогалось: ведь я все еще мню себя советским человеком, интеллигентом вдобавок.

Словом, тогда еще, 7 мая, я утащил из квартиры Ясона несколько вещей, а именно, знаменитую картину (свернул в рулон и забросил под кровать), круглое зеркало со стены и зеркальце с трехногой подставкой). С Женей мы спали в разных комнатах, но все-таки я замаскировал, как мог, в шкафу среди вещей и зеркала, и треногу...

Вечером, когда с работы явилась жена, я сидел как ни в чем не бывало перед компьютером и делал вид, что работаю. Надо добавить, что дверь в ясоновскую квартиру я не закрывал – понятно, по какой причине: в месте совершения возможного преступления я якобы ничего не трогал, но уничтожить следы своего нахождения – до обнаружения мертвого тела самого хозяина, скрыть было нельзя, поскольку наше застолье было на самом виду, а также, естественно, осталось множество отпечатков пальцев – моих и Ясона.

Впрочем, я и сам не смог бы понять, каким образом Ясон «законсервировал» свое старое тело и одновременно отравил его сернистой ртутью. Скорее всего, он уже тогда (в результате экспериментов?) приобрел новое тело и сам себя – прежнего – угробил. Видимо, приобретая новое сознание, человек приобретает – соответственно – и новое тело? Значит, какое-то время в квартире находилось (!) два

Ясона... Причем «старый» Ясон был вовсе без сознания. То есть в коме? Вопросы, вопросы... И – многоточия.

К слову сказать, я видел фильм Федора Бондарчука, который называется «Я остаюсь». Там герои, находясь в виде душ на каком-то промежуточном полустанке, в некоей мрачной местности, могли иногда навестить свои белковые физические коматозные тела, но только являлись они без покрытия... Были на эту тему и другие фильмы. Даже здесь я не новатор!

Впрочем, пусть полиция и медэксперты это выясняют. Помню, что тогда сие «криминальное дознание» меня даже повеселило. Но не мог же я рассказать им о наших совместных экспериментах и показать ясоновское «завещание»!

Значит, про себя я составил версию самоубийства Ясона после празднования со мной вместе дня его рождения, вернее, сочельника этого дня. А труп его, дескать, я обнаружил после – на другой день.

На этом, впрочем, можно остановиться: моя версия прокатилась! Соседей такой исход жизни Ясона даже не удивил: они очень хорошо были осведомлены о его затворничестве и, естественно, считали, что у него «не все дома», хотя это и было с точностью наоборот.

Словом, все обошлось как нельзя лучше. Бригада полицейских плюс медэксперт, пораженные до глубины души, даже выразили мне сочувствие и предложили взять что-либо из вещей – в память о почившем друге... А я уже взял и не стал на эту тему распространяться, но, скромно опустив глаза, отказался.

В душе же я лелеял единственное страстное желание – встретить Ясона вновь в том же его мире, где он исчез... Для нашего мира – навсегда. От всей души!

Глава 4

Функция: Человек+?

*«Будьте совершенным,
Как отец наш небесный»
Библия*

От автора: Невольный сарказм

Я стою аристократ –
Телом, духом и моралью;
А мещане – все подряд –
«Здравствуй» мне не говорят...
Ну и времена настали!

Времена темнее тьмы
Мирового катаклизма,
Времена тесней тюрьмы
Мертвого капитализма!

Нет – ни денег, ни наград
Для души – распятой – тела,
А мещане все подряд
Деньги делают умело.

Я ни слова не скажу
Им в ответ: прощайте, люди!
Я – поэт: не осужу,
Хоть друг-друга и засудят...

Тело новое найти –
Соответственное рангу,
Чтоб сподручнее уйти
К – поднять повыше планку.

Читая по настоятельному совету Ясона Библию, я, со своим «механическим» умом, многому поражаюсь, например, каким образом проходило крещение Иоанном Крестителем людей в Иордане, когда слово «крест» (в качестве «распятия») появилось в христианском словаре вовсе не в связи с опусканием в воду? Как святой обряд можно филологически «скрещивать» с орудием пытки? Тем более, что Богочеловек еще не был казнен? Только Ясон мог ответить на эти вопросы, так как к священнику я не решался обратиться, боясь прослыть еретиком.

В церкви я был несколько раз, но все-таки не мог принять причастие в виде «плоти и крови Христовой». На меня накатывал ужас при мысли о том, что Христа могли просто ...съесть. Ибо подобное деяние уже описано было в современности романе «Парфюмер. Фамилии автора я не помню... Такая вот «любовь-морковь». Кроме того, куда исчезла из книги книг Лилит, первая-отдельная (не из ребра) сотворенная женщина? Даже в кукольном театре Образцова она фигурирует как существо полностью и целиком равное Адаму.

И много такого – непонятного.

Словом, я решил не заморачиваться такими нелогическими вопросами и телами, а продолжал упрямо жить изо дня в день на те небольшие сбережения, которые у меня – слава Богу! – были, в ожидании пенсии. В этом году мне исполнилось 63 года, стало быть, через 2 года я получу это государственное вспомоществование.

(Окончание следует)

Петр Хотяновский

(Продолжение)

Петербургские приключения Василия Васильевича Петрова (Васьвася) и реинкарнировавшегося в него фараона Аменхотепа IV

Выставленные вдоль стен скульптуры, каменные барельефы, предметы быта, инструменты для принесения жертв богам, вазы, украшенные охровым и черным орнаментами, источали тонкий запах тысячелетней пыли. На Васьвася пахло жарким воздухом египетских пустынь. В дрожащем мареве миража возникли громады пирамид. Казалось, ожила статуя шакалоподобного бога смерти Анубиса и приветствует его, фараона-Василия, размахивая сжатым в правой руке знаком «анх» - петлей жизни.

Львиноголовая дочь солнечного божества – Сехмет, праведным гневом и яростью умевшая умирять бессмысленные кровопролития, ласково улыбалась, а ожившие безымянные мумии громкими криками приветствовали его.

Чувство неземной любви накатило горячей волной на Васьвася, застывшего перед бюстом божественной Нефертити.

– Жена моя, - прошептал фараон. Васьвася прикоснулся к ней рукой и почувствовал спрятанное в глубине камня тепло «вечной жизни».

В эту минуту от Васьвася, каким он был еще вчера, не осталось почти ничего. Уверенным шагом фараона Аменхотепа IV он шел к огромному гранитному изваянию своего отца – фараона Аменхотепа III.

Приблизившись к подножью колосса, фараон-Василий воздел руки к небесам и громким голосом возгласил: - О, мой богоподобный отец, приветствую тебя...

В ту же минуты из-за статуи выскочила старушка смотрительница:

- Хулиган! Откуда ты взялся? - вскричала она. Смотрительница достала из кармана халатика телефон, хотела нажать «тревожную

кнопку», но палец ее свела судорога.

- Я фараон Аменхотеп IV! А это мой богоподобный отец – фараон Аменхотеп III, – громовым голосом возгласил Василий.

Завороженная взглядом и голосом Васьвася смотрительница упала перед ним на колени, мелко и быстро крестясь, стала выкрикивать: - Слава Богу Амону! Слава тебе, богоподобный фараон Аменхотеп III.

- Не путай, - назидательно объяснил Васьвася, - я Аменхотеп IV, сын Аменхотепа III.

- Слава отцу и сыну! Обоим слава, - в экстазе кричала смотрительница. – Я знала, что вы придете, я ждала... Мне не верили, говорили, сошла с ума, даже на пенсию хотели отправить, но был знак, - торопливой скороговоркой сообщала она. – Знак беды! В прошлое полнолуние ночью по ногам богини Сехмет стекала кровь.

- Врешь, - рявкнул фараон-Василий. – Последний раз кровавым «знаком беды» львиноголовая Сехмет отметила 1991 год. Пошла вон, старуха!

Несчастная смотрительница бросилась вон из зала, и Василий вспомнил, что много лет назад учитель истории Гарегин Абрамович, возбужденный слухами о кровавых знаках, появившихся на гранитном изваянии львиноголовой богини, привел их класс к изваянию Сехмет. В тот год действительно случились большие потрясения, - развалилась и ушла в историческую вечность Держава. Васьвася вспомнил тревогу и растерянность матери – блокадный ребенок, она никак не могла избавиться от чувства страха. Ей казалось, что в страну, потерявшую веру в вождя-основателя, хлынут орды иноплеменных, затеют войну, но-

вую блокаду, и страна непременно погибнет.

Василий тщетно пытался объяснить матери, что ничего страшного не произошло, рано или поздно все империи уходят в небытие: исчез Египет, погиб Рим, развалилась Османская империя, Дом Романовых, простояв три века, рухнул, а любимый народом Союз после непродолжительной болезни помер - не без помощи бездарных врачей - о чем Васывас в глубине души сожалел. Подслушав ностальгическую нотку в мозгах Василия, Аменхотеп стал уверять, что в новой стране он может устроить его жизнь гораздо лучше. И предложил сделать его фараоном.

Васывас представил себя в образе фараона, и ему стало ужасно смешно.

- Ты, наверно, многое можешь, - еле выговорил он сквозь смех, - но в нашей стране власть не фараонская, а президентская.

- Не вижу разницы. Одного своего президента вы, как настоящего фараона, превратили в мумию, уложили в стеклянный гроб и выставили на всеобщее обозрение в специально построенной пирамиде. В нынешнем мире президенты всех стран умеют врать, воровать и убивать своих подданных не хуже нас, фараонов.

- Уговорил! Делай из меня президента. Представляю, как удивятся соседи, когда увидят меня в Кремле, - хохотнул Васывас.

- В Кремль идти не советую. Там и без тебя сложно. Начнем с кресла поскромнее. Место президента твоей фирмы устроит?

- Ты серьезно?

- Да или нет?

За сегодняшнее утро случилось столько всякого, что Васывас как-то сразу и окончательно понял, - Аменхотеп не шутит. Он представил себя в белом лимузине с охраной, личный подземный паркинг и лифт прямо в кабинет, о роскоши которого ходили невероятные слухи. Если этот чертов фараон может забросить меня на вершину империи владеющим всем бытовым бардаклом мира, - почему нет? Василий набрал полные легкие воздуха и громко выдохнул: - Да! Что мне сделать для этого? Продать душу?

- Лезть с чистой душой в грязные дела не стоит. Чистую душу побережем. Она нам для других дел пригодится.

Аменхотеп подвел Васываса к гранитному саркофагу, сплошь покрытому иероглифами.

- Это саркофаг могущественного Верховного жреца. Он пролежал в нем несколько тысячелетий, наполнил своей энергией. Ты должен лечь в саркофаг и вобрать в себя скопившуюся в нем энергию.

Тут Васывас опять вспомнил Гарегина Абрамовича, его рассказы о «проклятии фараонов» и надписях над входом в гробницы: «Смерть быстрым шагом настигнет каждого, кто нарушит покой фараонов».

Вспомнил легенды о гибели расхитителей гробниц, вспомнил, сколько археологов, посмевших взломать магические охранные печати, погибли от загадочных болезней.

- Нет! В саркофаг не полезу, - решительно отказался Васывас. - Ты что, забыл про «проклятие фараонов»? Духи-хранители саркофагов убьют меня за нарушение вечного покоя усопших.

- Клянусь Богом Амоном, клянусь вечной жизнью в царстве Озириса, - торжественно провозгласил Аменхотеп, - пока я в тебе, проклятия не имеют силы. Саркофаг наполнит тебя энергией и откроет тайное знание жрецов!

- Зачем оно мне? Я обыкновенный смерд, первочеловек, чистый лист! Мне их тайные знания не нужны! «Многие знания рожают многие печали», - отбивался Васывас библейской мудростью.

- Многие знания - путь к большой власти!

- Власть! Зачем она тебе? Ты теперь никто! Ошибка реинкарнации. Случайно попал в меня, сиди тихо.

- Фараоны не умеют сидеть тихо. Мы призваны быть вершителями судеб миллионов, без нас мир рухнет!

- Не смей! Пока ты блуждал несколько тысячелетий непонятно где, мир не рухнул.

- Мир никогда, ни на одну секунду не оставался без нас - фараонов! Мы строим и разрушаем, казним и милуем.

- Понятно, энергия жреца тебе нужна, чтоб вернуть власть и творить подлости моими руками?

- Большие подлости в мире всегда совершаются чужими руками.

- Интересно, чьими руками ты совершал подлости, когда был камнем, - съязвил Васывас.

- Руками человеческой алчности. Камень, в который реинкарнировали мою душу, был набит золотом. Ради него люди готовы совершать любые подлости. И приказывать не пришлось, - сами все сделали.

- Прости, Аменхотеп, я не смогу творить твои фараонские мерзости своими руками. Они не так заточены. Переселись, пока не поздно, в другого, и фараонь сколько угодно.

- Это невозможно... Наша встреча не случайна. Все изначально предопределено. Для последней реинкарнации мне нужен только ты,

- сказал Аменхотеп и надолго замолчал. Признание фараона было настолько неожиданным, что Васьвась не сразу понял его смысл. Как это – предопределено?! Если безумство с вселением в него души фараона изначально задумано, выходит, ему, Васьвасю, остается только подчиниться. И все, что случится, произойдет не по его, Васьвася, воле, а велением неведомых сил, которым и перечить невозможно? Тут ему в голову стали приходить апокалиптические сюжеты: разрушение стран и городов, разбой, безвластие, толпы беженцев, а вина за все эти безобразия может лечь на него? Васьвася охватил ужас, он ощутил в себе необычайную тишину, словно весь мир куда-то исчез, оставив его в пустоте космоса, из которого исчезли даже звезды.

В последней попытке оказать хоть какое-то сопротивление, чтоб не корить себя потом за бездействие и малодушие, Васьвась, собрав остатки сил, отчаянно, на весь музейный зал закричал:

– Зачем для последней реинкарнации тебе понадобился я, чистый лист, смерд, первочеловек?! - Васьвась орал на Аменхотепа, требовал немедленно покинуть его тело, кричал - «изыди», наговорил массу оскорбительных слов в надежде задеть самолюбие фараона, хотя в глубине души понимал, что все его крики напрасны, и то, что случилось, стало его неожиданной судьбой, бороться с которой бессмысленно.

Дождавшись, пока Васьвась успокоится, Аменхотеп стал объяснять ему, что Законы Космоса и построенный на их основе миропорядок гораздо сложнее возможности человеческого мозга постичь даже малую его часть. Жизнь каждого человека состоит из конечного числа реинкарнаций, за пределами которых существует следующий мир, попасть в который дано далеко не каждому. По завершении последней реинкарнации все прожитые жизни, все деяния, слова и даже мысли разделяются на «добрые» и «злые» и взвешиваются на Весах Справедливости. По сумме оцененных таким образом поступков Высший Суд выносит окончательное решение - достойна душа переступить границу следующего мира или нет.

На самом деле разделение поступков на «добрые» и «злые» представляет для Судей большую сложность и часто вызывает споры, поскольку сами понятия – «Добро» и «Зло» изначально не абсолютны. В разных реинкарнациях они, случалось, менялись местами. История знает немало случаев, когда абсолютные злодеи при жизни в следующих поколениях причислялись к лику святых, а правление «добрых» царей оборачивалось неисчислимыми

несчастиями и трагедиями. Зная историю своего фараонства и деяния, совершенные им в следующих реинкарнациях, Аменхотеп опасался, что «Зло» может перетянуть, и тогда на переход в следующий мир можно не рассчитывать.

При всей невероятности услышанного, Васьвась не очень удивился. Что-то в этом роде он и сам предполагал, когда внезапные приступы тоски заставляли его вглядываться в бесконечную глубину ночного неба и выстраивать свои предположения об устройстве мира. Про «Большой взрыв» и возникшую из него Вселенную он, конечно, читал, но в глубине души не очень верил ученым. По его дилетантским представлениям во Вселенной должна существовать бесконечно протяжённая точка начала всех начал. Если люди еще не открыли ее и не знают, как она выглядит, это не значит, что ее нет. Она как бы была всегда и никогда не взрывалась. Весь мир «истек» из нее и продолжает бесконечно «истекать» и наполнять пространство. Главное свойство точки, - она не содержит в себе время. В представлениях Васьвася, время, это универсальный убийца. Оно с одинаковой неизбежностью разрушает миры и людей, наивно полагающих, что умирают от болезней, на самом деле люди и все остальное разрушает закончившееся в них изначально заложенное время. В этом смысле бесконечность точки начала всех начал можно объяснить только тем, что она не несет в себе время. Стоит в бесконечность вставить время, как оно тут же начнет «тикать», отсчитывать само себя и в конечном итоге разрушит и бесконечность, и все, что она в себе содержит.

Эти рассуждения очень увлекали Васьвася. Единственное, чему он никак не мог найти объяснения, откуда взялось начало начал, и есть ли что-нибудь за ним? Стоило углубиться в эти мысли, как неизбежно начиналась невыносимая головная боль, вспоминались Гоголевские «Записки сумасшедшего» и Аксентий Иванович Поприщин, размышления которого завершились в доме умалишенных утверждением, что «У алжирского бея под носом шишка». Этой участи Васьвась для себя не желал, а потому старался не уходить своими фантазиями за границы видимого над головой мира.

Помимо разделения поступков людей на «добрые» и «злые», существовал еще один немаловажный критерий оценки, - в чьем теле душа предстанет перед Высшим Судом в своей последней реинкарнации. Аменхотеп это знал и именно поэтому выбрал для последней реинкарнации Васьвася. Выбирать по своей воле, когда и в кого вселиться, Аменхотеп не имел

никакого права, но в сложившихся обстоятельствах он рискнул нарушить закон.

Все, что Аменхотеп рассказывал Васьвасю о своем прошлом воплощении в английского кокера-спаниэля, умершего на руках безутешной хозяйки, было полным враньем. Да, собакой он был, и вполне здоровой - хозяйка часто водила любимого пса к ветеринару и ничего не предвещало внезапного разрыва собачьего сердца.

Случилось это во время случайной встречи Васьвасы с хозяйкой кокера, с которой он был шапочно знаком. Васьвася считал долгом вежливости погладить собачку и сказать хозяйке несколько приятных слов, - «Песик у вас очаровательный, а ушки чистый шелк...» С первого прикосновения Васьвасы к ушам кокера душа жившего в нем Аменхотепа распознала совершенно незащитного человека с распахнутой душой и добрейшим сердцем. Пока хозяйка кокера болтала с Васьвасем, Аменхотеп успел «оббежать» все тело Васьвасы, мозг, все его клетки и, не найдя ни в одной из них никакого изъяна, понял, - перед ним редчайший экземпляр первочеловека, с практически лишенной пороков совершенно чистой душой, какие бывают у младенца в первые часы рождения. Он мой, он мне нужен, - радостно кричала душа Аменхотепа. Именно в таком человеке он мечтал прожить последнюю реинкарнацию и принести на Высший Суд свою многогрешную душу в теле непорочного первочеловека.

Но как проникнуть в него, как переместить в него свою душу? Последняя реинкарнация может произойти только после смерти собаки, в которую он был воплощен. Аменхотеп был в отчаянии. Он понимал, издохни собака сейчас, он может сразу, в нарушение всех правил реинкарнации переместить свою душу в Васьвасю. Это грозило суровыми наказаниями, но желание Аменхотепа было так сильно, что никакие разумные доводы не могли изменить решения немедленно и самолично умертвить несчастного пса. В прошлых жизнях ему часто приходилось убивать и людей, и животных. Он знал множество способов делать это, но в данных обстоятельствах они были непригодны.

В распоряжении Аменхотепа была только его душа. Он стал судорожно думать, как превратить свою душу в убийцу и остановить сердце кокера. И тут он вспомнил, что в одном из своих воплощений жил в теле молодой, совершенно здоровой женщины, которая мгновенно умерла, получив известие о внезапной смерти любимого ребенка, - горе разорвало сердце бедной женщины.

Эврика, -возликовал Аменхотеп! Горе спо-

собно убить все живое лучше любого яда. За несколько тысячелетий существования в разных ипостасях он сам испытал и посеял вокруг столько горя, что собранное вместе оно могло лишить жизни не то что маленькую собачку, - половине человечества хватило бы разорвать сердца.

Усилием воли Аменхотеп вызвал из тысячелетней памяти все тяжелые воспоминания: горе, страх, смерть близких, болезни и предательства. Они разом нахлынули на него, образовав в душе сгусток невыносимого горя. На какое-то мгновение ему показалось, что его собственная душа не выдержит нахлынувшего горя, и он поспешил выплеснуть сгусток «невыносимого горя» на собаку. По телу незащитного животного пробежала предсмертная дрожь, и сердце несчастного кокера разорвалось в клочья.

Смерть кокера и последняя реинкарнация души фараона произошли мгновенно. Хозяйка кокера, не заметив смерти любимой собачки, продолжала весело болтать, а Васьвася лишь на секунду запылул от очень острого укола в груди.

- Теперь ты знаешь все, - закончил свой рассказ Аменхотеп.

- Негодяй, - одними губами прошептал Васьвася. - Как ты посмел вселиться в меня? Хочешь сделать из меня убийцу? Не выйдет! - закричал Васьвася, и голос его, эхом отдаваясь от стен, разнесся по пустым музейным залам.

- Не ори. Успокойся. Даже если сам захочешь убить кого-нибудь, я не позволю. У нас с тобой будет много других дел. Ты хорошо проживешь свою первую жизнь, а я постараюсь не испортить свою последнюю.

-Зачем тебе я? - взмолился Васьвася.

- Мне нужен очень чистый лист твоей души, чтоб на ней написать исповедь всех накопившихся за тридцать девять реинкарнаций грехов и положить ее к ногам Вершителя Судеб.

- Не ошибись, Аменхотеп, на чистом листе грязь грехов будет виднее.

- К истинно чистому никакая грязь не липнет.

- Поверь, я не такой чистый. На мне есть грехи. В школе я не очень хорошо учился, рисовал карикатуры на учителей, огорчал маму...

- Можешь не вспоминать. Прежде чем влезть в тебя, я обшарил каждую клеточку твоего тела и знаю даже те мелкие грешки, о которых ты давно забыл.

- Зачем тебе такой?!

- То были естественные заложенные природой грешки молодости, они не прилипают к душе. Поверь, Василий, пока мы вместе, с

тобой, не случится ничего плохого, ты будешь жить, как жил, только гораздо лучше, ради этого тебе не придется совершать подлостей, - голосом доброго проповедника шептал в ухо Аменхотеп. - Хочу исполнить желание твоей мамы и сделать тебя очень уважаемым человеком.

От этих слов и от того, как они были сказаны, у Василия защемило сердце. Он вспомнил маму, ее грустные глаза и тихий голос, каким она выговаривала ему за мелкие шалости: - Когда же ты, Васенька, станешь человеком.

Поймав настроение Васьвасы, фараон стал убеждать, что энергетика жреца поможет ему стать не просто человеком, а человеком, которым будет гордиться его матушка, - в нынешней реинкарнации она ласточка, и частенько сидит на проводах прямо напротив его окна.

- Как чудно устроен мир, - сразу поверив Аменхотепу, улыбнулся Васьвась. Мама-ласточка не забыла его, прилетает проведать, заглядывает в окно и, наверно, огорчается, не видя внуков, о которых так мечтала.

Василий слушал Аменхотепа, и ему казалось, что все это происходит не с ним и не в реальной жизни, а в каком-то странном сне, в котором и предметы, и голоса, и события осязаемы. Он посмотрел на часы, - секундные стрелки исправно бежали по кругу; провел рукой по стенке саркофага, нащупал пальцами, как это делают слепые, выбитые в граните иероглифы, и что самое поразительное, пальцы прочли надпись: - «Сделай мне подношение, и я открою тебе тайну загробного мира». Узнавать тайну у Васьвасы не было никакого желания, но он почему-то нашарил в кармане монетку и кинул ее внутрь саркофага. До дна она не долетела. Повиснув в воздухе, монета перевернулась несколько раз с «орла» на «решку» и исчезла.

- Все в порядке, - сказал Аменхотеп. - Подношение принято! Лезь в саркофаг.

- Эх, была, не была, - махнул рукой Васьвась и послушно лег на дно саркофага.

Каменное ложе оказалось точно впору. Лежать в саркофаге было удобней, чем в собственной постели, словно древние рабы-каменотесы вырубили его специально для него.

Аменхотеп приказал закрыть глаза и трижды повторить: «Амон впереди богов»

- Амон впереди богов..., - трижды повторил Васьвась и сразу почувствовал, что с огромной скоростью летит куда-то вниз. Он попытался открыть глаз, заглянуть в бездну, куда его тянула неведомая сила, - не вышло. Стало страшно. Васьвась, как в детстве во сне, стал кричать, чтоб пробудиться от кошмарных видений, и

услышал голос:

- Перестань орать!

Голос Васьвасю показался знакомым, и он как-то сразу успокоился.

- Ты кто? - спросил он. - Что со мной происходит?

- Ничего особенного, ты умер, - ответил голос.

- Как умер, - невольно вскричал Василий. - Мы так не договаривались!

- Смерть никогда, ни с кем не договаривается. Она приходит и забирает.

- Ты... смерть?

- Нет, я служу при ней чистильщиком, подбираю до срока погибших под колесами автомобилей, в авиакатастрофах, от случайно упавшего на голову кирпича или метеорита. Ты в списках смерти еще не значишься, но оставлять тебя неприбранным тоже нельзя.

- Почему? Я не попал в аварию, все мои органы целы, и голова в порядке.

- Не смейся. Как раз с головой у тебя совсем плохо. Кто в здравом уме по своей воле полезет в чужой саркофаг?

- Не по своей. Аменхотеп заставил. Вселился в меня и командует.

- С Аменхотепом будет особый разговор. Он нарушил порядок реинкарнации и будет за это наказан.

Между тем скорость падения «в никуда» нарастала. Васьвась мысленно стал обращаться к Аменхотепу, надеясь втянуть его в разговор и потребовать объяснений, но фараон молчал, наверно, в последний момент понял, - дело плохо, и выскочил из него. Предатель!

То, что происходило с Васьвасем, не очень походило на смерть, по крайней мере, как он ее представлял. Ему не раз приходилось слышать и читать рассказы людей, вернувшихся «оттуда». Все в один голос говорили о каком-то «свете в конце тоннеля», приветливо встречающих близких, но с ним ничего похожего не происходило, а раз так, может, это не совсем смерть, и есть какой-то выход.

- Не надейся. Свет в конце тоннеля и близких ты обязательно увидишь.

Чистильщик сказал это так обыденно, словно речь шла не о смерти, а о заранее назначенной вечеринке с родственниками, которых давно не видел. Неужели, и в правду все так просто и совсем не страшно? Хорошо, что люди, пока живы, этого не знают, а то бы извели себя суицидами по пустякам.

- А что будет с Аменхотепом? Умрет вместе со мной?

- Это решит Высший Суд. Дело, конечно, уникальное, совершить самореинкарнацию

ради того, чтобы обманным путем получить право перехода в другой мир, могла только совершенно обезумевшая душа. Кстати, в его безумии большая доля твоей вины.

С этим Васьвась никак не мог согласиться. Он стал объяснять, что к самореинкарнации фараона Аменхотепа четвертого он не имеет никакого отношения. Все случилось помимо его, Васьвася, воли. Встреча на бульваре с хозяйкой кокер-спаниеля, в котором жила душа фараона, была совершенно случайной.

- В чем моя вина?

- Ты что, не заглядывал в себя?

- Заглядывал, ну и что?

- Ты преступно красивый первочеловек. Аменхотеп в тебя влюбился.

- С каких пор красота стала преступлением? Говорят, она спасает мир!

- Ага, спасает, но сначала красота затевает войны, губит миллионы жизней. Троя от чего погибла? Ее сгубила красота прекрасной Елены.

- Но я не женщина!

- Не будь твоя душа такой непорочной, несчастный Аменхотеп не посмел бы самореинкарнироваться. Несчастный думал, что его грехи, записанные на чистом листе твоей души, станут его индульгенцией и откроют дорогу в следующий мир.

- Его будут строго судить? - спросил Васьвась.

- Закон предусматривает два варианта наказания: душу могут превратить в космическую пыль или реинкарнируют в Агасфера.

- В Агасфера?

- На земле его иногда называю Вечным Жидом. С ним он будет обречен на вечное скитание, вплоть до Второго пришествия.

- Бедняга, - искренне пожалел Васьвась Аменхотепа.

- Лучше о себе подумай.

Смешно, подумал Васьвась, предлагать покойнику думать о себе. Единственное, чего он желал в эту минуту, остановить падение, вырваться из проклятого саркофага...

- Это невозможно, - скучным голосом перебил его мысли чистильщик.

- Тогда скажи, о чем мне, мертвому, позволено думать, - обозлился Васьвась.

- О последнем желании. Таков порядок. Пока тебя, случайного покойника, не вписали в «Книгу смерти», ты имеешь право на последнее желание.

- И оно исполнится?

- Да. Выкурить сигару, например, или выпить рюмку водки.

- Сигара и водка не сочетаются, - только чтоб

потянуть время, придрался Васьвась.

- Согласен. Пусть будет сигара и виски.

- А женщину можно?

- Любую, какую пожелаешь.

- Ее доставят прямо в саркофаг?

- Да. Виртуально.

- В последний раз хотелось бы иметь дело с реальной женщиной.

- Поверь мне, разницы никакой. Все ощущения совершенно натуральны. Я бы даже сказал - натуральнее натуральных. Виртуальные женщины идеальны. Они принадлежат только тебе, желают только тебя. В момент виртуальной любви не думают ни о тряпках, ни о деньгах и не стараются опутать тебя сетью супружества, как это часто бывает во время соития с живой женщиной. Все случится, как случилось с прекрасными женщинами из твоих юношеских снов, только потом ты не проснешься. Что молчишь?

- На свете столько прекрасных женщин, думаю, кого выбрать.

- Может, царицу Савскую? Царь Соломон называл ее райской гурией.

- Нет. Говорят, она была кривоногая, и на груди у нее росли волосы.

- Ты слишком привередлив. Поспеши, если тебя внесут в «Книгу смерти», право на последнее желание будет аннулировано.

- Хорошо... душа фараона еще во мне?

- Куда она денется.

- Тогда пришли нам на двоих царицу Нефертити. Думаю, Аменхотеп не будет ревновать. Смешно ревновать, если тебя собираются превратить в космическую пыль.

- Не советую. Групповуха может сильно испачкать твой чистый лист и повлиять на следующую реинкарнацию.

- Тогда открой мне тайну жрецов, которую они тысячелетия скрывали от людей.

- Зачем она тебе?

- Так, любопытство, хоть перед смертью хочется стать обладателем тайны тысячелетий.

- Пожалуйста, но я бы, на твоём месте, предпочел молоденькую девушку из соседнего подъезда. Ты на нее посматривал. Очаровательное и совершенно невинное существо.

- Предлагаешь лишить ее невинности?

- Виртуально.

- Это бесчестно по отношению к девушке.

- В реальной жизни ее невинность не пострадает, а ты перед смертью получишь массу приятных эмоций.

- Понятно. Тайну жрецов ты не знаешь, а вместо этого хочешь мне подsunуть суррогатный секс.

- Жрецы были пришельцами и скрывали от

людей собственную глупость. Доказывая друг другу, кто умнее, они уничтожили жизнь на своей планете. Нескольким из них удалось добраться до Земли, и они стали жрецами.

- А что стало с их планетой? Превратилась в космическую пыль?

- Ее поглотило Вселенское Время.

На этих словах глаза Василия открылись, полет прекратился, и он увидел в прозрачной черноте космоса Вселенское Время. Оно двигалось из Ниоткуда в Никуда. То, что это Вселенское Время, Васьяс понял сразу, потому что увидел его еще в лоне матери, в момент, когда завязался его эмбрион. Тогда в один миг он понял, как устроена Вселенная, ее начало и конец, увидел мириады звезд и планет, узнал их число и историю. Он разом увидел лица всех людей, когда-либо живших на Земле, и тех, кому еще предстояло родиться, включая печальное лицо человека, последнего свидетеля превращения Земли в холодную стаю обломков - космических бродяг.

Вселенское Время было кривым и формой напоминало рыбацкую сеть, заброшенную на песчаные барханы пустынь. Время шевелилось. Оно сжималось и растягивалось, образуя волны, на гребне которых болталась маленькая черная точка, в которой Василий узнал себя и почувствовал, что сеть Вселенского Времени закручивается воронкой и втягивает черную точку в себя. Голова закружилась, и он вспомнил приступ морской болезни, случившийся с ним в детстве во время прогулки по Неве, - с залива налетел ветер, погнал волну, и маленького Васю укачало.

Все, конец, подумал Васьяс и попытался кричать, но вместо своего голоса услышал голос музейной смотрительницы и страшно обрадовался. Это был голос извне, и если он его слышит, значит еще жив.

Обращаясь к кому-то, смотрительница называла его хулиганом и требовала немедленно вылезти из саркофага. От ее криков сеть Вселенского Времени стала рваться, поползла дырами, в могильный мрак саркофага проник свет, глаза Васьяса открылись, и он увидел рядом с возмущенной смотрительницей лицо полицейского, смотревшего на него без всякой злобы.

- Допился, бомжик, - сочувственно сказал он.

- В парке столько скамеек, белая ночь, воздух чистый, а ты в каменный гроб спать залез. Как звать тебя?

- Аменхотеп, - глядя в глаза полицейского, ответил за Васьяса Аменхотеп.

- Красивое имя. Ты кто?

- Я фараон!

- Понятно. А фамилия твоя, фараон?

- Аменхотеп Четвертый. А статуя - мой отец, Аменхотеп Третий.

- Ладно, так и запишем: фараон Аменхотеп Аменхотепович, - полицейский достал небольшой планшет и стал тыкать пальцем в невидимые клавиши дисплея.

Голос Аменхотепа страшно обрадовал Васьяса, он хотел рассказать ему все, что с ним случилось, но фараон сказал, что ни на минуту не покидал его, все слышал, все видел и жалел, что не случилось виртуального свидания с Нефертити. Он похвалил Васьяса, сумевшего не только впитать в себя энергию жреца, но и узнал их тайну. Теперь мы с тобой можем достичь многого.

Между тем смотрительница не унималась:

- Да что вы с ним нежничаете! - уговаривала она полицейского. - За шиворот и в обезьянник. А лучше сразу в психушку, там разберутся, какой он фараон.

- Где проживаете, Аменхотеп Аменхотепович!

- Первая линия Васильевского острова, дом 7, квартира 12.

Полицейский поводил пальцем по дисплею и рассмеялся:

- Врать изволите. По указанному адресу Аменхотеп Аменхотепович не значится. Там проживает Василий Васильевич Петров...

- Это одно лицо, - перебил полицейского Василий.

- Двойная фамилия?

- Аменхотеп четвертый и Василий Васильевич Петров - одно лицо.

- Понимаю, «един в двух лицах», - улыбнулся полицейский. - В белые ночи и не такое случается.

Полицейский смотрел на лежащего в саркофаге Василия с грустной улыбкой и даже немного жалел его, зная ожидавшие его неприятности.

Сам вылезешь или помочь? - спросил полицейский, позвякивая наручниками.

Не отрывая взгляда от полицейского, Васьяс вылез из саркофага, протянул ему руки, но вместо того, чтобы защелкнуть браслеты, полицейский осторожно повесил их на запястьях Васьяса, но что самое поразительное, достав из кобуры пистолет, затолкал его Васьясу за пояс.

В ужасе обхватив лицо руками, смотрительница бросилась в глубину пустынных музейных анфилад с криком: - Помогите... Полицейский впал в ступор. Улыбка на его лице застыла гримасой, измученной театральным лицедейством маской комедии.

(Продолжение следует)

Алексей Агалаков

Родился в старинном городе Вятка (Киров) в 1966 году. Учился в школе, где было очень сильное преподавание русского языка и литературы, и учителя заложили глубокое понимание произведений и уважение к русским писателям и поэтам. После окончания Пермского медицинского института работал хирургом в областной больнице.

Стихи начал писать с 2010 года, проводил на Вятке творческие вечера. После переезда в Геленджик вступил в литературно-поэтическое объединение «Слово», где организовывал вечера поэзии. Печатался в альманахах Москвы и Геленджика.

В настоящее время проживает в Грузии.

РАДИ ЛЮБВИ

Мы ссоримся в быту по мелочам,
Глубоких чувств не трогая, разборки
Всё ж солнце жизни закрывают нам,
Как в лайнере круизном окна – шторы.

Какая это глупая игра...
Два «эго» сходятся на кухне, как на сцене!
И забываем, кто мы и куда
Должны вести корабль без потрясений!

Своё пространство мы стремимся отстоять,
Пуская в ход кастрюли и тарелки.
Потом, порой, приходится всем ждать,
Когда же лёд для синяка застынет в грелке.

Давайте уступать по мелочам!
И не нужны тогда нам будут ссоры.
Лишь для любви взаимной по ночам
Мы будем закрывать на окнах шторы!!!

МАТЬ-ГРУЗИЯ

Есть в Грузии места, покрыты снегом,
Они берут начало в сердце гор.
Где под присмотром гордого Казбека
Хранятся в людях тайны до сих пор.

Обряды древние, обычаи и нравы
Мне по душе пришились!
И, в свой черёд,
Как знахарь изучает травы,
Я сердцем постигаю твой народ.

Его открытость - притча во языцех,
Его радушие - и в песнях, и в делах.
Из горных рек - сюда, воды напиться,
Приходят и отшельник, и монах.

И всем здесь уготовано убранство,
Оно, как на земле - земная ось.
Мать-Грузия откроет своё царство:
«Посланник бога - на Кавказе гость»!

НЕИСЧЕРПАЕМЫЙ ИСТОЧНИК

Я люблю готовить для тебя.
Что-то взять и превратить в искусство.
В очаге, над пламенем огня,
Возвышая для тебя свои же чувства.

Ты придёшь, и ждут: тепло, уют.
Запахи, убранство, настроение...
Я себя открыла дома. Тут
Мой теперь источник вдохновения.

Возвышаю, возвращая нас.
Через пищу, воду, элегантность.
И поверьте, мой счастливый час -
Избежать иль отодвинуть старость.

Эта дама не коснётся тех,
Понял кто, в чём радости объятья!
Женщины, я приглашаю всех
По весне надеть с цветами платья.

Этим мы Природу ободрим,
Свежим ветром вытесним сомнения.
Пусть поймёт ваш муж, что он любим!
В вас - его источник вдохновения.

РЯБИНОВЫЕ БУСЫ

Невысказанной нежностью к тебе
Храню на сердце тайну - ожерелье.
По бусинке снимаю по весне,
Как наслаждаемся мы раз в году апрелем.
По каплям собирал я эту нить,
По осени искал в лесах рябины.
Мне до весны хотелось так дожить,
Чтоб увидеть, как все вокруг любимы!
Ты расцветаешь снова по весне.
Мои слова тому лишь дополнение.
И чувства, незнакомые тебе,
Весенним проявляются цветением.
Бери восторга нежный изумруд!
Пей телом теплоту апреля.
Пусть, радость излучая, солнце льют
Рябиновые бусы ожерелья.

А в вашей жизни были чудеса?
Чтоб таял снег под вашими ногами,
И широко раскрытыми глазами
На вас смотрели сверху небеса?

К вам лился дождь в открытое окно,
Сменяя жар дневной прохладой?
И песня, позабытая давно,
Всегда мотивом с вами рядом?

Стучался ль свет из тысячи свечей,
Сквозь непогоду туч и хмарей,
Лучом зари, когда ещё все спали,
До ваших негой сомкнутых очей?

Любили ль вы? Любовь свою даря
Холодным утренним туманом,
Кто в этот день проснулся с вами рано,
Тепло души лелея и храня?

Любили ль вы? Горя в любви своей,
Сгорая для кого-то без остатка.
Для вас двоих проникновенно, сладко,
Пел под сосной серебряный ручей?

И до звезды хотелось вам
Рукой свободной дотянуться?
Вы жили, не теряя свои чувства,
И побеждали боль душевных ран?

То в вашей жизни... были чудеса.
И таял снег под вашими ногами.
И широко раскрытыми глазами
На вас с любовью смотрят небеса.

ПОДРУГА ПОЭТЕССЫ

Весна! Ну, что же ты грустишь?
Дай обниму тебя, подруга.
Зима ушла. И даже ветром с крыш
Не налетает на прохожих снегом вьюга.
Я не могу опять понять тебя:
Ведь очевидна радость эта!
Когда за крайней кромкой февраля
Через весну наступит лето!
И мы с тобою снова оживём,
И, как и все, наденем платья.
Как и всегда, спасают нас вдвоём
Поддержки женской тёплые объятья!

ТАНЕЦ

ВАНИНА ЛЮБОВЬ

Посвящается Женщине...

Я напьюсь до одури весною,
Запахами трав пойду снимать похмелье.
Очарован снова был тобою
В хороводе деревенского веселья.

А когда на крышу я залезу,
От неё рукой подать до неба;
Этой ночью, будучи уж трезвым,
Буду слушать шёпот медленного ветра.

Поплывут былины и предания...
Буду вслушиваться. Как ценны мгновения!
И не значимы часы и расстояния
Перед мудростью ночного откровения.

И наслушаюсь. И снова умудрённый,
Перед тем, как соскочить на землю,
Для тебя звезду одну достану
Длинной хворостиной из плетня.

Захвачу с собой. На всякий случай.
Вдруг тебя порадует подарок?
Ты поверь в меня, я всё-таки везучий.
Свет серебряный звезды уж больно ярко.

Вижу в нём я радуги цветение!
Переливы звёзд и океаны счастья.
Так обычное становится творением,
Коли радость наполняет зрящих.

Только утром розовою дымкой
Улетит моя ночная фея,
И звезду, накрытую корзинкой,
Увидать я снова не сумею.

Вместо этого на луговой поляне,
Где меня звезда ждала-лежала,
Запоёт земля весенними цветами,
Чтоб о чувствах ты моих узнала.

Я о них сказать тебе не смею,
Нет во мне изящности словесной.
Но напьюсь. И снова одолею
Новый день из деревенской песни.

У танца лишние слова.
Здесь руки, взгляд, движения, жесты...
О! Как кружится голова
Под вальс вечернего оркестра.

Здесь чувства обрамляют тон и такт.
Эмоции, которые глубинны,
Изящный выражает шаг,
В центр выходя из паузы недлинной.

Касанье рук, ладонь... и поворот.
Взгляд хочет передать души порывы.
Переплетение касающихся ног,
Флюиды, что почти неуловимы.

Вечерние объятия легки,
Они - как музыка далёкого оркестра.
Но в сердце - уголке своей души
Я для тебя уже готовлю место.

СИАМОВНЕБА

(Наслаждение, по-грузински)

Я в песнях Грузии нашёл себе приют
И в здешней музыке - источник наслаждения.
Так странно... Раньше не искал я тут
Ни образов, ни чувств, ни вдохновения.

Мне тонкие мотивы так нужны!
Как вазе - роспись, кубку - обрамление.
И лучше гор изгиб, чем жизни виражи.
Я принят в чашу дней на поселение.

Мне кажется, что прежняя хандра
Меня не сыщет на просторах горных.
И пусть по-новому метёт метла
В хоромах уготовленных и новых.

Я местные порядки полюбил.
Не может путник не любить дорогу!
От песен ожил я. Ужель зачатки крыл
Мои лопатки раздвигают понемногу?!

МИГ НЕПОВТОРИМЫЙ

С поцелуем ты повremени,
Дай ещё словами насладиться.
Я и так уже - твоя. Все наши дни
Мне как сказка начинают сниться.

Я ищу в твоих глазах тепло,
Вижу, как сама в них отражаюсь.
И шепчу себе: «Мне повезло!»,
К чуду наяву я прикасаюсь.

Говорю без слов тебе: «Смотри»,
Передать хочу тебе глазами:
«С поцелуем ты повremени,
Миг неповторимый между нами!».

ТЫ

Просыпаться от тихого шороха,
От касания близкого тела.
Укрываться волос твоих ворохом,
Забываться от губ твоих спелых.

Будто не было столь мучительным
Ожидание рук твоих нежности.
Будут звёзды сиять изумительно
В океанах небесной безбрежности.

Будет море штормить и укачивать,
И волна о скалу - разбиваема.
Я не буду лицо отворачивать,
Будет ветром оно овеваемо.

Даже соль на губах вместо сладости
Или хмеля глоток непьянящий -
Не лишат меня тихой радости:
Ты не в прошлом моём,
В настоящем!

ЛЮБИ МЕНЯ

Я жду: ты улыбнёшься на прощание,
Твои глаза наполнены тоскою.
Хочу я дать такое обещание:
Что каждый день я буду жить тобою.

Пойдёт ли дождь, нагрянут грозы,
Я не замёрзну под январском снегом.
Меня твои всегда согреют слёзы,
И руки твои станут тёплым пледом.

И, если бездна много душ поглотит,
Одна всегда в ней будет под защитой.
И выживут, кто крепко связан плотью,
В которую любовь спасеньем вшита.

ТОЛЬКО РАДОСТЬ!

Только радость, только песня,
На губах солёный ветер;
В море мое сердце влейся
И в любви вернись на берег.

И в полях, впитав раздолье
От лугов и длинных пашен,
Защемись ты сладкой болью:
Мир любовью разукрашен.

Все в гармонии чудесной,
Благодать над землей творится;
И небесные оркестры
Слушать нам и веселиться.

И работать ранним утром,
И устать под тёплый вечер.
В откровенные минуты
Пусть звучат простые речи.

И созреет хлеб в колосьях,
И нальются влагой травы.
А когда тебя вдруг спросят –
Отвечай: мне все по нраву.

Только радость – моя песня!
Только Солнце – мне удача.
В мое сердце море влейся
И ударь волною счастья!

Елена Всесветлая

Елена Михайличенко (псевдоним Всесветлая). Родилась в Москве.

Окончила факультет экономики промышленности Плехановского института. Трудовую жизнь прожила бурно и интересно.

К поэзии влекло с юности. Сочинительство раскрылось в зрелом возрасте- в 2018 году. Принимала участие в художественно-поэтическом альманахе Питера в качестве поэта и художника.

Ранние стихи публиковались в авторском сборнике издательства «КУБиК», принимала участие в художественном оформлении сборника стихов «Татьяна пишет о любви».

Чувственная натура, дружащая с Музой и пишущая картины гуашью, акварелью, маслом. Девиз жизни: «Нет предела совершенству: Живи секундой!»

О ЖЕНЩИНЕ

Женщина тайна,
Женщина свет.
Женщина чудо,
Яркий букет:
Цветов полевых,
Манящих роз,
Ласковым ветром,
Планетой грёз...
Женщина мудрость,
Женщина мать.
Женщина слово
Может сдержать.
Взглядом проводит
С молитвой вслед.
Женщина- счастье,
Любви завет...

БУЙСТВО ЛИЛОВОЙ СИРЕНИ

Буйства лиловой сирени
Пытаюсь испить аромат,
Укрыться в прохладной тени,
Под гроздьями, что так манят...

Тёплое солнце сквозь ветки
Лучами ласкает меня,
И наслаждаюсь в блаженстве
Радугой светлого дня..

Мысли оставили тело
И устремились в астрал.
Лишь бы душа захотела
Выйти на новый портал...

Сквозь бархатистые кроны
Солнечный льётся поток,
Мир наслаждений и грёзы,
Иллюзий и ветра глоток.

Я родилась в заснеженной Москве
И крепла вместе с нею кругозорно.

Училась увлечённо, каждый день
И верила в поэзию влюблённо...

Здесь и сейчас я страстно ей живу.
Дышу гармонией добра и света.

С годами научилась быть в миру
Сама с собой, и мудрость мной воспета...

С подругой Музой время провожу,
И дни бегут, ярко сменяя лета...

Во мне струится русская душа!
Она теплом Божественным согрета...

СКАЗКА НОЧИ

Зимняя ночь бархатисто- мила.
«Танец снежинок», как сон волшебства.
Ватные россыпи снежных куртин
Искрятся на ветках алых рябин.

Серебряным светом от фонаря
Блещет укрытая снегом земля.
В полном безмолвии «сказка ночи».
Нежный ноктюрн в тишине - зазвучи:

В мерцании звёзд и тайн бытия...
Манящей мечты и грёз торжества...

РАСПЛЕСКАВШИ РУМЯНЕЦ, ЛЕГ ЗАКАТ ВДАЛЕКЕ...

Расплескавши румянец,
Лёг закат вдалеке.
Словно тень- самозванец
На пурпурном коне.

В вихре яркости цвета
Разгорелись стога.
Как мгновение это
Растянуть на века...

Золотятся багрянцем
Камыши за рекой,
Отражаются в танце
Облака над водой.

Многолика палитра
Небосвода в огне,
Скоро тьма из сапфира
Поплывёт по земле...

СВЯТАЯ РУСЬ

О, Русь моя! Великая, родная.
Жива в тебе безгрешная душа.
Ты стелешься от края и до края.
Дарящая по вере чудеса...

Твои поля пшенично- золотые,
Широкие просторы и луга,
Небес оттенки серо-голубые,
Озёр бездонных яркие глаза...

Где купола церквей с её святыми,
Уводят вглубь, на долгие века.
В них раскрывается судьба России –
Счастливая, заветная судьба.

И вольная ты, Русь моя, поныне,
Сломить тебя хотят, но ты жива!
Песнь православная звучит отныне-
И вторят ей церквей колокола.

МОЯ МОСКВА

Моя страна- история и слава.
Моя страна - Отчизна и завет.
Моя Москва так много повидала...
В стихах и песнях облик твой воспет.
И я горжусь тобой, моя столица.
Под синью неба золотом берёз
И в дождь, и в стужу сердце будет биться
Под колокольный звон церквей- до слёз...

ВО СВЕТЛЫЙ ПРАЗДНИК РОЖДЕСТВА

В канун святого Рождества
Мы ждём с небес чудес.
Чтоб вновь сияла та звезда,
Спасая ритм сердец.

Во светлый праздник Рождества-
Под звон колоколов
Блаженна радостью душа,
И лик поёт без слов.

Во славу нашего Христа
И почести молитв,
Мирская паства при свечах
Его благодарит.

И благодатный свет огня
Струится до небес,
И Божья милость- благодать
Спускается, как взвесь.

Смирненным чадам мир несёт.
И дух вселяет в них.
И да придёт на земле
Смирение слепых.

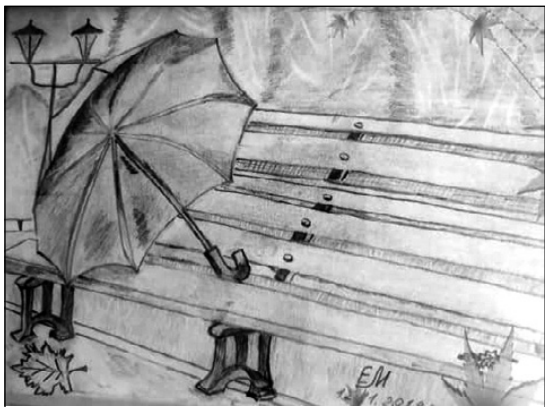
ВЕТКА ЧЕРЁМУХИ

Белое облако сладкой черёмухи
Веточку нежно сорву...
С бережным трепетом и восхищённостью
В дом свой её принесу...

Пусть меня радует светом лучистости
И непорочной красотой.
Пусть вдохновляет и томной душистостью,
Где ты, душевный покой...

Ветка черёмухи - дева невинности,
Тонок кружевный наряд.
Словно невестушка в сиянии искреннем
Дарит любовный заряд...

Райское чудо- ветка черёмухи,
Свежесть кипучей листвы.
Облако томное, время безмерное,
Радуйся жизни- цветы...

ОСЕНИ СЛАДКИЙ ТАНДЕМ...

Свежее, пряное утро.
Яркие кисти рябин,
Сочной травы перламутра,
Шапок гортензий рубин...

Нежное солнце лучами
Греет застуженный мир.
Душа говорит стихами,
Осень, ты мой эликсир...

В саду полыхают розы,
Пью аромат хризантем.
Им не страшны морозы.
Осени сладкий тандем...

Так начинается утро
И продолжается день.
Жизнь хороша и премудра.
День наступивший- ступень...

ПОРХАЮТ СТРОКИ НЕ СПЕША...

Сиянье родственной души
Пытаюсь разглядеть в холодном мире.
Средь «белых мух» ночной тиши
Витают строки в призрачном эфире.

Слова глубокие, как снег,
Слагаются в причудливые строки.
Дыханье ветра, как разбег.
Они от равнодушия одиноки...

Ложатся в кружевной узор,
Стремятся в танце прикоснуться к лире...
Смурной ночи наперекор,
Мечтая о любви и ярком мире.

Душа поэзии земна,
В ней рифмы суть и жизни пробужденье.
Порхают строки не спеша,
Родным сердцам вселяя вдохновенье...

ХРУСТАЛЬНОЙ СЛЕЗОЮ ПЛАЧЕТ ДУША...

Дымка забвенья- осенний туман
Расплылся над городом, как океан.
С застывшим дыханьем природа во сне
Ждёт созерцания в солнечном дне...

Серая мгла поглотила меня.
Унынием хищным, безликостью дня...
Мелодия грусти вселилась в мой дом.
Лишь одиночество празднует в нём...

Хрустальной слезою плачет душа,
Желает любовью пролить небеса.
Радугой света, дыханием звёзд,
Симфонией звуков, что ветер принёс...

НЕБЕСНЫЕ БАРАШКИ

Облачка- небесные барашки
Мяжки, пушисты, словно вата.
И друг за другом в догоняшки
С утра резвитесь до заката...

Влекут вас дали золотые,
Вершины гор, что летом снежны.
И ветер юный, безмятежный,
Колышет формы завитые...

Свежи вы, пышете прохладой,
Дождем шалите оголтело.
Огонь - закат, словно помадой,
Малюет вас довольно смело.

Привольны вы в своем скитаньи
И мечетесь по небосводу.
Поэты на одном дыханьи
Рифмуют строки про свободу...

Елена Коник

В 1983 году окончила факультет прикладной математики Ростовского-на-Дону государственного университета и вышла замуж за офицера военно-космических сил СССР. Молодая семья начала службу в Тбилиси и, пережив более тридцати переездов, завершила её в Ленинграде. В Тбилиси появился на свет их первенец Алёша – поэт, художник и музыкант. В 24 года нелепая случайность оборвала его жизнь. Потрясение было настолько велико, что жизнь Елены будто остановилась. Произошедшее с новой силой заставило исследовать тему случайности и закономерности, которая интересовала её с раннего детства, размышлять о цели и смысле человеческой жизни, о направлении дальнейшего развития цивилизации, об инструментах реализации Божественного замысла на Земле. Восемнадцать лет почти полной аскезы позволили погрузиться в информационные глубины космоса и переосмыслить имеющееся знание. Прикладная математика и философия соединились воедино и стали основной темой творчества.

Профессия математика-программиста заставляла постоянно учиться и повышать квалификацию, чтобы успевать за темпом развития компьютерных технологий.

В 2022-м Елена окончила РАНХ и ГС по специальности цифровые технологии в государственном и муниципальном управлении, является постоянным участником образовательных и научных конференций, семинара по Искусственному Интеллекту, автор двух книг. IT-советник ФПНО (фонда поддержки непрерывного образования) Университета развития.

ИСТИНА

Вчера
Я истину нашёл.
Она лежала на диване.

Усы и шерстка словно шёлк...
Покорность...
И... любовь...
К сметане!

КОШКА

Лежала кошка на диване
Кверху брюшком...
И лапки вытянула все,
И так спала...
А я тихонько почесал её за ушком...
Она зевнула.
Потянулась.
И ушла...

МИР

Какое простое слово!
Где есть мир, там ведь нет войны!?
Как сдержать нам плохого, злого,
Погрузив в поток тишины...

Как с природою быть в согласьи,
Соблюдая исконный ритм.
И в руках держать своё счастье,
Не растаяло чтоб как дым...

Как трудно донести простую мысль!
Чем проще мысль, тем донести труднее!
Найти слова, что в сердце родились...
И...

Промолчать...

Быть может, так вернее?

ДОМОЙ

Хочу я написать стихи...
Чтоб сердце всё смогло понять!
Хочу я написать роман...
О том, что смерть всего обман!

Листаю мысли в голове...
Листаю память прошлых дней...
Жизнь так прекрасна на Земле!
И все, что происходит в ней...

Никто не хочет умирать!
Но всё же к смерти все стремятся...
Как трудно душу нам понять...
И то, что нечего бояться!

Душа свободна словно Солнце!
Душа божественно вольна!
Когда откроешь ты оконце,
Придёт на сердце тишина...

И в тишине такой услышишь
Волшебной песни позывной...
Как хорошо любить! Ты слышишь?
Как хорошо прийти домой...

* * *

Однако слово!!!
Очень РАЗНО...
Бывает иногда и
П-РАЗ-ДНО...
Бывает просто,
Как в кино.
И болтовни
Полным полно...

Но есть в словах
Такая сила,
Что в кулаки
Никак не сгрести...
Не позабыть
Того, что было...
Насильно
Никуда не свести...

Когда один,
Уж не с кем спорить,
И кулаки не применить.
И не поможешь
Силой горю,
И не заставишь
Поллюбить...

УПАЛА ЧАШКА СО СТОЛА

Упала чашка со стола -
Увы, разбилась...
Да и вчерашняя игра
Давно забылась...

Но не случайно со стола
Летит посуда.
Весь мир летит в тар-тара-ры.
Спроси: откуда?

Откуда может всё лететь,
Кружась и плача?
Скажи, чего ещё хотеть,
Раз есть удача?

Ведь в мире всё предрешиено,
Всё есть однажды...
И никогда и ничего
Не будет дважды...

И потому в нём каждый миг
По сути вечен!
И потому в нём каждый крик
Очеловечен...

Иди!
Ступая по траве
Ногами босыми...
Пусть радуга наполнит след...
Дождями...
Росами...

РАСЕЯ

Всё было не напрасно в мире.
Не зря народ мой воевал.
Не зря, пройдя все круги ада,
Он вкус победы узнавал.

Пусть горечь на губах и раны.
И кровь,
Солёная на вкус.
И пот, пролитый на бурьяны,
РАСЕЯ...
Нет прочнее уз!

МЕЖДУ ЧЁРНЫМ И БЕЛЫМ

Между чёрным и белым
Много разных цветов.
Между чёрным и белым
Жизнь и смерть, и... любовь!

Много серых оттенков
Под покровом ночи
Силуэтами станут:
И кричи, не кричи!

В кошки-мышки играем
Среди звёзд в тишине
И лета не считаем
По Луне и воде...

Угасают зарницы,
Растворяются дни,
Кто-то ловит синицу,
Но летят журавли...

Заунывно скликая
В стаи наши сердца
Из родимого края
В вечный мир без конца...

ЖИЗНЬ!

Как жизнь прекрасна!
Жаль, что коротка...
Как много глупостей
По жизни совершаем...
И на закате вдруг
Болит душа
О МИРЕ...
Что мы детям оставляем?

С ДОБРЫМ УТРОМ!

Все поём мы об одном!
Что для счастья надо?
Солнце чтоб светило в дом!
Чтобы милый рядом!

Чтобы мир на всей Земле!
Чтобы пели птицы!
Чтоб хотелось мне и вам
Здесь опять родиться!

ЖУЧОК

Жужжал Жучок,
На букву Ж похожий...
Жужжал, жужжал,
И вдруг он полетел!!!
А ты?
Такой большой!
На Божество похожий!?
Ты не летал.
Ты и жужжать не смел...

ДОЖДЬ

Просто дождь...
Просто пели птицы...
Просто рядом была весна...

Невозможно
В жизнь не влюбиться!
Потому она без конца...

НА ПРОДАЖУ ВЫСТАВЛЕННЫЙ СТЯГ...

На продажу выставленный стяг...
Умер дед, а внучек не богат.
На полу как тряпку расстелил:
«Почему же дед им дорожил?»

Не понятно внуку - вот беда -
Серп и молот, красная звезда...
«Может, этим ноги вытирать?»
Что-то говорила вроде мать?»

Нету уже матери давно...
Вдруг он вспомнил детское кино!
Конница под знаменем летит!
Вьётся только пыль из-под копыт!
Шашек звон! И сабли наголо!
Пот прошиб усталое чело...

Вдруг в квартире выключился свет...
«Надо экономить, денег нет!»-
То жена ступила на порог,
Пилит: «Заработать ты не смог!
У подружки новые духи!
Распродажи скоро! ...Поспеш!»

Вышел внучек молча в интернет,
Оценил «за что боролся дед»...
Хватит раза три сходить в кино:
«Звёздных войн» не видели давно...

НЕ ГРУСТИ, НЕ РВИСЬ НА ЧАСТИ

Не грусти,
Не рвись на части
И о тайной встрече
Не мечтай.

Осень...
Это участь.
Это счастье.
Просто созревает урожай.

Пожинаешь то,
Что ты посеял...
В юности,
Когда свой путь искал.

Что всю жизнь
Ты холил и лелеял.
И что сам собою создавал...

Вот он, мир!
В одежке золотистой!
Красотой своей
Опять манит тебя...

Только что?
Накроет снегом чистым?
Что такое
Там,
У Мира,
Я...

ПЁРЫШКИ НА НЕБЕ

Пёрышки на небе
Белых облаков.
Как мы много знаем
Самых разных слов.

В строчки их слагаем,
В песенки кладём,
Мы в слова играем
С каждым новым днём...

Но слова из сердца
К сердцу не летят,
Ложь пленила разум,
Притупила взгляд.

И слепыми ходят
Люди по Земле,
И глаза отводят
В мёртвой тишине...

* * *

Помни имя своё, мой друг!
И фамилию помни тож.
А ещё не забудь, что ты
На дедов своих так похож!

Они смотрят на нас с небес,
Нам ответ держать предстоит:
Почему нас «попутал бес»,
И чего у нас совесть спит?

* * *

Жизнь начинается с зачатья,
Когда мир вечный из любви
На крыльях радости и счастья
Во кровь и плоть нас облекли!

И, вырастая, эстафетой
Мы дальше жизнь передаём,
Рождая новые планеты
Любви божественным лучом!

И всё своим идёт черёдом,
Хоть ждёшь чего-то,
Хоть не ждёшь.

А дни летят,
Слагаясь в годы,
Живёшь ты или не живёшь?

И...
Не зависимо от действия,
Подходит и печали срок...

А дальше?
Снова будет детство!
И Солнце озарит восток!

И нет нужды нам суетиться -
Красиво по судьбе идём!
И славы верная десница
Летит над бронзовым конём!

СТИХИ

Хорошие стихи -
Лекарство или яд?

Вас к РАЮ приведут
Или опустят в АД?

Кому служить? Как быть? -
Всегда решаешь сам.

Любовью дорожить...
Иль верить «мудрецам»?

Дмитрий Михеев

БЕСКРАЙНЕЕ СИНЕЕ МОРЕ

Действующие лица:

ПЁТР, монах

ПАБЛО, монах

ДАНИЭЛА, мать Рубена

АЛЬВАРО, викарий епископа Барселонского

СЕНЬОР МЕРКАТОР, торговец

КАПИТАН, мореплаватель

Начало XIII века. Значительные территории юга Пиренейского полуострова остаются под властью Халифата. Мавры тысячами захватывают христиан и продают их в рабство. В то же время христианские монашеские ордены выкупают христиан из плена. Только христиан.

Барселона, 1226 год. Монашеская келья. Ночь.

ПАБЛО. Темно-то как.

ПЁТР. Пабло, зажги свечу. Не вижу ничего.

ПАБЛО. Свечей у нас совсем не осталось.

ПЁТР. Жизнь не может закончиться только потому, что закончились свечи. Сходи завтра в лавку, возьми свечей.

ПАБЛО. Денег дадите?

ПЁТР. Я ведь давал тебе, дорогой Пабло.

ПАБЛО. Что Вы давали, закончилось ещё на той неделе.

ПЁТР. Да, знаю, знаю. До чего же хороший сегодня день. Был. Снова повстречался мне сеньор Меркатор, торговец. Снова вспоминал месяцы, проведенные в мавританском плену. Снова благодарил за искупление. И снова обещал денег, хотя я никогда и никого об этом не просил. Видать, совсем худо ему было в Алжире. Когда я его нашёл, от него только кожа да кости оставались. Он бы и без цепей никуда не сбежал. Весь обратный путь пролежал на палубе галеры у меня в ногах. Не отставал ни на шаг. Плакал как ребёнок. Сколько времени прошло, сейчас совсем поправился. И дела его пошли в гору, если каждый раз обещает денег дать на выкуп пленников-христиан. Пустые разговоры. Жив остался – и то хорошо.

ПАБЛО. Удивительно, сколько таких историй я от Вас уже наслушался. А в келье всё те же потёмки.

ПЁТР. Говорю тебе: не торговлей занимаемся, Пабло. Прибытка не жди.

ПАБЛО. Оно и видно, что не торговлей. Точнее – не видно. Ни зги.

ПЁТР. Не беда, брат Пабло. Без денег легче нести обет бедности. Ты опять мне на ногу наступил.

ПАБЛО. Простите, брат Пётр. Ничего не разберу в потёмках.

ПЁТР. В потёмках и хлеб вкуснее.

ПАБЛО. Может, та женщина принесла бы нам хоть луковицу, а то и кувшин вина...

ПЁТР. Какая женщина?

ПАБЛО. Та женщина, что преследовала нас у рынка. Она снова пришла.

ПЁТР. Пабло, не мог бы ты узнать, чего она хочет?

ПАБЛО. Я спрашивал. Она молчит. Сказать по правде, вряд ли нам с неё даже луковой шелухи перепадёт. Уж больно бедно она выглядит. Того и гляди в обморок упадёт с голодухи.

ПЁТР. Она ещё здесь?

ПАБЛО. Да, стоит у ворот.

ПЁТР. Пойду, спрошу её.

ПАБЛО. Напрасный труд. Немая она. Женщины страсть как болтливы. Бывало, только рот откроешь – а она всё тебе выскажет, о чём и спрашивать не собирался. А эта молчит. Уж сколько её спрашивал – а она только смотрит и молчит. Немая, как пить дать.

ПЁТР. Сколько у нас осталось монет, брат Пабло?

ПАБЛО. Всего ничего, только на хлеб и на свечи.

ПЁТР. Давай. Если этой женщине можно помочь молитвой – помолимся. Если же нет – дадим ей денег.

ПАБЛО. Это всё, что есть, на хлеб, на свечи.

ПЁТР. Давай. Будет день – будет пища.

Забирает монеты, выходит к ДАНИЭЛЕ.

ПЁТР. Могу я чем-нибудь помочь Вам, сеньора? Если гнетёт страшный грех, помолимся с Вами в этом притворе. Нет? Как я могу к Вам обращаться, как Ваше имя? Дайте знак, что Вы понимаете меня, хотя бы кивком головы.

ДАНИЭЛА кивает, молчит.

ПЁТР. Одной молитвой не насытишься. Если дело в нужде, возьмите. Этого мало, всего несколько монет, но это всё, чем я могу Вам помочь. Возьмите же, прошу Вас. Я оставляю здесь, на ступенях. Что же Вы? Возьмите. Не бойтесь, я только положу монеты Вам в руку. Вот так. Доброй ночи, сеньора. *(Возвращается в келью.)*

ПАБЛО. Вы мне на ногу наступили.

ПЁТР. Прости меня, брат Пабло.

ПАБЛО. Эдак мы все ноги друг другу перетопчем. Свечей теперь взять неоткуда, не говоря уже о хлебе. Она ничего не дала, эта женщина?

ПЁТР. Ничего не дала. И ничего не сказала. Должно быть, большое горе, чтобы женщина замолчала. Посмотри, она ушла?

ПАБЛО. Не разобрать. Кажется, ушла. Вот бы нам хоть малую толику тех богатств, что были у Вас раньше.

ПЁТР. Я бы первым делом пошёл на пристань, смотреть, не отплывает ли какая галера в Алжир.

ПАБЛО. Я и так Вам скажу: есть такая. Отплывает на рассвете.

ПЁТР. Не в этот раз, брат Пабло, не сейчас. Второй месяц пошёл, а денег у нас так и не появилось. Сидим в келье, как гребцы на вёслах. В темноте. О чём думаешь?

ПАБЛО. Поесть бы чего...

ПЁТР. А ты всё о еде. Не унывай. Приглядывай за воротами. Возможно, придёт Альваро. Он всегда приходит поздно.

ПАБЛО. Преподобный Альваро? Викарий? Что же Вы сразу не сказали!

ПЁТР. Тебе полегчало, брат Пабло?

ПАБЛО. Конечно! Даже как-то светлее стало. Преподобный Альваро никогда не приходит с пустыми руками. Теперь я глаз до самого утра не сомкну, буду ждать его. Устроюсь вот здесь, у окна, чтобы не проморгать. Брат Пётр!

ПЁТР. Что случилось?

ПАБЛО. Там... Кто-то лежит на ступенях. У наших ворот.

*Выходят к воротам, на ступенях лежит ДАНИЭЛА.
ПЁТР и ПАБЛО поднимают и заносят её в монастырь.*

ПЁТР. Снова она. Совсем ослабла. Сеньора, что с Вами? Пабло, принеси вина, хлеба.

ПАБЛО. Так нет же ничего.

ПЁТР. Хотя бы воды. Сеньора, Вам нужно отдохнуть, поесть. Вы плачете? Что это?

ДАНИЭЛА достаёт монеты.

ПАБЛО. Вот это чудеса: монет стало вдвое больше! Сеньора, Вы – добрая волшебница? Вы пришли спасти нас?

ПЁТР. Не говори ерунды, Пабло: её саму надо спасать. Ослабла так, что на ногах не держится. Откуда у неё столько денег?

ПАБЛО. Как Вас зовут, сеньора?

ПЁТР. Если Вам есть, что сказать – а я знаю, что есть – не молчите. Здесь Вас выслушают без предубеждения.

ДАНИЭЛА молча смотрит перед собой, едва шевеля губами, затем медленно уходит.

ПЁТР. Можешь ли ты представить себе такую беду, брат Пабло, чтобы настолько погрузиться в горе? А ведь она не из знатных, и жизнь у неё никогда не была легкой.

ПАБЛО. Монеты! Она оставила монеты!

ПЁТР. Беги, беги, отдай ей всё! Может, деньги хоть как-то ей помогут.

ПАБЛО поспешно удаляется, затем приближается звук шагов.

ПЁТР. Ты догнал её, Пабло?

АЛЬВАРО *(Входит вместе с Пабло).* Кого он должен был догнать, брат Пётр?

ПЁТР. Монсеньор, прошу простить мне непочтительность. Не разглядел Вас в потёмках. Свечи закончились.

АЛЬВАРО. Понимаю. Я как раз зашёл справиться о ваших делах.

ПЁТР. Благодарю Вас за участие, но радостного мало. Наш Орден - как галера, выброшенная волной на берег. У нас нет средств для выкупа невольников.

АЛЬВАРО *(Кладёт на стол мешочек монет).* Именно поэтому я здесь. Епископ одобряет и поддерживает Ваше благородное начинание скромной суммой денег. Заодно будут вам и хлеб, и свечи.

ПЁТР. Передайте епископу мою благодарность и признательность.

АЛЬВАРО. Епископ принял Вашу благодарность, брат Пётр. Однако вернёмся к началу нашего разговора. Уже несколько дней и ночей по улицам города ходит одна женщина, Даниэла. Во время последнего набега мавров на наши приграничные области она потеряла своего малолетнего сына, Рубена. Его угнали в рабство. И она ищет возможности вернуть его. Любые возможности. Но Вам, должно быть, это уже известно и без меня. Кого же ещё должен был догнать брат Пабло?

ПЁТР. Да, монсеньор, конечно, мы сделаем это. Благодаря помощи епископа мы вернём ей сына!

АЛЬВАРО. Значит, это она приходила сюда. И уговаривала выволить сына. Поверьте, Вам не нужно было её слушать. Три дня и три ночи ожидала она аудиенции Его Преосвященства. Епископ сжалился и выслушал её. Это было ошибкой. Нам не следовало принимать её. И Вам не следовало слушать. Даниэла, конечно, рассказывала Вам, что её Рубен – славный малыш. Что ему скоро девять лет. Что он умён не по годам. Но что я пересказываю, Вы уже слышали всё это от неё. Вы улыбаетесь, брат Пётр?

ПЁТР. Чему тут улыбаться, монсеньор...

АЛЬВАРО. Поймите, она говорит много, но не договаривает главного. Мы ничем не можем помочь ей. Они – иноверцы, сефарды. Вы определённо улыбаетесь, почтенный брат.

ПЁТР. Сегодня на редкость тёмная ночь. Вам показалось.

АЛЬВАРО. Продолжим. Епископ считает своим долгом надзор за строгим соблюдением устава Ордена.

ПЁТР. У нас ещё нет утвержденного устава.

АЛЬВАРО. Рано или поздно такой устав появится. Мы все надеемся на это. Поэтому епископ хотел бы услышать Ваше суждение, брат Пётр. Вы выслушали Даниэлу и Вы выслушали епископа. Теперь Его Преосвященство епископ слушает Вас.

ПЁТР. Иногда я вспоминаю свою мать. Нет, не так: представляю, какой она могла бы быть. Потому что никогда не знал её...

АЛЬВАРО. Его Преосвященство епископ слушает Вас, говорите же.

ПЁТР. Что если бы мы выкупили этого мальчика? В качестве жеста доброй воли. Как исключение. Что епископ скажет на это?

АЛЬВАРО. Ваша просьба передана епископу, рассмотрена и не удовлетворена. Мы выкупаем только христианских невольников. Этим мы удерживаем христиан от перехода в другую веру. Мы не препятствуем, когда сефарды выкупают своих единоверцев. Но деньги христиан могут идти только на выкуп своих. Иначе нас не поймут. Благотворители спросят: «Зачем мы будем давать деньги на иноверцев, когда в мавританском плену остаётся так много христианских невольников?» Это создаст опасный прецедент. Ваш Орден лишится поддержки. Более того, этим Вы пошатнёте поддержку церкви. Стоит ли напоминать, к каким последствиям это может привести? Что у Вас с лицом, брат Пётр? Вас как будто мигрень постигла?

ПЁТР. Это пройдёт, монсеньор. Всё проходит.

АЛЬВАРО. Так вот, чтобы Ваша мигрень прошла скорее: на выкуп иноверца не будет потрачено ни единого денария епископских денег. Запомните это.

ПЁТР. Так мы и сделаем. Вы спрашивали, кого должен был догнать брат Пабло? Не странно ли, что все подробности этого дела мы узнали только от Вас? Она не сказала ничего, ни единого слова. Оставила деньги и ушла. Брат Пабло побежал вернуть их ей, но не догнал. Стало быть, теперь мы ей должны.

АЛЬВАРО. Вы настаиваете на выкупе из плена этого мальчика?

ПЁТР. Как Вы и сказали: на это не уйдёт ни единого епископского денария. Только её деньги.

АЛЬВАРО. В таком случае, ради соблюдения Вашего обещания, я вынужден забрать у вас то, что принёс. *(Забирает мешочек с монетами.)* И более... Брат Пабло, выложите на стол то, что хотели вернуть этой женщине. Смелее. Сюда, ближе к свету.

ПАБЛО выкладывает монеты на стол. АЛЬВАРО пересчитывает.

АЛЬВАРО. Брат Пётр... Что же Вы надеялись предпринять с такой скромной суммой? Этих грошей не хватит, чтобы выкупить даже четверть мальчишки. И я не уверен, что все эти деньги принадлежат Даниэле. Верно, брат Пабло? Чтобы очистить Вашу душу от излишних сомнений и обязательств, придётся мне забрать и их. *(Сгребает монеты со стола.)* Теперь Даниэле должны не Вы, а епископ. Его Преосвященство глубоко скорбит о случившемся и рассчитывает на Ваше благоразумие. Отдохните, займитесь хозяйством, хорошенько выспитесь. Спите спокойно, теперь выкупом невольников будут заниматься тринитарии. Да, почтенный брат, я распоряжусь принести Вам хлеба, вина и свечей.

Хотелось бы отчётливее видеть выражение Вашего лица, когда с Вами говорит посланник епископа. Брат Пабло, теперь проводите меня к выходу.

АЛЬВАРО и ПАБЛО удаляются, ПЁТР укладывается на лежанку.

ПЁТР. Ма-ма. Какой ты была? Как пахли твои руки, когда ты расчёсывала мне волосы? До чего же темная ночь. Ничего не помню, ничего... не вижу. *(Поднимается, подходит к окну.)* Какая тишина. Ты слышишь хоть что-нибудь? Прости, брат Пабло, я тебе на ногу наступил. Пабло? Пабло, где же ты? Слышишь, это старинная колыбельная.

Или мне это только послышалось? Послышалось... Неужели в целом мире нет никого, кто бы сейчас не спал?

Вдалеке слышатся шаги, шаги приближаются.

ПЁТР. Монсеньор Альваро? Я только хотел спросить: Вы помните свою мать? Помните, какой

она была? Как она радовалась Вам? Неужели это не было бы чудом – вернуть малыша Рубена этой женщине, Даниэле?

ПАБЛО (*Входит*). Лучше бы Вы мне на ногу наступили, брат Пётр. Опять у Вас видения?

ПЁТР. А, это ты.

ПАБЛО. Конечно, я. Кого же ещё Вы ждали? Прости нам, Господи, все наши прегрешения.

ПАБЛО устраивается на лежанке, засыпает. ПЁТР ходит по келье, шевелит губами.

ПЁТР. Пабло? Эй, Пабло, ты что, спишь?

ПАБЛО. Как же мне не спать, когда ночь на дворе? Конечно, сплю.

ПЁТР. А ты... Ты помнишь свою мать?

ПАБЛО. Что?

ПЁТР. Я говорю: ты помнишь, какой она была, твоя мать?

ПАБЛО. Какая мать?

ПЁТР. Твоя, брат Пабло. У тебя же была мать?

ПАБЛО. По здравому разумению, конечно, была. Как же ей не быть, если я на свет появился. Да только на ночь глядя скажу Вам, что совсем не знал её: бросила она меня во младенчестве к воротам монастыря – и весь разговор!

ПЁТР. Это печально. И ты никогда не думал о ней?

ПАБЛО. Ещё бы я о ней думал, ага... Будто мне забот не хватает. И без того сна нет. У Вас что ни день – то видения. Еда закончилась. Как будто мне этого мало. В животе урчит, зато неприятностями по самое горло сыт.

ПЁТР. Ты сердисься, Пабло?

ПАБЛО. Вот скажите на милость: неужели Вы всерьёз надеялись, что преподобный Альваро передумает, вернётся и выложит обратно всё, что лежало сегодня на этом столе?

ПЁТР. Признаться, да.

ПАБЛО. Я вот ещё что скажу: и хорошо, что он не вернулся. Услышал бы Ваши речи – и не сносить нам обоим голов. Додуматься до такого: уговаривать епископского викария, чтобы он разрешил выкупить нехрестя!

ПЁТР. Погоди, Пабло...

ПАБЛО. Ещё утром у нас были надежды, мы собирались в путь, у нас были какие-то скромные деньги, и мы могли получить ещё. А сейчас?

ПЁТР. Тише, Пабло, тише. Ты слышишь?

ПАБЛО. Сейчас у нас ни денег, ни епископского благословения. Остаётся только спать да на Господа нашего уповать. Так нет же, даже в этом Вы меня обделили!

ПЁТР. Замолчи же наконец! Слышишь? Это шаги.

ПАБЛО. Опять Вы за своё, брат Пётр. Всё никак не уговоритесь. У Вас то видения, то голоса внутри головы. Да и преподобный Альваро, при всём уважении, не та фигура, чтобы в видениях являться. Какие шаги? Ночь на дворе – хоть глаз выколи. Все добрые люди давным-давно спят. И только мы... Что это? Шаги?

ПЁТР. Да, брат Пабло.

ПАБЛО. Вот так дела! Только я Вас именем Господа нашего прошу: не сболтните чего лишнего. Вы и так наговорили сегодня через край, не говоря уже о том, о чём умолчали.

СЕНЬОР МЕРКАТОР (*С улицы*). Святой отец. Эй, святой отец, Вы не спите?

ПАБЛО. Не похоже, чтобы это был Альваро.

СЕНЬОР МЕРКАТОР (*С улицы*). Это я, Меркатор. Слышу, у вас там разговор, так если ещё не спите, я зайду?

ПЁТР. Доброй ночи, сеньор Меркатор! Конечно, входите.

ПАБЛО. Только не проговоритесь, умоляю...

СЕНЬОР МЕРКАТОР (*Входит*). Мир Вам, святой отец. Простите, что в такой час. Я не мог ждать утра, да и Вы не спите. И я набрался смелости побеспокоить Вас... Кажется, я на что-то наступил.

ПАБЛО. Это моя нога.

СЕНЬОР МЕРКАТОР. Прошу прощения. Здесь так темно. Святой отец, не могу ждать утра. Много раз обещал я вознаградить Вас за то, что Вы сделали для меня, для моей семьи. Сегодня могу себе это позволить. То есть не вполне могу, конечно: эти деньги я задолжал

Капитану и как раз шёл вернуть ему долг. Но вижу, что дела Ваши совсем плохи, и решил, что Капитан подождёт. Здесь немного, так всё же больше, чем Вы заплатили за меня в Алжире. Я был так плох и костляв, что почти ничего не стоил. Этого хватит, чтобы выкупить такого пленника, как я. Возьмите и сделайте с этими монетами всё, что сочтёте нужным.

ПЁТР. Всё?

СЕНЬОР МЕРКАТОР. Конечно! Любого пленника. Или товар. А захотите – можете бросить монеты на дно колодца. Они – Ваши, и только Ваши. Полагаюсь на Ваш выбор.

ПЁТР. Благодарю, сеньор Меркатор. Господь вознаградит Вас за пожертвование.

СЕНЬОР МЕРКАТОР. Ни-ни! Уже вознаграждён: я свободен, это - главное. Я со своей семьёй и детьми. Занимаюсь промыслом, которым занимались мой отец, а до него - мой дед. Счастлив, безмерно счастлив, святой отец!

ПЁТР. А что, если мы...?

ПАБЛО (*Откашлявшись*). Простите, сеньор Меркатор, Ваше пожертвование застало нас врасплох. Мы совершенно не были к этому готовы. Но раз уж Вы снабдили нас деньгами, нам надобно собираться в путь.

СЕНЬОР МЕРКАТОР. Понимаю, скоро утро. Вам предстоит дальнейшее путешествие. А я свою миссию выполнил. Если бы Вы только знали, какое это облегчение!

ПАБЛО. Понимаем, сеньор Меркатор, мы прекрасно Вас понимаем. Брат Пётр, не пора ли нам собираться в дорогу? Досточтимый брат, не пора ли нам...?

ПЁТР. Ах, да, конечно. Я только хотел сказать, что мы употребим Ваши деньги на самое праведное дело...

ПАБЛО (*Откашлявшись*). Именно так, сеньор Меркатор, не беспокойтесь. Ну, пора, пора. Сюда, пройдёте сюда.

СЕНЬОР МЕРКАТОР. Кажется, я снова Вам на ногу наступил.

ПАБЛО. Какие пустяки. Не обращайтесь внимания. Просто ночь тёмная. Немудрено на кого-нибудь наступить. Я провожу Вас. Аккуратнее, здесь ступенька.

Уходят. ПАБЛО быстро возвращается.

ПЁТР. Нужно было сказать ему.

ПАБЛО. Ни-ни! Ни в коем случае! Зачем?

ПЁТР. Чтобы он знал, какое благое дело сделал.

ПАБЛО. Силы небесные! Неужели Вы не понимаете, что это неправильно? Вся эта затея с ребенком – это неправильно! Выкупим в Алжире какого-нибудь доброго христианина. Их в мавританском плену – на наш век хватит, и ещё останется. (*У входа в келью звук падения чего-то тяжёлого.*) Осторожнее, сеньор Меркатор, здесь же ступенька, я Вам говорил... Сеньор Меркатор? Что Вы здесь делаете?

СЕНЬОР МЕРКАТОР. Простите, святой отец. Я услышал шум... Точнее – разговор. Вы хотели мне что-то сказать? Так я вернулся, чтобы Вам не пришлось искать меня для разговора.

ПЁТР. Да, сеньор, Меркатор. Очень хорошо, что Вы вернулись. Хотел сказать...

ПАБЛО. ... Брат Пётр всего лишь хотел сказать, что...

ПЁТР. На Ваши деньги из плена будет выкуплен ребёнок.

СЕНЬОР МЕРКАТОР. Ребёнок?

ПЁТР. Его зовут Рубен. Ему всего только восемь лет.

СЕНЬОР МЕРКАТОР. Совсем малыш. И уже познал тяготы плена. Я до сих пор вспоминаю время, проведённое в плену, с содроганием. А что говорить о детях. Если малыш Рубен снова будет свободен благодаря моим деньгам, я буду вознаграждён этим вдвойне!

ПАБЛО. Сеньор Меркатор, давайте я Вас провожу, чтобы Вы не оступились на этот раз.

ПЁТР. Он - иноверец.

СЕНЬОР МЕРКАТОР (*Обернувшись*). Мне послышалось странное...

ПАБЛО. Это Вам послышалось, сеньор Меркатор. Было сказано: «Он нашей веры». Брат Пётр, не будем задерживать сеньора Меркатора.

ПЁТР (*Громко*). Он – сефард.

Немая сцена. СЕНЬОР МЕРКАТОР как будто не понимает, где оказался, растерянно уходит, сопровождаемый ПАБЛО. ПАБЛО быстро возвращается. Следом вбегает СЕНЬОР МЕРКАТОР.

ПАБЛО. Силы небесные! Сеньор Меркатор, что случилось в этот раз?

СЕНЬОР МЕРКАТОР. Святой отец, но как же «сефард»? Почему - сефард?

ПЁТР. Наверное, потому что ребенок.

СЕНЬОР МЕРКАТОР. Не понимаю. Но... ЗАЧЕМ???

ПЁТР. Не знаю, сеньор Меркатор. Просто не знаю, что Вам ответить.

ПАБЛО. Ведь я же просил Вас, досточтимый брат. И что Вы только рот открываете?

СЕНЬОР МЕРКАТОР. Чует моё сердце, добром это не кончится. Вот если бы спросить кого-нибудь, а?

ПАБЛО. Епископа не спросишь. Пока будешь ждать ответа, все галеры уплывут. А вот если его викария, Альваро?

ПЁТР. Нет-нет, Пабло, разговоры с Альваро – сплошное разорение. Можно спросить у Преподобного Раймунда, но старик, верно, уже спит. Неудобно беспокоить.

ПАБЛО. Что Вы! Говорят, он вообще никогда не спит. Я быстро: туда и сразу обратно!

ПАБЛО поспешно уходит. ПЁТР и СЕНЬОР МЕРКАТОР сидят в тишине.

ПЁТР. Хотел спросить...

СЕНЬОР МЕРКАТОР. Почему я требую с Вас гарантий? Если бы Вы занимались торговлей, знали бы сами. Зачем Вы так со мной, святой отец? Ведь я пришёл к Вам с чистыми намерениями. Поймите, у меня репутация. Знаете, что такое «репутация» в нашем деле? Это как у вас – безгрешность. Вы не грешите – и Господь дарует вам спасение. Я не обманываю людей, честно веду свои дела – и мне воздаётся доверием. А если люди узнают, что я отдал свои деньги на иноверца?

ПЁТР. На ребёнка.

СЕНЬОР МЕРКАТОР. Неважно. На иноверца. Да как мне потом в глаза людям смотреть?

ПЁТР. Нет, не это. Хотел спросить: Вы помните свою мать?

СЕНЬОР МЕРКАТОР. А... Я вспоминаю. Ребёнком любил встречать её, когда она ходила на рынок и приносила еду и сладости. Бывало, шёл навстречу квартал – другой, так, чтобы не попасться ей на глаза. Чтобы было нежданной радостью, когда мы встретимся. А она никогда не показывала сразу, какой гостинец взяла для меня на рынке, и приходилось угадывать. Я угадывал почти каждый раз. По утрам смотрел, как она месит тесто.

Невысокая, хрупкая мама, а руки сильные, умелые и такие нежные. А как пахли свежие лепёшки! Давно это было... Рубен?

ПЁТР. Что?

СЕНЬОР МЕРКАТОР. Как зовут того малыша? Рубен?

ПЁТР. Да, Рубен. Имя его матери – Даниэла. Она убита горем.

СЕНЬОР МЕРКАТОР. Если Преподобный Раймунд решит, что малыша Рубена можно выкупить - пусть так и будет. Если нет – вернёте деньги. Что с Вами? У Вас мигрень?

ПЁТР. Да, сеньор Меркатор. Каждый раз, когда человеческую жизнь равняют с деньгами, мне это будто головой моей играют в мяч. Что ж поделать, мир несовершенен. Тем радостнее облегчение, когда жизнь всё же перевешивает.

СЕНЬОР МЕРКАТОР. Пойду я. Хочется верить, что мы поступаем правильно, святой отец.

СЕНЬОР МЕРКАТОР уходит, но почти сразу возвращается.

СЕНЬОР МЕРКАТОР. Простите, святой отец. Неудобно говорить. Я вспомнил, что задолжал Капитану. Ах, да, я же говорил об этом... Так я хотел бы забрать свои деньги обратно. Простите, что напрасно побеспокоил в такой поздний час.

Следом входит АЛЬВАРО.

СЕНЬОР МЕРКАТОР. Монсеньор! Помилуйте. Не знал, клянусь Распятием! Вот он, тот

самый монах, который сбил меня с пути истинного на путь греха. Я ничего не знал, но Вы, монсеньор, Вы открыли мне глаза! (*К ПЕТРУ.*) Верни мне мои деньги, верни немедленно! (*Забирает монеты, но не может выйти, на пути стоит АЛЬВАРО.*) Ах, да, конечно: вот, возьмите!

*СЕНЬОР МЕРКАТОР отдаёт монеты АЛЬВАРО, уходит.
АЛЬВАРО зажигает свечу, подносит к ПЕТРУ и пристально вглядывается в его глаза.*

*ПЁТР мучается головной болью.
Не увидев желаемого, АЛЬВАРО тяжело вздыхает,
недоумённо пожимает плечами и медленно выходит из кельи.
С улицы раздаётся громкий крик СЕНЬОРА МЕРКАТОРА. Собираются люди.*

СЕНЬОР МЕРКАТОР. Люди добрые! Что же это? Я ничего не знал. А этот... Он пытался меня обмануть! Эй, святой отец, сознайтесь, что выманили у меня деньги – и на что?!

Чтобы выкупить нехриста! Люди! Я – честный человек и торговец, но даже я чуть не попал в западню.

Слышен недовольный ропот толпы.

ПЁТР (*Себе*). Пабло, где же ты, где тебя носит?

СЕНЬОР МЕРКАТОР. Благодарение Преподобному Альваро, он открыл мне глаза и наставил на путь истинный! Благодарение, что не дал мне впасть в пучину греха! А ведь я стоял на самом краю ужасной пропасти! Эй, святой отец, что Вы молчите? Выйдите и признайтесь перед нами, что Вы такое там задумали!

*Ропот толпы всё сильнее. Слышны крики, свист, проклятия.
В окно кельи влетает камень.*

СЕНЬОР МЕРКАТОР. Он молчит. Вы слышите? Ему нечего сказать. Не скрывает ли он свои безбожные замыслы? Пойдём к нему и потребуем ответа!

*Толпа поднимается по ступеням в келью.
ПЁТР спешно скрывается через чёрный ход. В ночной тьме идёт он городскими закоулками,
ищет ПАБЛО, у Преподобного Раймунда и не находит.
Он идёт во тьме, пока не оказывается перед воротами епископской резиденции.*

* * *

*Резиденция епископа Барселонского. Пустой тёмный зал. Слышен скрип дверной петли.
Вдоль стены движется фигура. Фигура ускоряет шаг, скрывается за дверью. ПЁТР
бежит следом, открывает дверь – это приёмная епископа. Внутри ещё темнее. За
спиной ПЕТРА загорается свеча. Это АЛЬВАРО. Он обходит ПЕТРА, пристально
вглядывается в глаза.*

АЛЬВАРО. Не спится, почтенный брат?

ПЁТР. Хотел спросить: Вы помните, какой была...?

АЛЬВАРО. Что?

ПЁТР. Нет, ничего.

АЛЬВАРО. Моя мать... Когда это случилось, у меня не было ни гроша. Бог... Он должен был услышать меня. Спасти её от страшной болезни. Я молился, и молился страстно! Это всё, что у меня оставалось: вера и молитва. Но от спасения её отделяло всего несколько монет. Мне нечем было заплатить доктору. И когда она перестала дышать, я познал Бога. Если Бог есть, то он здесь, в этом кошеле. Вы слышите звон монет, почтенный брат? Здесь монеты сеньора Меркатора. Здесь монеты Даниэлы. Здесь есть даже Ваши монеты.

Воистину, в каждом из нас есть частичка божественного. И все мы едины в Нём. Как монеты в этом мешочке. Вы это хотели услышать?

ПЁТР. Нет.

АЛЬВАРО. Да. Теперь Вы знаете это.

ПЁТР. Могу я просить аудиенции епископа?

АЛЬВАРО. Что, опять? В отсутствие Его Преосвященства все вопросы решаю я.

ПЁТР. Я подожду Его Преосвященства.

АЛЬВАРО. Располагайтесь удобнее. Путь к Святому Престолу неблизок, не говоря уж о пути обратном.

ПЁТР. Он уехал в Рим? Монсеньор, меня ищет сеньор Меркатор и его люди.

АЛЬВАРО. Если помыслы и деяния Ваши праведны, Вам нечего бояться. Но «если откормишь собаку, она съест тебя», как говорят на Востоке. Посмотрите на этот кошель.

Этот мешочек – цена человеческой жизни. Будь он у меня тогда, я не осиротел бы. А чем Вы оплатите Вашу жизнь, преподобный брат? Что с Вами? Вас снова мучает мигрень? Сожалею.

ПЁТР. Могу ли я хотя бы остаться здесь, под защитой?

АЛЬВАРО. Двери дома Господня открыты для всех: и для Вас, и для сеньора Меркатора, и для его людей.

ПЁТР. Последний вопрос. О брате Пабло. Я искал его везде, искал даже у Преподобного Раймунда, но не нашёл. Беспокоюсь, как бы с ним чего не случилось. Вы знаете, где он может быть?

АЛЬВАРО (*Уходя*). Напрасно Вы побеспокоили почтенного Раймунда. Брат Пабло здесь. И всегда был здесь. Пабло, выйди же на свет, проводи досточтимого брата до ворот.

* * *

Городская пристань Madrugada, раннее утро. Но работа кипит. На галеру загружают припасы, воду, оружие, товары. КАПИТАН замечает идущего мимо ПЕТРА.

КАПИТАН. Ужели сегодня при деньгах, отче?

ПЁТР. Нет, сеньор Капитан, не сегодня.

КАПИТАН. Жаль, очень жаль. Деньги мне в путь пригодились бы. Вот и сеньор Меркатор где-то ходит с моими денежками. Что невесел? Что же бродишь в такую рань?

ПЁТР. Не спится мне, сеньор Капитан.

КАПИТАН. Да брось, разве я тебе сеньор? Посмотри, какая заря! Хороший будет день, солнечный, ясный. Жаль, что ты без денег.

ПЁТР. Куда же поплывёшь, Капитан?

КАПИТАН. Плыву, куда ветер дует.

ПЁТР. Возьмешь меня в команду, если к итальяским берегам? Отработаю любой работой.

КАПИТАН. Итальянский берег?

ПЁТР. Неаполь. Там и до Нолы - рукой подать. Говорят, наш род – оттуда.

КАПИТАН. Не по пути нам с тобой, отче. В этот раз на юг, к берегам Магриба. Без денег тебе там нечего делать. А я ждал тебя. Думал, вместе пойдем на рынок: я - товар менять, ты - христиан выкупать. Как в прошлый раз. Поднимешься на палубу, благословить в дальний путь?

ПЁТР. Если позволишь. (*Поднимается на палубу*).

КАПИТАН. Твоё любимое местечко. Сколько дней и ночей провёл ты здесь, в окружении тех, кого вернул на родную землю! Чувствуешь? Палуба встретила тебя как родного.

Скажи напутственное слово.

ПЁТР. Да не устанут руки гребцов, и ветер наполнит твои паруса.

КАПИТАН. Пусть будет так! Однако, что за шум на берегу? Откуда все эти люди? Чего хотят?

На причале собирается толпа во главе с охрипшим СЕНЬОРОМ МЕРКАТОРОМ. Жители осматривают ящики, заглядывают в бочки. В руках камни и палки.

Увидев на галере ПЕТРА, устремляются к сходящим.

Поодаль стоит Даниэла. Она улыбается.

ПЁТР. Они пришли за мной.

КАПИТАН. Ещё вчера эти люди целовали тебе руки и просили твоего благословения. Сейчас готовы тебя растерзать. Sic transit gloria mundi. Злы, как если бы ты задолжал им целую

жизнь. Не сносить тебе головы.

ПЁТР. Всё так.

СЕНЬОР МЕРКАТОР. Эй, негодяй, скажи добрым людям, как обманул меня. Как забрал мои деньги. И на что? Чтобы выкупить из плена ублюдка-нехристя!

КАПИТАН (*Улыбаясь*). Значит, деньги у тебя всё же есть. А ты тот ещё обманщик, отче.

ПЁТР (*Улыбаясь*). Разве я хоть однажды обманул тебя, Капитан? Разве не заплатил бы тебе за спасение, будь у меня хоть монета? Нет у меня ничего. Сеньор Меркатор, я вернул Вам все деньги – и Преподобный Альваро тому свидетель.

СЕНЬОР МЕРКАТОР. Да, но всё же брал. Зачем ты слушал эту ведьму? Иные считают, что она одержима дьяволом!

КАПИТАН. О ком он говорит?

ПЁТР. Видишь женщину, там, вдали, за толпой?

КАПИТАН. Та, что с кудрями, подобными морской волне?

ПЁТР. Её имя – Даниэла. Я лишь хотел выкупить из плена её сына. Прощай, дорогой Капитан. Пришла пора сойти на берег.

Крики толпы заглушает рёв КАПИТАНА.

Навстречу толпе на палубе выстраивается вооружённая команда.

Над пристанью повисает тишина. Кажется, не слышно даже крика чаек.

КАПИТАН. Назад! Слушайте меня. Сегодня будет хороший день. Сегодня никто не умрёт. Не на моей галере.

СЕНЬОР МЕРКАТОР. Но он хотел...

КАПИТАН. Он в моей команде. Этот человек – мой. И если он чем-то обязан Вам, сеньор Меркатор, я покупаю его долги. Или Вы желаете расплатиться со мной? Так-то. Слушайте же меня. Это у вас, там, на земле, всё замысловато. А в море всё просто, и здесь главный – я. У вас есть семьи? Есть дети? Так что же все вы здесь делаете? Расходитесь. У вас полно дел: идите к своим родным, обнимите детей, поцелуйте жён. Займитесь делом, бездельники.

Толпа расходится. Галера отходит от пристани.

На берегу остаются только ДАНИЭЛА и ПАБЛО.

ПАБЛО. Куда Вы, досточтимый брат? Как же плыть, когда нет денег?

ПЁТР. Нет – и не надо.

ПАБЛО. Но зачем Вы это делаете? Всё из-за какого-то детёныша-нехристя!

ПЁТР. Побойся Бога, брат Пабло, он же ещё ребёнок.

ПАБЛО. Но я... Я не понимаю.

ПЁТР. Помни, Пабло: и ты, и епископ, и все эти люди – все мы когда-то были детьми.

ПАБЛО. Я не слышу.

ПЁТР. Все мы были детьми, брат Пабло. Такими же детьми. Прощай.

КАПИТАН. Что ж теперь с тобой делать, отче? Я взял бы тебя, если бы ты мог выкупить хоть одного невольника – таков был наш уговор. Но карманы у тебя пусты, как и у меня.

ПЁТР. Ты хотел, чтобы мы вместе пошли на рынок. Так и сделаем. Только вернётся ты уже без меня. Обещай привезти мальчишку и вернуть его матери, Даниэле.

КАПИТАН. Останешься в плену вместо мальчишки?

ПЁТР. Мне больше нечего предложить взамен. У меня остался только я сам.

КАПИТАН. Мне это нравится, отче. Пусть будет так. Теперь возьми нож, помоги коку разделить рыбу. Будешь помощником по кухне. Отработаешь свой путь сполна. И не говори ничего. Не люблю пустых благодарностей. (*Команде.*) Эй, бастарды, чего ждёте? За дело! Ставим парус. Гребцы – нажмите на вёсла. Море ждёт.

Нас ждёт бескрайнее синее море...

Михаил Ананов

ДУХ ПЕТРАРКИЗМА В СОНЕТАХ АДАМА МИЦКЕВИЧА

*Бог есть любовь, и пребывающий в любви
пребывает в Боге, Бог в нём*

Иоанн.4, 16

Ренессансные поэты оказали колоссальное влияние на ход мировой литературы, в особенности, поэзии. Столетие за столетием самые именитые мастера развивали идеи Возрождения, проявляя их в поэтическом формотворчестве. В этом процессе сонетная форма не могла остаться в стороне, более того, она сумела воплотить весь спектр настроений, характерных для Новой

Адам МИЦКЕВИЧ

эпохи изящной словесности. Отражая дух времени, диалектика сонета давала ответ на многие религиозные, исторические и философские вопросы и, естественно, открывала неограниченное пространство любвеобильному сердцу поэта. Таким был подлинный мастер сонета Франческо Петрарка.

Амур, вот светоч славы яснолицей,
Той, что царит над естеством земным.

Адам Мицкевич – поэт-мыслитель, тонкий лирик, человек, глубоко преданный своей Родине, принял с благодарностью этот *подарок*, в котором проявил всё богатство человеческой души, отдавая дань великим предкам. Франческо Петрарка как яркий представитель эпохи Возрождения играет в его творчестве весьма значимую роль. Это нашло подтверждение в любовной лирике польского поэта. Петраркизм был тем направлением в поэзии, которое художественно наиболее полно претворило неоплатоническую теорию любви и вместе с тем давало возможность облечь стремление к «возвышенности» чувств в формы, близкие вкусам аристократической среды.

У Петрарки броские антитетические формулы служили раскрытию реальных, мучительных противоречий душевного мира поэта. Мастерское владение всеми элементами поэтической формы выделяло благородную, певучую гармонию чувств.

Свет вечной жизни – лицезренье Бога,
Не пожелаешь никаких прикрас,
Так счастлив я, мадонна, видя вас,
При том, что жизнь – лишь краткая дорога.

У Петрарки броские антитетические формулы служили раскрытию реальных, мучительных противоречий душевного мира поэта. Мастерское владение всеми элементами поэтической формы выделяло благородную, певучую гармонию чувств.

Мицкевич и не скрывает влияния своего итальянского собрата по перу. Он открывает цикл любовных сонетов эпиграфом из поэтических строк Петрарки. Первый же сонет «К Лауре» от-

дает должное музе великого маэстро, в его же стиле.

Едва явилась ты – я был тобой пленён.
Знакомый взор искал я в незнакомом взоре.

Он повествует о неземной любви с первого взгляда. Её могла пробудить в душе только сама богиня. Сравнения подобного рода для того времени были правилом, для которого не делалось исключение.

Ты вспыхнула в ответ, – так, радуясь Авроре,
Вдруг загорается раскрывшийся бутон.

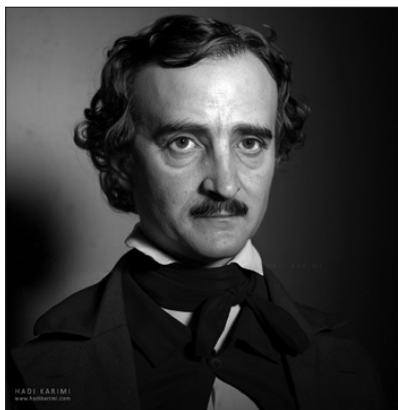
Во втором катрене Мицкевич, сравнивая возлюбленную с ангелом, сохраняет Дантову концепцию о примирении Земли и Неба, которую знаменитый предшественник Петрарки отображает в своей книге «Vita Nova».

Едва запела ты – я был заворожён,
И ширилась душа, забыв земное горе
Как будто ангел пел...

В этом сборнике канцон и сонетов происходит обожествление объекта своих воздыханий. Данте сравнивает свою Беатриче с Пресвятой Девой Марией и впоследствии даже с самим Христом как символом спасения души человеческой. Ему через века вторит польский поэт – эхом до нас доносится сокровенное:

... и в голубом просторе
Спасенье возвещал нам маятник времен.

По другому быть не могло, ведь представители предренессансной эпохи любили воспевать жестокую даму сердца, не дающую никаких шансов несчастному влюблённому. Однако, несмотря ни на что, формула всемогущества любви, сколь безответной та бы ни была, остается в рамках её величества Истины.

Эдгар Аллан По

Несчастен, кто, любя, взаимности лишён,
Несчастней те, чью грудь опустошённость гложет,
Но всех несчастней тот, кто полюбить не может
И в памяти хранит любви минувший сон.

Но если надменная красавица хоть на миг могла сменить холод своего взгляда на призрачный огонёк жеманства, то раз-уверить преданного ей поэта было уже невозможно.

Не бойся, милая, открой мне сердце смело,
Коль сердцу моему ответило оно.
Пусть люди против нас, пусть небо так велело...

Похожая концепция встречается у непревзойденного магистра подводного течения смысла Эдгара По. Мастер психологического жанра, автор «Философии творчества», которая впоследствии стала в понимании поэтов идеальной формулой для написания – создания – шедевра, возвещает на всю Вселенную о нерушимом союзе подлинной любви.

Осмысливая с присущей ему аналитичностью «закон примирения Земли и Неба», Петрарка выдает решение как взыскательный к себе философ.

Я черпал жизнь у той, с кем ныне милость

Лаура и Петрарка

Царя небес и вестников его.

До самого конца его не покидает надежда, что не на век он расстался с образом своей возлюбленной. Известная трактовка этой теории, характерной еще со времен дантовых терцин, в почти реалистических тонах дана в эдгаровском «Вороне».

Петрарка живет тем *светлым будущим*, о котором ранее говорил Данте, тоскуя по Беатриче. Он имел в виду смерть, которая при жизни донны Беатриче была губительницей, поскольку это было единственное, что могло разлучить его с любимой. После же её смерти сама смерть была сладка, ведь это тоже было *единственным*, что могло соединить их, земных существ, в Горних высях. Вот и оправдание закона *примирения*, которому остался верен король сонета.

И утешенья жажду одного:
Чтоб, мысль мою прозрев, она добилась
Мне с нею быть – для счастья моего.

И Мицкевич завершает свой сонет похожими по сути строками, четко представляя решение, которое достойно венчает катастрофическая строка сонета. Идея до боли ясна: какова бы ни была твоя судьба, цель одна, итог тоже один.

И тайно, без надежд, любить мне суждено,
Пусть другому жизнь отдаст тебя всецело,
Душа твоя – с моей обручена давно.

Легенда о чистой любви, неспособной на любые авантюры, чтобы завладеть сердцем милой, воскресает в сонете Мицкевича К***.

Ты смотришь мне в глаза, страшишь, дитя,
их взгляда:

То взгляд змеи, в нем смерть невинности
твоей.

Данте и Беатриче

Так иногда попугивали своих *мучительниц* поэты Плеяды, предостерегая их от коварства собственных страстей. Хоть и страждет получить благосклонный взгляд от подруги, он обязан был предстать перед ней с чистой совестью.

Так мне ль судьбу твою сплести с судьбой моей
И сердце чистое обречь на муки ада!

В синтезе сонета проявился шекспировский момент принятого решения, который король драмы умел выдавать неожиданно, подчеркивая свое благородство. Мицкевич не уступает ему и в этом вопросе.

Нет, унижительно обманом брать дары!
Ты лишь в преддверии девической поры,
А я уже отцвёл, страстями опалённый.

Это и есть высокий момент кульминаций – апогей спадает, неумолимо сводя пафос душевных страстей к логически выверенному сонетному замку в духе Петрарки.

Меня могила ждет, тебя зовут пиры...
Обвей же, юный плющ, раскидистые клёны,
Пусть обнимает терн надгробные колонны!

Особенно ощутим петрарковский дух в сонете Мицкевича «Свидание в лесу». В отличие от предыдущего проанализированного нами сонета, он построен на диалогах, что не характерно для

сонетного творчества итальянского поэта. Однако удачно найденное сочетание слов открывает перед нами мир влюблённых, скрывающих свои чувства друг к другу в лесной глуши. При этом воссоздаётся картина, как герой-любовник слышит от своей подруги укор, характерный для той поры.

«Так поздно! Где ты был?» – «Я шёл почти вслепую (...)
Ждала, скучала ты?» – «Неблагодарный мой!
Я здесь давно – я жду, скучаю и тоскую!».

И никакие оправдания не будут приняты, ведь заставляя ждать даму своего сердца, без преувеличения, считалось большим грехом. Лишь только проявление нежных чувств может смягчить её недовольство.

«Дай руку мне, позволь, я ножку поцелую...».

Здесь также происходит отождествление возлюбленной с ангелом по известной нам уже модели: Данте – Беатриче, Петрарка – Лаура. Принцип суперпозиции двух мастеров слова весьма выразителен.

Я так почтителен, так набожно смотрю
И так молитвенно с тобою говорю, –
Как будто не с земным, а божьим херувимом.

Вообще, фактор рабства у объекта своих вожделений, как испытание неземного блаженства, характерен как для эпохи Данте – Петрарка, так и впоследствии для поэтов «Плеяды» и для шекспировских времён. Недаром пылкий француз Ронсар, меняя своих муз, в отличие от великих итальянских предшественников, преданных каждый своей единственной музе, восклицал:

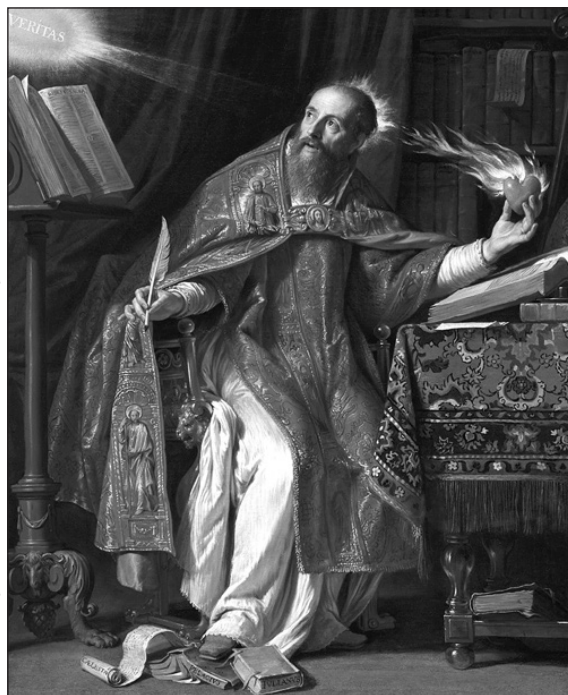
Мари, перевернув рассудок бедный мой,
Меня, свободного, в раба вы превратили.

И некуда было деться, да и незачем, ведь казнь от руки прелестной богини так сладка. Тем паче, как считал сам Шекспир, без него, рабства, потеряет смысл сама жизнь.

Возвращаясь к сонету Мицкевича, отметим, что встречаются ключевые строки, которые протягивают нити к личности самого Франческо, как бы возрождая в нашей памяти его астральный диалог с блаженным Августином. В отчаянном споре бедный Франциск, за которым и скрывается Петрарка, пытается отстоять два понятия, которыми он безмерно дорожит – это слава и любовь. Ведь великий просветитель безжалостно причисляет их к порокам человеческим. «Ты доньне привязан справа и слева двумя адамантовыми цепями, которые не позволяют тебе думать ни о смерти, ни о жизни». Мицкевич делает на это обстоятельство тонкий намек.

Взгляни в мои глаза, иль ты не веришь им?
Но может ли порок быть смелым и прямым?
И разве это грех – беседовать с любимым?

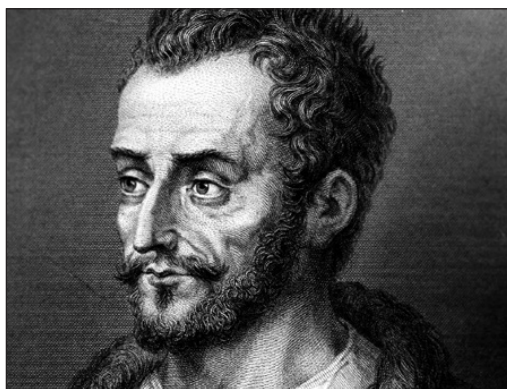
Синдром Данте, прошедшего все круги ада, для того чтобы добраться до немислимых высот ради взгляда своего неземного ангела. Этот порыв Мицкевич проявляет в виде мольбы Всевышнему, могущему даровать ему силы для достижения сокровенной цели.

Святой Августин

О, если б небеса мне подарили крылья,
Что рвутся в вышину, как дух мятежный мой,
Все ветры б одолел, без усталости парил я
И долетел туда, где взор сияет твой.

Эти строки из стихотворения (не сонета) «Моей приятельнице», написанного шестистопным ямбом, – классический размер сонета. Они ясно свидетельствуют о приверженности к ренессансной мысли. Сила любви безгранична: она не просто способна позволить тебе преодолевать всевозможные стихии и капризы – *все ветры* – природы, но и преобразить тебя: превратить в ангела, о чем повествует первая строка этого стихотворения. Действительно, Ангела может быть достоин только Ангел. Не этим ли обстоятельством были опечалены боговдохновенные вершители рифм, когда видели в своей даме сердца небесное создание.

Пьер де Ронсар

Чиста, как лучезарное светило,
Меж двух влюблённых донна шла, и с ней
Был царь богов небесных и людей,
И справа я, а слева солнце было.

Не удивительно... ведь нужно было быть достаточно дерзким, чтобы позволить себе стать, идти рядом с таким лучезарным созданием. В вышеприведённых сонетных строках Франческо Петрарка пытается скромно поведать о своем тайном страстном желании. Но тут же во всеуслышание признаётся, что оказался достойным такой высокой чести. Более того, он занял видное место на Олимпе.

Я ревновал, что рядом – Аполлон,
Но ревность мигом радостью сменилась,
Когда соперник мой был посрамлён.

У Мицкевича явно ощутимо это *тайное страстное желание* преобразиться в ангела в сонете «Добрый день!», но, в отличие от маэстро Франческо, он не блистает среди богов-олимпийцев, а робко ждет решения, которое примет его богиня. Ведь её дух и здесь, и там – «в селеньях рая».

День добрый! Протяни мне руку! Иль не стою?
Велишь – и я уйду! Но...

В сонете «Прощание» он признаётся, что не в силах тягаться с олимпийцами, чтобы покориť свою подругу, которая играла на чувствах поэта в желании получить от него мадригал.

Нет, музу не купить! Мечтал я, чтоб венком
Тебя парнасская богиня увенчала.

Восхождение к священной горе – цель недостижимая, более того, сам процесс восхождения напоминает Сизифов труд. Поэт осознаёт, ощущает это, пытаясь воздвигнуть своей музе мадригал.

Но с каждой рифмой я скользил в пути крутом,
И стих мой каменел при имени твоём.

Резюмируя, отметим, что любовная поэзия занимала в творчестве Адама Мицкевича, как и в творчестве классиков мировой литературы, значимую роль. Используя свое мастерство слова и формы, они могли представить это явление в самых разнообразных образах, придавая ему характерный для своего времени дух. Любовь представляла мучительницей, губительницей, спасительницей, рабством, стимулом для стремлений к высшим сферам. Ведь красной нитью через сердца и умы многих творцов средневековья к современности польского поэта проходит жгучий призыв

создателя «Божественной комедии»
Любовь, что движет Солнца и Светила.

Мицкевич остаётся верен принципам ренессансных поэтов: сонет – это и есть та форма, с помощью которой можно поведать своим потомкам тайну, скрытую от пытливого взора. Поэт – герой, который записывает ход земного времени, с присущими ему пороками и добродетелями. Подлинным героем же является его муза, которая увлекает его в мир неведомых страстей. И он оставляет своим

наследникам этот трогательный призыв о заветном примирении, без которого жизнь, любовь и смерть потеряли бы для человека свой сокровенный смысл.

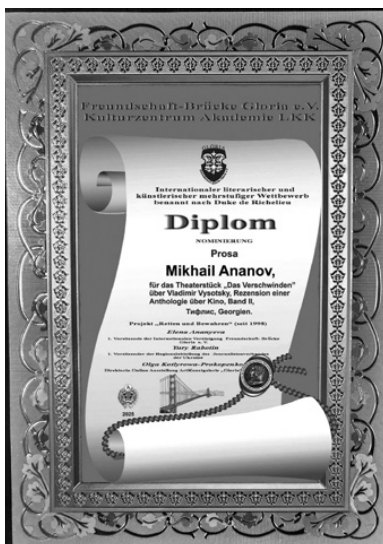
Уильям Шекспир и Энн Хататуй

Но в небе знают всё, как люди б не скрывали,
И там ведется счёт всем подвигам твоим:
Пером из хрусталя на каменной скрижали
Записывает их вседневно херувим.

Духом петраркизма были проникнуты произведения многих ренессансных поэтов как времён самого Петрарки, так и верных последователей его школы. Они развивали мысль Возрождения, проявляя её в поэтическом формотворчестве, что, в первую очередь, проявилось в приверженности к сонету. Отражая дух времени, диалектика сонета давала ответ на многие религиозные, исторические и философские вопросы и, естественно, открывала неограниченное пространство любвеобильному сердцу поэта. Адам Мицкевич, в чьем творчестве Петрарка сыграл значимую роль, сумел в сонете, как поэт-мыслитель, тонкий лирик, человек глубоко преданный своей Родине, проявить все богатство человеческой души.

Мы посчитали своим долгом отметить влияние на современную для Адама Мицкевича литературу других виднейших представителей Возрождения. Владеющие множеством приёмов поэтической формы, они порой достигали небывалых высот гармонии звука и смысла. А ведь они действительно пытались «найти идеальную последовательность звукоряда, чтобы постичь первоисток всего *сущего*».

Эдгар По в «Философии творчества» делает весьма необходимый для поэтики свой характерный акцент на этом явлении. Подвергая аналитическому рассмотрению те или иные грани бытия, а впоследствии, синтезируя выявленные им положения, он приходит к выводу, что «смерть прекрасной женщины, вне всякого сомнения, является наиболее поэтическим предметом на свете; в равной мере не подлежит сомнению, что лучше всего для этого предмета подходят уста её убитого горем возлюбленного».

Диплом в номинации «Проза» престижного международного конкурса имени Дюка Ришелье за рецензии книг, где собраны статьи, воспоминания и описания событий из жизни звёздного состава актёров театра и кино, а также эпизоды из творческой деятельности Владимира Высоцкого.

Организаторы - Академия ЛИК (Литература, искусство, коммуникация) и Содружество деятелей литературы и искусства «Gloria».

Иванэ Ментешашвили

ГЕРОЙ, ИСТОРИЯ И ПОЭЗИЯ

257 лет тому назад умер человек, который в свое время пытался заполнить собой историю, весь мир. Наполеон, ушедший в небытие, по прежнему заставляет задуматься о себе. Уже при его жизни о нём написаны тома, поставлены спектакли, а в наше время сняты кинофильмы. Но при всем изобилии источников, повествующих об этом замечательном человеке, нельзя не восхищаться теми произведениями, где предельно кратко и в то же время исключительно правдиво, образно и в то же время красочно переданы самые существенные стороны эпохи, которую справедливо называют наполеоновской.

Указывая на единство истории и поэзии, замечательный русский критик В. Г. Белинский в качестве примера для своего обобщающего положения сослался именно на Наполеона, указывая, что Наполеон лицо поэтическое не только под Тулоном, в Египте, под Аустерлицем, под Маренго, но и в Москве, и на острове Эльба, и при Ватерлоо, и на острове Св. Елены, и в доме инвалидов в Париже.

Наполеон, его личность и деяния самым замечательным образом отражены в русской поэзии XIX в. В обширной тематике, где каждое произведение состязается друг с другом в глубине художественно-философского осмысления вопроса, можно выделить стихи, сочетающие в себе историческую правду, высокую художественность образов и красоту формы.

Ссылаясь на отражение принципов историзма в поэзии, на их представление в поэтической форме, мы хотим обратиться к трём стихотворениям. Это «Бонапарт» Волошина, «Наполеон» Тютчева и «Герой» Пушкина. Каждое из этих замечательных творений служит образцом раскрытия различных историко-философских

принципов. Если искусство отображает мир в определённом аспекте, с точки зрения задач конкретной деятельности человека, то эти произведения пленяют глубиной отражения

исторической ситуации, места и роли, которую выполняют конкретные исторические личности в указанных событиях, и высокой художественной формой изложения.

«Не будь Руссо, не было бы революции, не будь революции, стало быть, не было бы и меня». Эта фраза, произнесённая в своё время Наполеоном, ещё раз подтверждает историко-философский тезис о том, что великие исторические события не являются случайно или вдруг, а являются необходимым результатом предшествовавших событий.

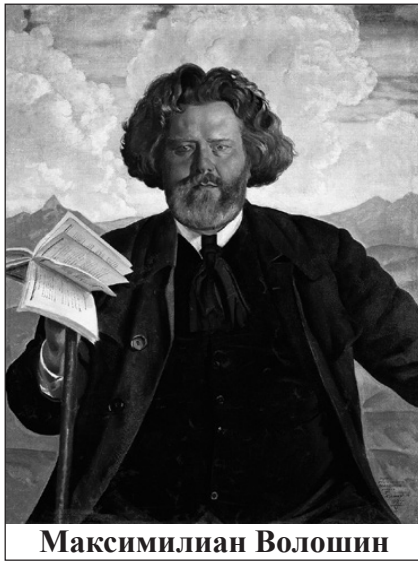
Наполеон Бонапарт

Поэтому историю Наполеона следует раскрывать с осмысления революции, противостояния Горы и Жиронды, террора и т.д.

Наполеон, порожденный революцией, ее детище, единственный, кому удалось взнудать это бурное, потрясшее весь мир явление, чей стремительный, бурный и кровавый поток сметал все на своем пути, являет собой образец того, как в недрах одного явления незаметно появляется герой, которому суждено взять бразды правления в свои руки. Революционные бури, буйные страсти разъяренной массы, порой переходящие в самые жестокие и ужасающие действия, должны были смириться перед «посланником провиденья», как называл его Пушкин.

Именно эта идея раскрыта в стихотворении Максимилиана Волошина «Бонапарт», написанном в 1917 г. Мастерски лаконично, не убавляя яркости при изложении отдельных моментов исторического события и описании портретов его участников, поэт дает полную картину падения монархии во Франции 10

августа 1792 г. Поразительны яркость и мощь описания штурма королевского дворца, сопряженных с этим событий, и характеристика участников этого великого политического потрясения. Здесь и Марат, наводивший на всех страх своими ультра-левыми лозунгами; еще не обретший уверенности в себе Робеспьер, противопоставлявший врагам революции пока только лишь пропаганду республиканских добродетелей; Жиронда, выжидавшая и даже в какой-то степени дрогнувшая, ибо жирондисты чувствовали, что почва ускользает у них из под ног, потому что ставка Жиронды на короля провалилась. Венчает же этот групповой портрет поистине несравненная в плане художественного образа

Максимилиан Волошин

фраза «...водоворот взметенных толп и львиный зев Дантона». В этих строках с исключительным мастерством передана бурная и в то же время неустойчивая политическая обстановка, за которой последовали интервенция коалиции европейских держав, падение Лонгви и Вердена, набор добровольцев и знаменитый, буквально ставший легендой клич Дантона: «Смелость, смелость и ещё раз смелость!» как главное средство спасения отечества.

На фоне этого грандиозного потрясения, объёмого одновременно заревом свободы и крови, полного радужных надежд и порой самых безумных страстей, вырисовывается образ человека, затерянного в толпе. Он сохраняет спокойствие, навеянное провидением, чья всемогущая длань простёрлась над ним. Поэтому он сохраняет хладнокровие. А то, что он незамечен ни кем, еще более усиливает завесу таинственного предопределения. И наверное именно поэтому, что на него возложена миссия усмирить буйство толпы, ее бурные страсти, герой в мастерски изложенном заключении поэта «Досадует, что нету под рукой двух батарей рассеять эту сволочь».

Наполеон Волошина – это вовсе не один из многочисленных и даже почти что незамеченных персонажей революционных бурь. Его предшественники с калейдоскопической скоростью сменяли друг друга на политическом небосклоне. Ускорившая во времени события революция в то же время не щадила порожденных ею же деятелей и в силу принципов эгалитаризма сметала с политической авансцены любого,

кто хоть немного прельщался жаждой возвышения. В стихотворении Волошина в тех строках, в которых описывается Наполеон, содержатся философские обобщения, которые придают конечному отрезку произведения мощь завершающего аккорда. Покров таинственности полностью соответствует принципу, согласно которому гений остаётся неуловимым в своём основании и необъяснимым в своей сущности. Вглядываясь в описанного Волошиным героя, мы улавливаем, что на фоне всех вышеуказанных событий его образ носит характер того деятеля, который, придав различным новшествам связанность, стройную форму и определённое направление, будет ожидаемым великим человеком.

Волошин наводит нас на историко-философское положение, согласно которому великий человек не выдумывает себе дело, но находит его во времени, в известном моменте диалектического движения мысли, исторически развивающейся в событиях. Он ждёт своего часа, он не опережает события. Наполеон наверно мог стать вожаком какого-либо движения в каком-либо конкретном моменте, но его величие состоит хотя бы только в том, что он не измельчал, не стал гоняться за «мелкой добычей» в потоке общественных бурь. Ведь сразу после Тулона ему была предложена должность командующего Парижским гарнизоном. «В Париже труднее снести голову, чем в армии. Еще не время. Потерпите. Я позже буду командовать Парижем», - ответил Наполеон на вышеуказанное предложение Огюстену Робеспьеру. Ну а позже, почувствовав, что «груша созрела», он, не колеблясь, сделал решающий шаг, и на этот раз революция в лице «новорожденной свободы» вдруг онемев, лишилась сил», почувствовав железные объятья своего отпрыска.

Именно детищем революции является для Тютчева Наполеон в одноименном стихотворении. Всего лишь в пяти строках с удивительным мастерством собраны воедино присущие Тютчеву «знойная страсть, суровая энергия и глубокая дума». Благодаря этому как бы одним росчерком пера дан исключительно емкий и точный своей эпохальной сущностью портрет Наполеона. Но сын революции «...с матерью ужасной отважно в бой вступил и изнемог в борьбе». Эта борьба была направлена против тех постоянных судорог, которыми изобилова-

ла общественно-политическая жизнь Франции в 1789–1800 гг. Постоянные восстания, перевороты, чистки государственных учреждений и неумолимо возвышавшаяся над всем этим «Национальная бритва», как в народе называли гильотину, делали жизнь до предела тревожной. Это была вакханалия, в которой переплетались страх, вызванное у неимущих крайней нуждой беспредельное отчаяние, а у нуворишей неумная жажда прожигания жизни. Наполеон вступил в борьбу с этой постоянно сотрясающейся силой с целью упорядочить ее и направить в определенное русло.

Здесь Тютчев абсолютно точно передает то историко-философское положение, согласно которому Наполеон обуздал и дисциплинировал революцию, чтобы побить соединенные силы всей Европы. Но это не было результатом только лишь его умонастроений, пусть даже агрессивных. Уже во время революции Национальное собрание стало выдвигать воинственные лозунги. Речи жирондистов были полны воинственного пафоса, и даже Робеспьер не остался в стороне и требовал войны не на живот, а на смерть. Но что примечательно, тот же Робеспьер искал генерала, «непоколебимого защитника народных прав»! Следовательно, воинственно настроенная Франция искала защитника в войне! И поэтому, явившись, он снискал всеобщее признание! Франции нужен был повелитель, как писал современник Наполеона философ и моралист А. да Ривароль. Франция приняла именно его, почувствовав, что обретёт желаемое в его железных объятиях. И не было ему равных, хотя бы среди коллег, т.н. «поборников свободы» вроде Бернадотта (который, кстати, не возражал стать наследным принцем шведским, каковым его сделал тот же Наполеон), ибо все подчинились ему, хотя могли с ним разделаться. Именно поэтому вся Франция и чуть ли не вся Европа в течение почти двух десятков лет следовали за ним

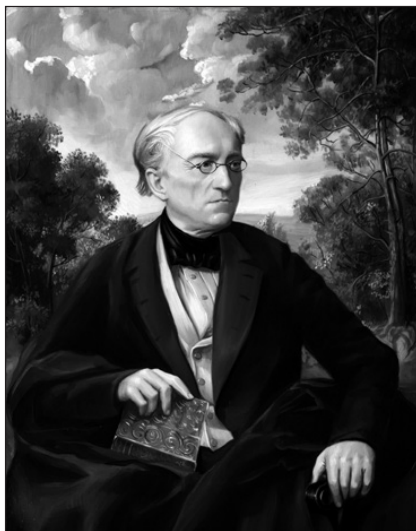
в его порой невероятных предприятиях. Революционный пыл был излит вовне, чтобы разрядить накал изнутри. Но эта попытка разрядить внутренний накал, эта неугасаемая воинственность оказались такими же всепоглощающими, как и революционный террор внутри страны. Воинственность, как внутренняя, так и внешняя, поглотила тех, кого она породила.

Революция-мать поглотила своих же детей.

В какой-то степени можно сказать, что революция, а именно её внешнее выражение, война, не пощадила и своего сына, «чудесного баловня побед», сыграв с ним злую шутку. Взрастив Наполеона, революция не простила ему его безудержное и головокружительное возвышение. Но в отличие от его предшественников, которых она косила одного за другим, Наполеона, этого баловня, она настигла 22 года спустя после Тулона, при Ватерлоо. В результате затерянный в океане остров и прикованный к нему Прометей нового времени «мучим казнью покоя». Удел, поистине достойный романтического героя, нечто вроде байроновского Франсуа Боннивар, запечатлённого в «Шильонском узнике». Поэтому столь сильно чувствуется горечь в словах Тютчева: «Не одолел ее твой гений самовластный!.. Бой невозможный, труд напрасный! Ты всю ее носил в себе!»...

Видение поэтом личности, ее эпохи выходит далеко за пределы внешней стороны явления. Тютчев мастерски постигает личность Наполеона и эпоху, его породившую. Он исключительно философски уловил трагедию великой личности, состоящую не в одном каком-то военном поражении, а в крушении надежд героя повлиять на ход истории больше того, чем это определено ему верховной волей providения. Именно поэтому стихотворение Тютчева проникнуто горечью благородного сочувствия. Здесь в поэтической форме передано то положение, согласно которому поражение великой личности вызвано тем, что честолюбие переживает умственную силу, не пощаждённую возрастом, или же опьянение увлекает героя на невозможные предприятия.

И вот приговор истории свершился. Герой, бросивший вызов велению времени, усмирен, причем самым невероятным образом. Его необъятная, неисчерпаемая романтическая энергия обречена на бездействие. Он казнён покоем. И поэтому вслед за столь динамичными событиями и могучими страстями в стихотворениях Волошина и Тютчева нельзя не обратиться к столь характерному для Пушкина всеобъемлющему, буквально всеохватывающему созерцанию личности Наполеона в стихотворении «Герой». Эпопея кончилась,

Фёдор Тютчев

страсти улеглись. Так что же остается истории и человечеству? Чем Наполеон, по мнению Пушкина, может запомниться человечеству? От всеохватывающего взора великого поэта не ускользает ничего. Ни легендарный подвиг Наполеона на Аркольском мосту, когда он подхватил знамя и увлек в атаку войска, тем самым решив исход битвы в пользу французов; ни его триумф на равнинах Италии или у пирамид; ни наделение себя единоличной властью и даже взятие Москвы. Мудрость подхода великого художника поразительна! Он предлагает читателю задуматься над самыми разнообразными свершениями, причём подчас диаметрально противоположными, ибо абсолютно разные чувства и мысли могут вызывать такие события, как Арколэ и Москва, хотя бы у русского читателя. Но великий

Александр Пушкин

поэт не прибегает к каким-либо ограничениям и позволяет читателю обозреть всё. Можно сказать, что в данном случае он придерживается принципа, что «Только великие люди могут иметь великие недостатки», и что «Надеяться, что великие люди не будут иметь никаких страстей, никаких недостатков, значит предаваться наивному восхищению перед ними, которого далеко не заслуживает наша человеческая природа».

Обычно, измеряя величие человека, мы судим зараз не только его самого, но и его среду. Да, за Наполеоном стояла Франция, с её революционными и военными страстями, жаждой славы и некой гордостью за то, что именно его был провозглашён знаменитый лозунг «Свобода, равенство, братство!» Поэтому планы Наполеона нашли благодатную почву в умонастроениях французов. Но в данном случае читателю предлагается виденье Наполеона не как результат определённой общественно-культурной и исторической среды, а как творения своего собственного духа, благодаря чему деяния героя принимают исключительно индивидуальный, личностный характер, ибо осмысливаются как могущие быть присущи только лишь этой конкретной личности. Выигранные сражения, необъятные империи, самодержавная власть, все эти моменты присущи любому великому полководцу, завоевателю, властелину. Поэтому, перечисляя разнообразные свершения героя, поэт преподносит нам на обозрение поступок, чем

еще раз доказывает, сколь неисчерпаемы могут быть для гения критерии оценки личности и какого многостороннего подхода требует осмысление личности героя.

Наполеон, во время египетского похода, в госпитале пожавший руку чумному, чтобы поддержать твердость духа солдат, вот истинный герой для Пушкина: «Клянусь: кто жизнью своей играл пред сумрачным недугом, чтоб ободрить угасший взор, клянусь, тот будет небу другом, каков бы ни был приговор Земли слепой». Поистине замечательный образец умения гениального художника постичь многогранность другого гения и оценить его. Ибо здесь даётся своеобразное пояснение того, почему Наполеон овеян таким романтическим ореолом, в отличие от других полководцев, завоевателей и самодержцев. И де-

лает это поэт, который является великим патриотом своей страны, которую Наполеон, в свою очередь, пытался поставить на колени. Можно сказать, что Пушкин неимоверно возвышается при выборе критериев оценки героя. Помня, что его «именем кровавый мир долго, долго будет полн», он обращает внимание на вышеуказанный поступок и скорее не для того, чтобы обелить или вознести героя, а возвысить читателя и сделать из повседневности истории явление, достойное внимания будущих поколений.

Но как же суд истории, строгий и порой беспощадный? Могут возразить, что тут отдаёт «наполеоновской легендой». Но всякий герой олицетворяет страну, явление и народ, его породившие. Так и Наполеон, «сын революции», носил её светотени. И говоря о его «матери ужасной», мы, в первую очередь, должны думать о том, что они оставили человечеству, а не чего его лишили. Иначе уделом истории остались бы «дела скучно серьёзные и сухо важные». Наполеон и соответствующий к нему подход позволяют ощутить «биение пульса мировой жизни». Поэтому мудры и бессмертны строки Пушкина: «Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман. Оставь герою сердце, что же он будет без него? Тиран!» Гений может быть понят, оценен и описан именно гением. И только тогда может быть создан животрепещущий образ, достойный внимания последующих поколений.

Гульнази Данелия

«...ГРАЖДАНИНОМ БЫТЬ ОБЯЗАН»

Вся история человечества велика и трагична. Человек всегда стремился к лучшему. К лучшей жизни, к счастливому и безбедному существованию. Все войны, все революции и даже семейные споры происходят из-за непонимания, нежелания услышать, уступить, осмыслить происходящее. А что потом? Эгоизм человека, его самовлюблённость, стремление править миром и людьми. «История народов есть шкала человеческих бедствий, деления которой обозначаются революциями», - утверждал Ф. Шатобриан. В каждой последующей революции обязательно возникали идеи пересоздания несовершенного общества, а идеал справедливости оставался недостижим.

Образ рая, взятый из Откровения Иоанна Богослова, стал символом революционного переустройства общества. И идеи справедливого социального устройства играли огромную роль в умах людей.

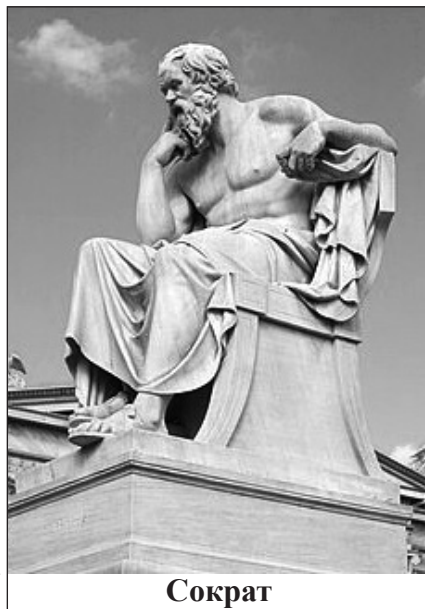
Люди ещё до нашей эры стали осознавать разницу между порядком земным и небесным и стремились преобразовать человека и общество в соответствии с высшими нормами. Сократ (469 – 399 г. д.н.э.) провозгласил главной задачей для человека нравственное совершенствование, которое позволит ему приблизиться к небесной красоте и гармонии. И этот путь лежит через знания, в том числе и знание самого себя, своих недостатков, невежества. Сократ говорил: «Познай самого себя».

Учеником и последователем Сократа был Платон (429 – 347 г. д.н.э.), основавший в Афинах Академию – философскую школу, объединившую его учеников. В трактате «Государство» Платон разработал подробный план такого совершенного полиса. Утопия Платона оказалась весьма суровой и безрадостной. Аскетический, уравнилельный полис Платона напоминал спартанское общество.

II век до нашей эры ознаменовался победой Рима над Грецией. Рим в I и II в. д.н.э. стал мировой державой. Открытый доступ к сокровищам греческой культуры чрезвычайно обогатил духовную жизнь Рима. Сами римляне осознавали отличие своей культуры и государственности от греческой. Знаменитый оратор Цицерон (106 – 43 г. д.н.э.), считая важным изучение греческой философии, указывал, что некоторые её положения римляне принять не могут.

В эти беспокойные годы стала зарождаться новая форма правления, разрушившая принципы республиканского строя, – единоличная власть диктатора. Первым диктаторской власти добился талантливый полководец Сулла, вторым – Цезарь (100 – 44 г. д.н.э.), чья слава военачальника и стратега пережила века. Окончательно имперская единоличная власть установилась в 27 г. д.н.э., когда Октавиан, родственник Цезаря, получил от сената звание пожизненного императора, а также титулы августа, т. е. возвеличенного божеством и сына бога, как это было и в восточных деспотиях.

Октавиан Август получил всю полноту власти и очень мудро пользовался своими полномочиями. Он хотел воскресить древнюю чистоту нравов и ввёл законы об ограничении роскоши, суровые наказания ждали всех, кто был виновен в супружеской неверности. Император

Сократ

лично подавал пример мягкого, гуманного обращения с рабами. Не забывал он и об укреплении имперской власти: расширял административный аппарат, под его началом были специальные войска, которые поддерживали порядок в Риме и на границах. Империя переживала взлёт, высокого расцвета достигла римская литература (Овидий, Вергилий, Гораций, Тибулл). Август был покровителем искусства и науки. Современники воспринимали эту эпоху как золотой век.

Однако после смерти Августа (14 г.н.э.) стало очевидно, что созданная им система правления не столь уж совершенна. В императорском Риме основой власти считалась законность. Совершенствовалось законодательство, и его взяли за основу многие современные правовые системы.

Греко – римский мир вступал в эпоху, которую уже пережили многие восточные цивилизации, - эпоху перехода к религии спасения. Христианство было потрясением духовных основ жизни Рима, оно принесло принципиально иные идеалы, иные нормы поведения.

Христианство ориентировало человека на самосовершенствование и переустройство земной жизни в соответствии с божественным идеалом. Требование человечности стало главным в оценке общества, оно обличало жестокость, корыстолюбие, несправедливость, лицемерие и извращённость римского общества. Христианская критика была более разрушительной: идея «вечного Рима» сменилась идеей вечного «Царства Божия на земле», торжества истины и справедливости. Наконец в 313 г., в эпоху правления Константина, христианство было официально признано как одна из религий империи.

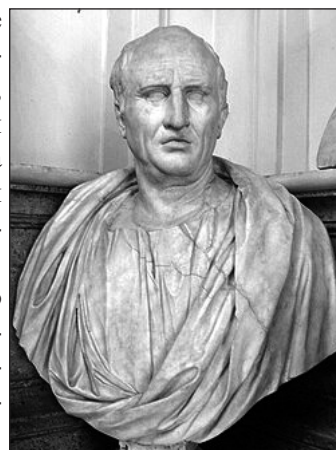
Рим постепенно терял роль центра, и в 330 г. император объявил новой столицей Константинополь (на месте греческой колонии Византии). А в 395 г. империя распалась на Восточную и Западную части. Под натиском Великого переселения народов создавались первые варварские королевства на территории Римской империи. В 476 г. варварами – наёмниками был низложен последний римский император, и Западная Римская империя прекратила своё существование. И только на рубеже VIII-IX вв. появилась идея политического единства Европы, – центром которой стало Франкское королевство. В 800 г. папа Лев III короновал Карла Великого (768 – 814 г.) и провозгласил его римским императором. Но империя была непрочна. А в 962 г. германский король Оттон I (936 – 973 г.) добился коронации в Риме. Так была создана Священная Римская империя.

Новый тип государств, которые стали появляться в Европе с конца XII в., получил название сословно – представительной монархии, власть провозглашала, что она выражает «общую волю» и обеспечивает «общее благо». Результатом соглашения между властью и сословием стали представительные собрания: парламент в Англии, Генеральные Штаты во Франции, кортесы в Испании, риксдаг в Швеции. Тогда же и появилась знаменитая формула средневековой демократии: «что касается всех, должно быть одобрено всеми».

В XVI – XVII в. привычная средневековая картина мира стала разрушаться. Свой вклад в этот процесс внесли Великие географические открытия. В 1456 г. португальские корабли добрались до Зеленого мыса, а в 1486 г. экспедиция Б. Диаса обогнула Африканский континент с юга, в 1492 г. Христофор Колумб в поисках пути в Индию открыл новый континент - Америку. Открытия следовали одно за другим: в 1498 г. испанский путешественник Васко да Гама, обогнув Африку, привёл свои корабли к берегам Индии. С XVI в. европейцы проникают в Китай и Японию. С 1510 г. начинается завоевание Америки (Конкиста). В XVII в. была открыта Австралия. Изменилось представление о форме земли: кругосветное путешествие португальца Ф. Магеллана (1519 – 1522 гг.) подтвердило догадку о том, что она имеет форму шара.

Границы мира как бы раздвинулись. Торговые пути теперь пролегали через океаны, связывая между собой континенты. Встреча различных культурных миров принесла населению вновь открытых земель мало хорошего. Племена майя, ацтеков и инков, живших в Америке, уже имели свою государственность, но по уровню цивилизованности неизмеримо отставали от Европы. В процессе колонизации, которая продолжалась примерно до середины XVII в., эти древние цивилизации погибли.

Из-за недостатка рабочих рук в Америку стали ввозиться негры. Португалия, Голландия, Англия и Франция реанимировали работорговлю. Иначе сложились отношения Запада с древ-

Цицерон

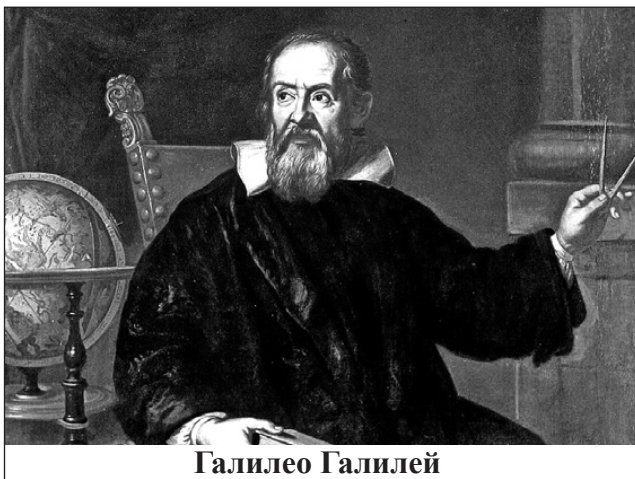
ними высокоразвитыми цивилизациями Китая, Японии и Индии. Они просто закрыли свои страны, запретив въезд иностранцам.

Перелом, происшедший на исходе средневековья, произвел своего рода революцию в умах, научная мысль Европы переживала невиданный взлёт. Мир раскрылся перед человеком в иных красках, в ином измерении. Многие традиционные представления о нём были опровергнуты наукой. Такие изменения были бы невозможны без рывка в технике и в естественных науках. Развивалась астрономия, использование компаса привело к изучению магнетизма. Появились гидрометр, ртутный барометр, телескоп и микроскоп. Приборы расширили границы мира. Ручной труд стал вытесняться машинным. Был изобретён и печатный станок.

Особое место по воздействию на умы людей занимает гелиоцентрическая теория польского учёного Н. Коперника (1473 – 1543 г.), которая дала новое видение Вселенной и новое понимание места в ней Земли и человека. Раньше центром мира считалась неподвижная Земля с обращающимися вокруг неё светилами. Теперь точка отсчёта сместилась. Земля превратилась в ничтожную пылинку в космосе. Картина мира стала сложной. Идею Коперника подтвердили его последователи – итальянский мыслитель Дж. Бруно (1548 – 1600 г.) и астроном, физик Г. Галилей (1564 – 1642 г.). Какова была реакция? Открывавшаяся бесконечность Вселенной внушала растерянность. Французский философ XVII в. Блез Паскаль писал: « Вечное молчание этих бесконечных пространств поражает меня...»

Французский математик и физик Рене Декарт (1596 – 1650 г.) создал новую картину мироздания и вывел законы, которые им управляют. При этом он основывался на данных естественных наук, вводя их в философию. Мир представлялся ему огромным механизмом, движение которого определено Богом – «великим геометром», как называл его Декарт.

Английский учёный и политик Ф. Бекон (1561 – 1626 г.) в своём знаменитом труде «Новый Органон» доказывал, что природу и окружающий мир следует изучать, доверяя только опыту и научному эксперименту. Ему принадлежит идея о том, что наука даст человеку власть над миром, изменит жизнь и даже общественные отношения. Все эти открытия произвели своего рода революцию в духовной жизни Западной Европы. В XV – XVI в. два явления в культуре – Ренессанс и Реформация – формировали новый взгляд на человеческую личность. Культура эпохи Возрождения – это появление гуманизма. Поэт Ф. Петрарка (1304 – 1374 г.) и писатель Дж. Боккаччо (1313 – 1375 г.) хотели создать прекрасную человеческую личность, свободную от предрассудков. Художники стали видеть мир иначе, Рафаэль Санти (1483 – 1520 г.), Леонардо да Винчи (1452 – 1519 г.), Микеланджело Буонарроти (1475 – 1564 г.) воспевали своим творчеством совершенную личность. Рисуя идеал человеческой личности, деятели Возрождения подчёркивали её доброту, силу, героизм, способность творить и создавать вокруг себя новый мир. Непременным условием для этого итальянские гуманисты Лоренцо Валла (1407-1457 г.) и Л. Альберти (1404-1472 г.) считали накопленные знания, которые помогают человеку сделать выбор между добром и злом. Личность сама избирает свой жизненный путь и сама отвечает за свою судьбу. Ценность человека стала определяться его личными достоинствами, а не положением в обществе.

Галилео Галилей

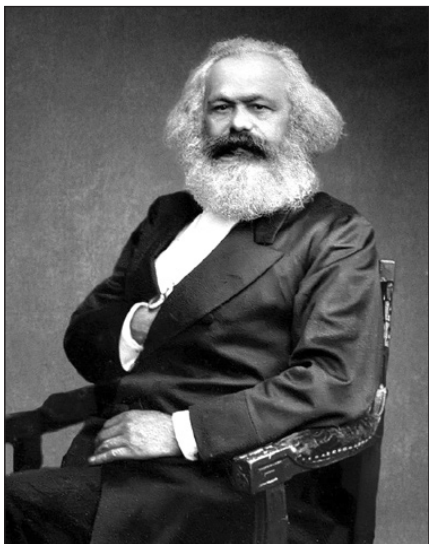
Наступала эпоха стихийного и бурного самоутверждения личности. Это было время титанизма, который проявился и в искусстве, и в жизни. Достаточно вспомнить героические образы, созданные Микеланджело, и самого их творца – поэта, художника, скульптора. Люди, подобные Микеланджело или Леонардо да Винчи, являли собой реальные образцы безграничных возможностей человека. Леонардо да Винчи автор многочисленных открытий, проектов, экспериментов, исследований в области математики, естественных наук, механики, отстаивал решающее значение опыта в познании природы, от разработки механических приборов до устройства летательных аппаратов. Человек титанической силы ума и духа, человек, опережающий время, видевший будущее.

После эпохи Возрождения в Западной Европе начался третий духовный переворот, практически полностью покончивший со средневековой системой ценностей. Эпоху назвали Веком Просвещения. Просвещение было мощным интернациональным идейным движением. Дж. Локк в Англии, Вольтер, Ж. Ж. Руссо, Ш. Монтескьё, П. А. Гольбах, К. А. Гельвеций, Д. Дидро во Франции; Г.Э.Лессинг, И.Г.Гердер, Ф. Шиллер, И. В. Гёте, Иммануил Кант в Германии; Т. Джефферсон, Б.Франклин, Т. Пейн в США; Н.И.Новиков, А.Н.Радищев в России.

Деятели Просвещения боролись за установление «царства разума», основанного на естественном равенстве, политической свободе и гражданском равенстве. Мечтая о новом обществе, просветители считали своим главным делом рассеять тьму предрассудков и невежества. С этой целью была создана для духовного просвещения народа и правителей «Энциклопедия наук, искусств и ремёсел». Огромный многотомный труд, который выходил много лет (1751 – 1776 г.) под редакцией Д. Дидро и Ж. Д. Амамбера. Она охватывала самый разнообразный материал по вопросам политики, морали, искусства, техники, философии, сельского хозяйства и т.д. В популярной форме она должна была дать новую систему представлений о мире, воспитать нового человека.

Идеи просвещения достигли и Нового Света. Американская Декларация независимости Т. Джефферсона (1776 г.) – первая в мире декларация прав человека – была вдохновлена философией просветителей. «Мы считаем следующие истины самоочевидными, что все люди созданы равными, что они наделены Создателем известными неотъемлемыми правами, среди которых – право на жизнь, на свободу и на стремление к счастью; что с целью обеспечения этих прав люди создают правительства...». С этими словами перекликается текст французской Декларации прав человека и гражданина (1789 г.), пронизанной идеями свободы, равенства и братства. Люди рождаются свободными и равными в правах, цель общества в том, чтобы обеспечить общее благосостояние».

Вера в прогресс и возможность переустройства общества продолжала существовать. Как достичь социального идеала? Их провозгласили социалисты – утописты Сен – Симон (1760 – 1825 г.), Шарль Фурье (1772 – 1837 г.) и Роберт Оуэн (1771 – 1858 г.). Сен – Симон полагал, что главное избавить общество от «балласта», людей которые ничего не создают. В современном мире жизнь определяется людьми труда и должна принадлежать учёным и промышленникам. Фурье видел коммуны – фаланстер, где для общего блага будет использоваться всё, что имеют люди: - талант, знание, богатства, умение трудиться и т.д. На волне философии равенства появилось новое направление – марксизм.

Карл Маркс

Основоположники марксизма К. Маркс и Ф. Энгельс выделили в историческом процессе классовую борьбу. Марксизм сыграл важную роль в развитии социал – демократического и рабочего движения. Создание первого Интернационала – международного содружества рабочих (1864 г.) было важным шагом. Социалистические учения и марксизм ставили целью изменение прежде всего социально – экономических отношений и считали человека их продуктом.

А моральные ценности человека, а сам человек? Всё для блага человека, всё для него. Но какой ценой? Ещё Томмазо Кампанелла (1568 – 1639 г.), итальянский философ, политик, 27 лет провёл в тюрьмах, где создал десятки сочинений по философии, политике, астрономии, медицине и т.д. Но главным детищем его было произведение его мечты в форме рассказа мореплавателя об идеальной общине, руководимой учёно – жреческой кастой и характеризующейся отсутствием частной собственности, семьи, государственным воспитанием детей, четырёхчасовым рабочим днём, развитием науки и просвещения. Так он представлял идеальное общество, где и труд, и учёба, и жизнь в радость, и где все равны. Монах – доминиканец обвинялся в еретических учениях, мечтая о городе солнца.

А что сегодня наше Солнце? Светило нас стало возмущать своими выбросами плазмы, магнитными бурями, влияющими на всё живое. Просыпаясь, человек, глядя в окно, смотрит, что там с погодой? А какова «погода в доме?», что с погодой в нашем общем доме- Земле, пожары, засуха, ураганы, смерчи...

Мы вглядываемся в прошлое ради будущего. Сравниваем, делаем выводы, помним....

Вторая мировая война закончилась в 1945 г. атомной бомбардировкой американцами японских городов Хиросима и Нагасаки. Мир вздрогнул. Несмотря на огромные человеческие потери и разруху, у отдельных людей появляется жажда посеять хаос на земле, и это подтверждается знаменитой речью шефа ЦРУ Аллена Далеса в 1945 г.:

“Посеяв там [в СССР] хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Как? Мы найдем своих единомышленников, своих союзников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания. Из литературы и искусства, например, мы постепенно вытравим их социальную сущность, отучим художников, отобьем у них охоту заниматься изображением, исследованием тех процессов, которые происходят в глубинах народных масс. Литература, театр, кино – все будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых “художников”, которые станут насаждать и вдальблывать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства – словом, всякой безнравственности. В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху. Мы будем незаметно, но активно и постоянно способствовать самодурству чиновников, взяточников, беспринципности. Бюрократизм и волокита будут возводиться в добродетель. Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркомания, животный страх друг перед другом и беззастенчивость, предательство и вражда народов, прежде всего вражда и ненависть к русскому народу – все это мы будем ловко и незаметно культивировать, все это расцветет махровым цветом. И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмешище, найдем способ их оболгать и объявить отбросами общества. Будем вырывать духовные корни, опошлять и уничтожать основы народной нравственности. Мы будем расшатывать таким образом поколение за поколением. Будем братья за людей с детских, юношеских лет, главную ставку всегда будем делать на молодежь, станем разлагать, развращать, растлевать ее. Мы сделаем из них циников, пошляков, космополитов”.

Штаб-квартира ЦРУ

Знаменитая речь Аллена Даллеса была ответом на победу и сплоченность, единение и высокий моральный дух советских людей, в войне победивших фашизм. 80 лет агенты ЦРУ и коллективного Запада пытаются вырвать у нас духовные корни, уничтожить основы нравственности, расшатать дух человечности и человеколюбия. Но мы не дадим, мы выстоим потому, что мы люди, и мы любим свою страну и гордимся ей, так же как и другие нации.

4 октября в Грузии состоялись муниципальные выборы. Правящая партия «Грузинская мечта» получила около 70% голосов, одержала победу во всех муниципалитетах. Большая часть оппозиционных партий в выборах не участвовала, бойкотировала их и призвала на акцию «мирного свержения власти». Некоторые организаторы призвали людей штурмовать президентский дворец, что привело к столкновениям с полицией. Кому всё это выгодно? Профинансированные иностранными спецслужбами и руководимые ими, оппозиционеры дестабилизируют положение в обществе, перекрывают дороги и магистрали, вводят в заблуждение молодежь. Всего надо добиваться цивилизованным путем, участием в выборах.

Сейчас в мире не спокойно. Не утихают локальные конфликты, продолжаются войны. Только в 2025 г. зафиксировано 74 военных конфликта: Израиль, Палестина, Пакистан, Иран, Афганистан, Азербайджан, Армения, Сирия, Судан, Украина, Россия, Мьянма, Йемен, Ливия.....

Человека создает земля, без неё он ничто. Но и землю создает человек. Как её сохранить?

С любовью к ней, с миром к людям и с надеждой на будущее. А будущее – светлое и прекрасное – мы должны строить сами: здесь и сейчас. Как «Город Солнца», как город Сад, как город Науки, как город Радости, а главное Любви. Гармония существования человека и смысл, и истина, и путь...

Ольга Данелия- Румянцева

КУДА ИДЕТ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО?

О войнах и природных катаклизмах

Сколько было войн на Земле - малых и больших, длившихся всего несколько дней или продолжавшихся десятилетиями. Любые войны противоречат природе человека, его создал творец — сама любовь! Но может случиться так, что очередной международный конфликт явится началом конца деятельности “человека разумного” на Земле. Эти опасения небезосновательны.

Михаил Водопьянов

...Горит священный Илион - в 12 веке до н.э. главный город непобедимого царства Трои (территория современной Турции). Причина — любовь, ставшая легендой. Римский император Нерон (37-68 г.) возможно был обделён любовью (родительской, родственной, приближенных к нему людей, которые были убиты вместе с его женой по его приказу). В амфитеатре на Марсовом поле в 64 году он устроил пожар, а сам на расстоянии наблюдал за распространением пламени, декламируя поэму о гибели Трои.

На земле всё чаще происходят стихийные бедствия. Идёт гонка за обладание природными ресурсами. Гольфстрим (тёплое) и Лабрадор (холодное) атлантические течения меняют своё направление. Полярные ледники, казалось, вот они, холодная вечность, но и они тают... Земля меняет свой лик. Появляются рукотворные острова. В Персидском заливе искусственные острова “Пальмы Джумейра” — символ эмирата Дубай (ОАЭ) и Великая Китайская стена видны из космоса.

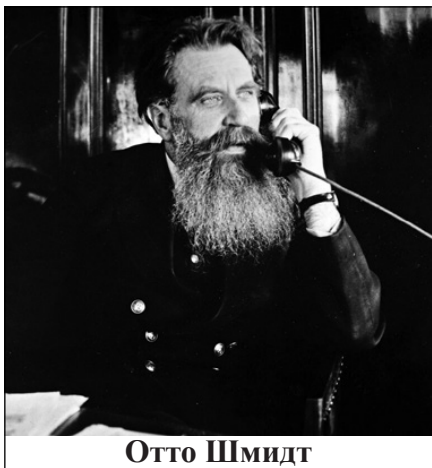
Единственное в мире построенное в России уникальное научное судно, ледостойкая платформа “Северный полюс” начала дрейф в сентябре 2024 года. Здесь тридцать человек, учёные океанологи и микробиологи работают в лабораториях и живут в тёплых каютах. На льдине у платформы создан научный лагерь с множеством приборов.

Историческая справка.

Первая в истории человечества дрейфующая научная станция “Северный полюс-1” создана 21 мая 1937 г. на широте 89°25' близ Северного полюса (такие станции существовали до 2013 года).

На борту самолёта Н-170, пилотируемого Ге-

Отто Шмидт

роем Советского Союза Михаилом Водопьяновым (за Челюскинскую эпопею), было тринадцать человек: Шмидт Отто Юльевич (руководитель экспедиции), Папанин Иван Дмитриевич (начальник станции), Фёдоров Евгений Константинович (геофизик-астроном), Шишов Пётр Петрович (гидролог), Кренкель Эрнст Теодорович (радист), шесть членов экипажа, кинооператор М. А. Трояновский и инженер завода номер 24 К. И. Морозов.

Поставили жилую и рабочие палатки, базы продовольствия и снаряжения. Заместитель руководителя экспедиции М. И. Шевелев находился в Москве на связи. Полярники проводили регулярные научно-исследовательские работы по метеорологии, гидрологии, гидробиологии, земному магнетизму, гравиметрии, изучению дрейфа. Установили радиосвязь с полярными радиостанциями. Станция пробыла на льду 274 дня, продрейфовала за это время с Северного полюса через пролив между Гренландией и Шпицбергом в Гренландское море на расстояние 2500 км. Лдына начала давать трещины.

Ледоколы “Таймыр” и “Мурман” каждый с двумя самолётами на борту эвакуировали папанинцев. В дальнейшем они перебрались на ледокол “Ермак” и прибыли в Ленинград. 17 марта 1938 г. Москва приветствовала первых покорителей Северного полюса. Им рукоплескал весь мир!

Скоро начнётся Вторая мировая война. 1 сентября 1939 г. Германия напала на Польшу, затем в 1940 г. оккупировала Норвегию, Нидерланды, Бельгию, Люксембург и Францию, в 1941 — Югославию и Грецию. 22 июня 1941 г. Германия совместно с Италией, Финляндией, Венгрией, Румынией напала на СССР. Во Вторую мировую войну было вовлечено 72 государства, мобилизовано до 110 млн. человек, погибло около 50 млн. человек.

В мае 1945 г. советские войска окончательно разгромили немецко-фашистские армии и 2 мая штурмом овладели Берлином. 8 мая 1945 Германия подписала акт о безоговорочной капитуляции.

Первая мировая война началась в 1914 г. между двумя крупными группировками государств (германо-австрийский блок и Антанта — Англия, Франция, Россия). Повод — убийство в Сараево (Босния) наследника Австрийского престола Франца Фердинанда. Инициатором войны

Иван Папанин

выступила Германия. Под давлением Германии Австро-Венгрия объявила Сербии войну. Затем Германия объявила войну России и Франции. Англия объявила войну Германии. Итого в Первую мировую было втянуто тридцать три государства. Численность действующих армий превышала 29 млн. человек, количество мобилизованных — 74 млн. человек. Погибло 10 млн. и свыше 20 млн. раненых и контуженных.

3 марта 1918 г. Советское государство оказалось вынужденным заключить тяжёлый для себя Брестский мир, чтобы спасти рождённое революцией государство.

Двадцать первый век. Канцлер Германии 69 летний Фридрих Мерц у власти с февраля 2025 года. Мечтает о новом “походе на восток” с самой сильной армией Европы. Его правительство “предоставит все финансовые ресурсы”. В 2027 году в Литве у границы с Белоруссией планируют разместить германскую танковую бригаду в 5 тыс. человек. Куда идет человечество!

Владимир Канделаки

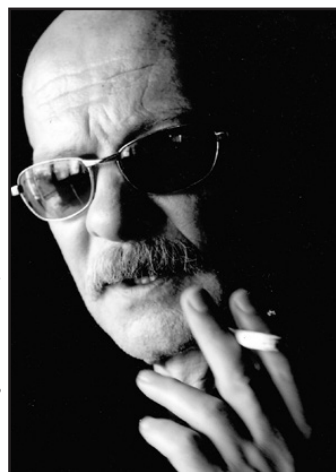
Народный художник, почетный профессор Тбилисской Академии художеств, академик Национальной Академии Грузии, кавалер ордена Чести, Почетный гражданин г. Тбилиси, член международной федерации художников под эгидой ЮНЕСКО. Его выставки проходили в ряде государств мира, в том числе и в ООН. Картины находятся во многих музеях мира, в том числе в Третьяковской галерее и музее Востока в Москве.

Окончил училище им. Я. Николадзе, Тбилисскую Академию художеств и аспирантуру. Победил на конкурсе им. Шота Руставели, миниатюры художника к «Витязю в тигровой шкуре» были признаны лучшими.

С 1987 года по 2013 год жил и работал в США, где выступался. Жил на две страны. Судьба родины не могла не волновать художника. Заработанные деньги он вез в Грузию. Заручившись поддержкой Тбилисской Академии художеств, в 1999 г. создал благотворительный фонд «Культура Грузии», издал книги: «Золотое сечение» своего учителя С. Кобуладзе и «Культура Грузии» на грузинском и английском языках, выдавал премии преподавателям, стипендии отличившимся студентам, строил на Черепашьем озере церковь, дом-музей с залами для проведения выставок.

В 2013 году по благословению патриарха Илии II художник забирает все свои работы в Америке, в том числе и из «Балч-музея», и везет на родину.

За последние тринадцать лет в Грузии было проведено несколько выставок, снят документальный фильм о Канделаки, получена еще одна награда «Золотое перо» за его документально-художественную прозу «Дама пик».

САМЕБА. ИСТОКИ

Идея предполагаемой росписи в кафедральном соборе «Самеба»

Большой светящийся крест висит в пространстве, от него идут истоки: реки, ручьи, родники. Обширные пространства между истоками заняты картами расположения основных храмов Грузии, тянущиеся по периметру храма в соответствии с его масштабами.

Кафедральный собор «Самеба» обладает привилегией наносить на свои стены изображения наших грузинских соборов — Светицховели, Джвари, Алаверди... Помимо них будет помещена копия иконы «Бо-

гоматерь», написанной Его Святейшеством Патриархом Всея Грузии Илией II. Возглавлять истоки будет «Самеба», созданная им же.

Хотелось бы получить благословение Его Святейшества. И так как он занимается иконописью, мы надеемся на его милость, на то, что он коснется своей рукой и кистью нашей стеной росписи.

С гор, с самого купола, в озеро с крестом будут изливаться священные источники, которыми так богат горный ландшафт Грузии. Тем самым увеличится мощь пространства собора, создав иллюзию выхода.

Хочется, чтобы собор был расписан потоками, священными родниками. Они послужат фоном для карты основных соборов Грузии. При этом должна быть соблюдена традиционность росписи храмов и фресковой живописи, в соответствии с которой кресты и церкви будут сопровождать надписи, выполненные шрифтами асонтаври или хуцури (над каждым собором), а также указания имен зодчих, построивших храмы.

Роспись у алтаря должна соответствовать традициям и правилам православной церкви. Иконы должны быть исконно грузинскими и по стилю и тональности подходить к росписи.

Внутренняя сторона каждого храма будет показана в разрезе, к примеру, «Квиткири – каменный дом», при котором будет освещаться основная икона, название которой носит тот или иной собор – «Хареба» («Благовещение»), «Хвтисмшоблис шоба» («Рождество Богородицы»)...

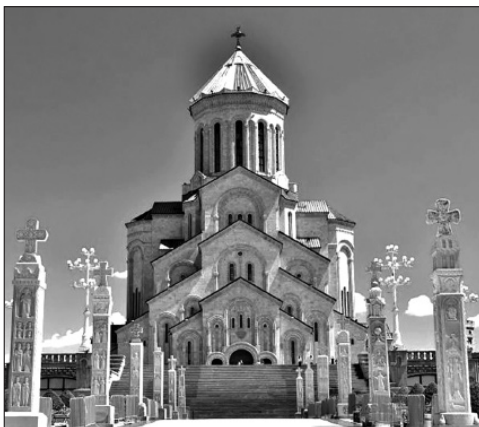
Кресты, истоки, священные родники – все это существует в моих картинах на религиозные темы, которые давно преобладают в моем творчестве. Голубой крест, высящийся в пространстве, истоки с ручейками созданы мною много лет назад и даже удостоились одо-

брения и внимания со стороны Его Святейшества Илией II.

Ни одно из вероисповеданий, ни православное, ни католическое, ни даже мусульманское, ни тибетцы, по-моему, никогда не откажутся от истоков. Мусульмане и тибетцы могут не принять креста, но не откажутся от истоков.

Кстати, Микеланджело вознес на небеса, классически исполненные им обнаженные человеческие фигуры, символизирующие святых, но все же списанные с обыкновенных натурщиков. Я хочу вознести на небеса не обнаженные человеческие фигуры, олицетворяющие святых, но все же в роли натурщиков, а истоки. Все очень просто и локально.

Мне кажется, от такой идеи нельзя отказаться. В этом – суть нашей жизни.

ГУСАРЫ, ГУСАРЫ, ГУСАРЫ... КАК ВАС ТЕПЕРЬ ВЕЛИЧАТЬ?

В российской истории особое место занимают гусары, офицеры русской армии. Происхождение слова «гусар» – венгерское.

Главным их девизом было: умереть в бою за веру, за честь, за царя. Другой девиз – жить до 35 лет. Из грузин в гусарах ходили многие, среди них был и поэт Александр Чавчавадзе – тесть Грибоедова, баловень судьбы, крестник Екатерины II. Кстати, он перешел возрастную грань девиза, прожил не много, но все же больше 35-и лет. Просто гусары знали, что им следует умереть на поле брани в 35 лет.

В чем моя вина? Что нет поля брани? У меня поле брани заключается совсем в другом. Я искал смерти в степи, и не раз, и не два, даже думал отправиться воевать в Афганистан.

Гусары за отпущенное им короткое время успевали влюблять в себя первых красавиц. Зачем им это было нужно? Они были

так воспитаны: они - воины, для них дело чести за недолгую жизнь сделать то, что возможно. Некоторые из них успевали совершать даже невозможное, становились замечательными поэтами, художниками, музыкантами. А те, кто перешел этот возраст, создали полную систему гусарства. Застолья, которые закатывались и закатываются в России, тоже исходят из сложившейся давно системы. Помолитесь за тех, кто зашел за тот возраст, в том числе за грешного и несчастного художника.

Не найдя смерти в степи, недопонимая того, что возрастной барьер преодолен, они все же остаются гусарами. Не многие смогут понять их, в их числе оказался и я. Может, в этом виноват я сам. В чем наша вина? Может быть, мы уже не гусары? А кто же мы? Поймите нас, недопонимающих, что мы уже не молоды. Слава уже не сопутствует нам. Последующие поколения, наверное, нас уже не принимают в расчет. Но мы все же

Александр Чавчавадзе

гусары и думаем: вряд ли кто-нибудь сможет отнять у нас честь и доблесть. Спасибо, если следующее за нами поколение вяло нам и осознало, убедилось, что мы все же есть, все еще есть. Когда я вижу и слышу, что кто-то старше меня, притом на много лет, еще способен на доблесть, мало того, в 70 лет женится и рождает потомство, на душе становится радостно от того, что нас что-то еще ждет впереди.

Слава гусарам! Любой национальности и вероисповедания! У мусульман они называются джигитами. Слава доблести, которую бы не мешало иметь всем. Слава тем, кто бы захотел её проявить. Пусть поможет им Всевышний, который всё видит, поощряет их и всё ещё имеет их в виду.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О БЕЛЫХ КОНЯХ

Мне часто вспоминаются строки из стихотворения русского поэта: «В поле разносится глас: «Помоги! Чем помогу? Как помогу? Сам я устал в пути, я голоден и слаб». Зачем мне эта фраза, когда мне не хочется устать? Это не по мне, лучше было бы наоборот, и это означает, что я не устал, что дорога меня не замучила, я все еще могу кому-то помочь, хотя бы чуть-чуть, так же, как могу помочь хоть чем-то общему делу.

Не лучше ли вспомнить нашего поэта Николоза Бараташвили и снова окрылить Пегаса, у Бараташвили названного Мерани, и сказать словами стихотворения:

Николоз Бараташвили

«Мчись, мой Мерани, крылатый конь, на благо всего хорошего».

Как-то в разговоре при мне задели и обвинили Россию в том, что в Грузии исчезли белые кони. Было сказано, будто бы Россия закупила всех белых коней. Я подумал: этого не может быть, не браните Россию понапрасну, причем здесь белые кони. Не обвиняйте.

Белый конь - это не порода, а преждевременная седина, преждевременное старение. Ни Россия и никто иной не может отнять у Грузии белых коней. Нашего Мерани, Пегаса, черного, переливающегося разными цветами спектра. Сказка, легенда. У нас его никто и никогда не отнимет, потому что это чудо нашего воображения.

Анна и Анастасия Картвели

Из цикла «Времена года и зверята»

ОСЕННЯЯ СКАЗКА

Глава 1

В лесу незаметно вступила в свои права осень. Дни стали короче. Солнышко теперь поздно встает и рано прячется за гору. Все чаще моросящий дождь стучит в окна лесных жителей, не давая им возможности выйти в лес и пополнить свои запасы на зиму.

Боятся звери холодов, голодно тогда в лесу.

Глава 2

Белка летом собрала много орехов да засушила разных грибов. Ёж тоже засушил грибов да наварил из ароматных лесных ягод вкусное повидло.

Медведь запасся медом и малиновым вареньем.

Заяц на своем огороде вырастил морковь. Урожай у зайца выдался отменный. Не боится теперь он непогоды.

Мышь в поле собрала много колосков и аккуратно сложила их в кладовой.

Олень с лосем накопили сочной травы, теперь душистого сена хватит им до весны.

Глава 3

Вот в один из теплых осенних вечеров собрались звери на поляне, костер развели, и каждый стал рассказывать, какие запасы сделал на зиму.

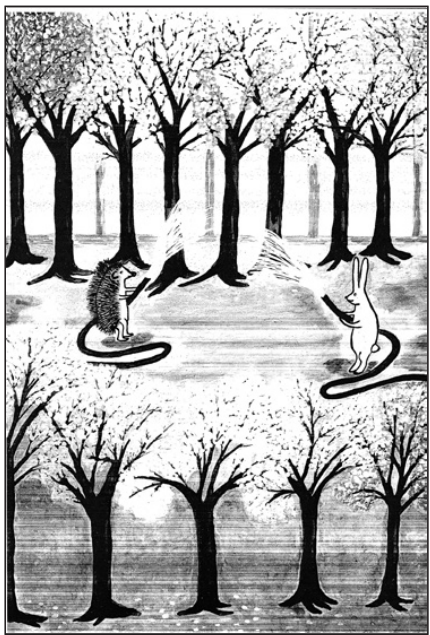
Тут медведь говорит: «Видел я вчера по телевизору, как в соседнем лесу звери теплицу построили. Не страшны им теперь холода. У них всегда будут свежие фрукты и овощи».

«Друзья, а давайте и мы построим теплицу!» - сказал олень.

Предложение оленя понравилось зверям, и решили они, пока стоят теплые деньки, начать строительство.

Глава 4

На следующий день выбрали звери место на поляне, разметили территорию и дружно приступили к работе.

Возведя фундамент, поставили на него строители металлическую конструкцию, затем вставили рамы со стеклами.

Застеклив теплицу, лесные жители продумали систему ее полива и обогрева. Для этого протянули трубы от родника и установили солнечные батареи.

Глава 5

Закончив со строительством, звери стали обсуждать, что будут выращивать они в теплице.

«А давайте посадим фруктовый сад!» - предложил медведь.

«Да, да, конечно, фруктовый сад!» - поддержали его все лесные жители.

И вот высадили звери в теплице фруктовые деревья: вишневые, мандариновые, апельсиновые, грушевые, и, конечно же, яблони.

Лесные жители хорошо ухаживали за своим садом, и деревья вскоре зацвели.

Глава 6

Узнала о теплице ворона. Ох и недовольна была она новой постройкой. Весь день ворчала: «Как же теперь буду летать я над поляной, мешает мне фруктовый сад!»

У вороны даже аппетит пропал. Никак не может придумать она, как помешать лесным жителям.

Вот сидит однажды ворона на ветке дерева у поляны, наблюдает, как звери в теплице трудятся. Мимо пробежал хорёк, увидел он ворону и спрашивает: «Ты что так исхудала, соседка, не заболела ли?»

«Нет, не заболела, ступай своей дорогой!» - ответила ему ворона.

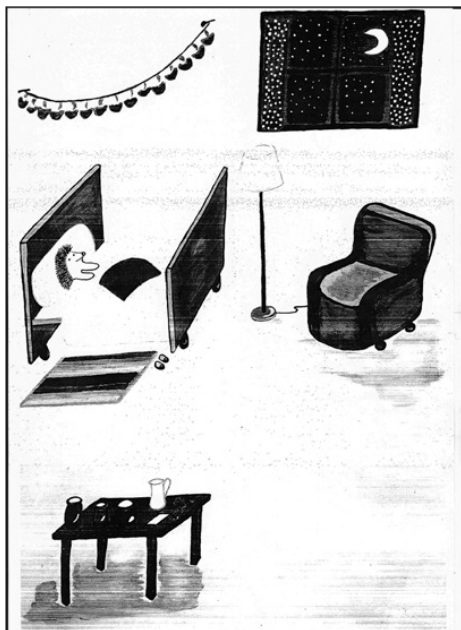
«Ну, ну,» - сказал хорёк и побежал к теплице помогать своим товарищам.

Но вот у вороны появился коварный план. Вечером, когда звери, закончив работать в саду, разошлись по домам, ворона выбрала большой камень, взяла его в клюв и, пролетая

над теплицей, бросила камень в застеклённую крышу. Раздался звон разбитого стекла, и холод стал проникать во фруктовый сад, подкрадываясь к цветущим деревьям.

Ворона, вернувшись в свое дупло, была очень довольна. В этот вечер она с аппетитом поужинала и, уютно устроившись на своей кровати, сладко уснула.

Глава 7

А ежу в этот вечер не спалось. Он думал о чудесном саде и о том, как с друзьями будет собирать созревшие фрукты да угощаться ими. И тут ему показалось, что забыл он закрыть поливочный кран.

Быстро оделся ёж и побежал к теплице. Войдя в нее, он почувствовал, что в саду холодно. Удивился ёж и тут же стал проверять окна. «Может, забыли закрыть какое-нибудь, когда проветривали утром помещение», подумал он. И тут ёж заметил в стеклянном потолке разбитое стекло. Взял он тогда свой мобильный телефон и стал звонить

всем зверям, рассказывая о случившейся беде.

Глава 8

Вот собрались лесные жители в теплице. Вставили они на место разбитого стекла новое. Но во фруктовом саду было холодно. Звери стали беспокоиться, что могут погибнуть цветущие деревья.

Тогда медведь принес дровяную печь и затопил ее, чтобы деревья быстрее согрелись.

К радости лесных жителей сад был спасен. Вовремя увидел ёж разбитую крышу.

Глава 9

Утром собрались звери на совет. Медведь на собрании предъявил камень, который нашел под разбитым стеклом.

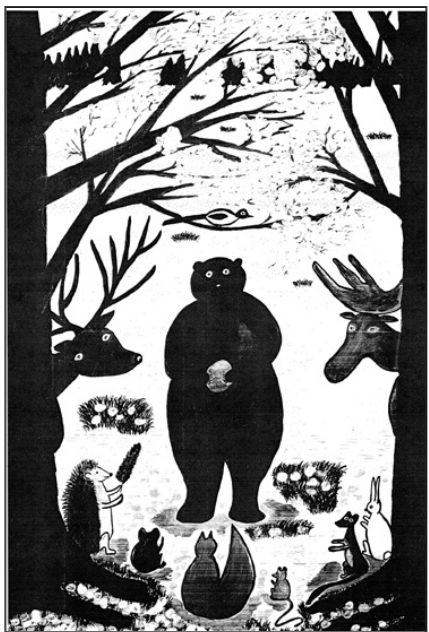
Стали лесные жители думать, кто же мог повредить теплицу.

Тут хорёк говорит: «Я, кажется, догадался, кто мог навредить нам.» И рассказал о своей встрече с вороной.

«Ты прав, хорёк, это была ворона. Возле солнечных батарей я нашел вот это черное воронье перо!» - сказал ёж, показывая свою находку.

Тут лось говорит: «Друзья, давайте установим дежурство и будем охранять наш фруктовый сад!»

Все звери согласились с предложением лося. Составили лесные жители график дежурств, и теперь деревья были под надежной охраной.

Глава 10

Наступили холода, а во фруктовом саду тепло. Солнечные батареи хорошо обогревают теплицу. Ну, а в очень холодные дни звери дополнительно дровяную печь стали топить, чтобы поддерживать в саду постоянную температуру воздуха.

Глава 11

Ворона же сидит в своем дупле, смотрит на дымящуюся трубу и тихо каркает:

«Кар! Кар!» И есть она перестала, совсем исхудала, сил у нее не стало вылетать из дупла.

Глава 12

А деревья во фруктовом саду дали хорошие плоды. На ветках мандарины, апельсины, яблоки, груши, вишни радуют верных друзей.

Да уж скоро зима! Но не страшны лютые морозы зверям, потому что у них есть теплица, а в ней тепло и очень много фруктов.

Довольны лесные жители, что осенью дружно потрудились и теперь всю зиму будут лакомиться вкусными и ароматными плодами.

Рисунки Ирины МИРОШНИЧЕНКО-МГЕЛАДЗЕ

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО РЕДАКТОРА.....	1
<u>ПОЭЗИЯ.....</u>	<u>2</u>
Александр ЖИЛЯЕВ	
Ангел	
Осень	
Сегодня ночью ты приснилась мне	
Лебединое эхо.....	3
В ночь перед дуэлью	
Возьму с собой.....	4
Беларусь	
Ах, как была грузинка хороша!	
*** Я боль твою укрою в тишине.....	5
*** Я нарисую твой портрет	
Там нет тебя	
Ты люби меня нечаянно.....	6
Две женщины	
Марина ПИДУАШВИЛИ.....	7
Полотно	
Мама.....	8
Вы не злодей	
Тихое ожидание.....	9
Скрипач.....	10
Двое	
Выбор	
*** Посреди шторма, в бушующем море	
<u>ПРОЗА.....</u>	<u>11</u>
Роберт АВАДЯЕВ	
Теневая сторона улицы	
Уча АВСАДЖАНИШВИЛИ.....	18
Прощание с Тибидабо	
Протоиерей Владимир АЛЕКСАНДРОВ.....	21
Последний трамвай	
Самсон ГЕЛХВИДЗЕ.....	29
Кариткания – экзотическая птица	
Ксения РОДИОНОВА-ХЕЛАЯ.....	36
Мотылёк	
День Победы.....	38
Наталья СЕЛЕЗНЕВА.....	41
Преобразователь пространства	

Петр ХОТЯНОВСКИЙ.....	46
Петербургские приключения Василия Васильевича Петрова (Васьвася) и реинкарнировавшегося в него фараона Аменхотепа IV	
У НАС В ГОСТЯХ.....	53
Алексей АГАЛАКОВ	
Ради любви	
Мать-Грузия	
Неисчерпаемый источник.....	54
Рябиновые бусы	
*** А в вашей жизни были чудеса?	
Подруга поэтессы	
Ванина любовь.....	55
Танец	
Сиамовнеба	
Миг неповторимый.....	56
Ты	
Люби меня	
Елена ВСЕСВЕТЛАЯ	57
О женщине	
Буйство лиловой сирени.....	58
*** Я родилась в заснеженной Москве	
Сказка ночи	
Расплескавши румянец, лег закат вдалеке...	
Святая Русь.....	59
Моя Москва	
Во светлый праздник Рождества	
Ветка черёмухи	
Осени сладкий тандем.....	60
Порхают строки не спеша...	
Хрустальной слезою плачет душа...	
Небесные барашки	
Елена КОНИК.....	61
Истина...	
Кошка	
Мир...	
*** Как трудно донести простую мысль!	
Домой.....	62
*** Однако слово!!!	
Упала чашка со стола	
Расея...	
Между чёрным и белым.....	63
Жизнь!	
С добрым утром!	
Жучок	

